

Маленькая эстимация

РУТ СОЙЕР
**ОДНА
В НЬЮ-ИОРКЕ**

Рут Со́йер
Одна в Нью-Йорке
Серия «Маленькие женщины»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158797

Одна в Нью-Йорке: Глобулус; Москва; 2002

ISBN 5-94851-009-3

Аннотация

Родители героини уехали отдыхать, и она с головой окунается в жизнь большого города. Каждый день приносит ей что-то новое, сводит с самыми разными людьми. Веселый нрав, стремление сделать всем добро привлекают к ней окружающих, которые сами становятся от этого лучше и добрее.

Содержание

МИСТЕР ГИЛЛИГАН БЛЕСТЯЩЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОЕЙ МИССИЕЙ	4
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	29
НОВЫЕ ДРУЗЬЯ	31
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	61
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МИСТЕРОМ УИЛЬЯМОМ ШЕКСПИРОМ	64
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	89
ВСЯКИЕ РАЗНОСТИ	93
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	120
ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ	123
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	147
РОЖДЕСТВО	149
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	168
КРЕЩЕНИЕ	171
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	193
РОЛИКОВЫЕ КОНЬКИ	194
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	214
ЧАЙКА ЛЕТИТ К МОРЮ	216
ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН	232
ВРЕМЕННОЕ СИРОТСТВО КОНЧАЕТСЯ	234
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	253

Рут Сойер

Одна в Нью-Йорке

(Маленькие женщины)

МИСТЕР ГИЛЛИГАН БЛЕСТЯЩЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОЕЙ МИССИЕЙ

Позже этот достойный джентльмен любил повторять Люсинде:

– Нам, знаешь ли, очень тогда повезло обоим. Тебе уже исполнилось десять, а мне – пятьдесят. Самое удачное сочетание, чтобы как следует подружиться.

Поначалу ни о каком мистере Гиллигане даже не было речи. Люсинда вместе с папой и мамой остановилась в старой гостинице «Геднихаус». Перед тем как родителям настало время отправляться на пароход, папа собирался препроводить дочь к сестрам Питерс, как говорила Люсинда, «на своих двоих». Однако в результате все вышло совсем по-другому, и мистер Гиллиган не собирался умялять своей роли. Ведь именно в его кэбе Люсинда подъехала к дому, где жили сестры Питерс, а потом мистер Гиллиган сопровождал ее до

квартиры на втором этаже. Но давайте обо всем по порядку.

В тот момент, когда папа Люсинды открыл дверь номера, чтобы отвести ее к сестрам Питерс, они увидели мальчика-посыльного. Он как раз собирался постучать к ним. Заметив мистера Уаймена (так звали папу Люсинды), мальчик вручил ему письмо. По почерку на конверте папа сразу догадался, кто его прислал.

– Это от твоей тети Эмили, – мрачно объяснил он дочери.

– Придется вернуться и дать маме прочесть. А тебе, – поглядел он на посыльного, – лучше всего подождать в коридоре. Чувствую, без ответа не обойтись.

Папа Люсинды знал, о чем говорил. Тетя Эмили приходилась его жене старшей сестрой. Смысл своей жизни она видела в том, чтобы во все постоянно вмешиваться. Во всяком случае, ни на какие другие дела эта достойная леди не тратила столько изобретательности и сил. Сунуть нос не в свое дело, повернуть все по-своему было истинным ее призванием. Бабушка Люсинды умерла, когда мама ее была совсем маленькой. С тех пор бразды правления в доме перешли к тете Эмили, и она получила священное право вмешиваться в дела всех домашних.

Теперь у мамы Люсинды были муж и дети, но все равно она по-прежнему побаивалась старшей сестры. Вот почему, напутствуя дочь, перед тем как они с папой выходили из номера, мама чуть ли не в первую очередь упомянула о тете Эмили.

– Запомни, милая, каждую субботу ты непременно должна навещать ее. Тетя Эмили хочет сама заниматься с тобой шитьем. А потом ты будешь ужинать вместе с ней и кузинами.

Вслед за этим последовали и другие напутствия. Мама просила дочь не забывать по воскресеньям о церкви или воскресной школе («Выбери одно из двух, что тебе больше нравится, и обязательно ходи, милая!»); призывала записывать как можно больше в дневник («В будущем тебе будет интересно все это читать!»); настаивала, чтобы с конца октября Люсинда не снимала теплого белья («Помни: осенью легко простудиться!»). Но все-таки тетя Эмили стояла на первом месте.

Впрочем, как мы уже убедились, напутствия были произнесены преждевременно. Отец и дочь возвратились. Мама взяла у палы письмо, и руки ее задрожали.

– Давай-ка сядем, – шепнул папа Люсинде. – Не сомневаюсь, сейчас что-то произойдет. А ты, – взглянул он ласково на жену, – читай вслух. Нам ведь тоже интересно узнать, что пишет милейшая Эмили.

– «Моя дорогая Бесси! – начала читать вслух мама Люсинды. – Чувство долга призывает меня говорить с тобой откровенно. Не думаю, что состояние твоего здоровья таково, как ты пишешь. Наверняка прежде чем уезжать на лечение, ты могла бы все обсудить со мной. Но раз уж этот твой доктор Хичкок убедил тебя, мне остается лишь развести рука-

ми. Одно волнует меня: бросая на произвол судьбы единственную свою дочь, ты, кажется, не подумала, что было бы гораздо разумнее вверить девочку моему попечению. Конечно, дело твое. Но я считаю, что ближайшие родственники справились бы с твоей дочерью куда лучше, нежели эта Питерс. Она, конечно, прекрасная женщина. Как учительница она тоже заслуживает всяких похвал. Однако очень сомнительно, что она будет хорошей наставницей для ребенка вроде твоей Люсинды. Я не меньше тебя привязана к девочке, но будем называть вещи своими именами. Сама знаешь: твоя дочь упряма и чересчур откровенна...»

Мама Люсинды остановилась.

– Мне и в голову не могло прийти, что Эмили все истолкует подобным образом! – воскликнула она, обескураженно поглядывая то на дочь, то на мужа.

– Вполне можно было предвидеть, – усмехнулся папа Люсинды. – Но я рассчитывал, что мы успеем уехать, прежде чем твоя сестрица спохватится. Давай дочитаем ее письмо, дорогая. Любопытно, что она нам еще посоветует?

Он подсел к жене и ласково обнял ее. Та продолжала читать:

– «Мисс Питерс не имеет положения в обществе. Как же она способна дать подходящее воспитание девочке из такой благородной семьи, как наша? Да мисс Питерс смыслит в этом не больше чем в разведении кроликов бельгийской породы!»

На этот раз чтению помешал громкий смех папы.

– Должен заметить, твоя сестрица позволяет себе быть вульгарной, – скорчив скорбную мину, проговорил он.

– Перестань, Фрэнк! – взмолилась жена, которая и так едва сдерживала слезы. – А то мы никогда до конца не дочитаем.

– Прости, прости, продолжай, – тут же угомонился папа, и мама вновь принялась за письмо:

– «Люсинду вполне можно было бы поместить в комнате с Фрэнсис и Вирджинией. Конечно, пятый ребенок в доме не слишком облегчит мою жизнь. Тем не менее я настоятельно требую, чтобы ты отправила свою дочь к нам. Тут она будет под присмотром гувернантки-француженки, в окружении моих благовоспитанных дочерей, да и я наконец смогу внести посильный вклад в ее воспитание. Сама мысль об этом скрасит для меня все неудобства, которые принесет в мой дом твоя дочь. Не знаю, нужно ли мне к этому еще что-нибудь добавлять».

Видимо, в следующий же момент сестрица Эмили нашла, что добавить кое-что все-таки нужно, и письмо разрослось еще на две страницы. Однако, еще прежде чем они были дочитаны, мама Люсинды начала всхлипывать, а девочка решила, что лучше умрет, чем согласится поехать к тетке.

– Фрэнк! – взмолилась жена, складывая письмо. – Как же я теперь оставлю Люсинду мисс Питерс?

– Никак! – беззаботно отвечал мистер Уаймен. – Будем

считать, что этого письма просто не было. Наш пароход отходит через час. И на этот раз я не позволю твоей сестрице мешать нашим планам! – яростно треснул он кулаком по столу.

– Да, Фрэнк, – отозвалась жена, но теперь голос ее звучал не столь уверенно. – Я вот только подумала вдруг... Люсинда... Она у нас действительно немного упрямая. И раз Эмили так считает... Все-таки нам, наверное, придется отправить Люсинду к ней.

Но тут в дело вмешалась сама Люсинда. Взвившись в воздух, словно резиновый мячик, она завопила:

– Не поеду я к тете Эмили! Думаете, я не поняла, что она ни кусочка свободного времени мне не оставит? Не нужны мне ее благовоспитанные дочечки! Я все равно от нее сбегу! Ах, ах! – Девочка принялась самым издевательским образом копировать интонации тетки: – «Моя французская гувернантка!», «Мои благовоспитанные!», «Ах, мой долг!».

В другое время родители непременно ее отругали бы. Но сейчас у них просто не было времени. До отъезда оставалось совсем чуть-чуть, а они так еще и не решили, как быть с Люсиндой.

Папа взял дочку за руку и сказал жене:

– Напиши своей сестрице записку! Пусть наконец поймет, что мы не собираемся менять свои планы. Я хотел проводить Люсинду. Теперь, по милости тетушки Эмили, придется отправить ее в наемном кэбе одну. Что же касается парохода, –

папа поглядел на часы, – то мы успеем на него лишь в том случае, если Бог будет к нам сегодня особенно милостив.

В следующую секунду мама села писать записку. Люсинда и папа принялись собираться. Мальчик-посыльный помогал им изо всех сил. Довольно скоро вещи Люсинды погрузили в лифт. Тут подоспели носильщик и гостиничный бой¹ Томми Хиккс. Люсинда успела с ним подружиться, и теперь он непременно хотел ей помочь.

Исход Люсинды из вестибюля старинной гостиницы напоминал торжественное шествие завоевателя эпохи Римской империи. Роли триумфаторов исполняли носильщик и мальчик-посыльный: в одной руке у него была стопка книг, перетянутая кожаными ремешками, а в другой – книги, не перетянутые ничем, так что их приходилось сжимать под мышкой. Следом вышагивал носильщик. Он водрузил себе на спину окованный медью сундучок. Когда-то мама ездила с ним в свадебное путешествие. Теперь девочка выпросила сундучок себе, и медные шляпки его гвоздей сияли на солнце, словно спина носильщика превратилась в усеянный звездами ночной небосклон. Третьим в строю шел папа. Ему доверили походную конторку, обтянутую зеленым сафьяном, в которой хранились письменные принадлежности Люсинды. Конторку родители подарили ей перед самым отъездом из дома. Кроме нее, папа с заметными усилиями волок какое-то непонятное сооружение в старой занавеске из золо-

---

¹ Бой – мальчик-рассыльный в гостинице.

тистого плюша. Но и этим папа не ограничился. Свободными пальцами правой руки он прихватил картонку, в которой при каждом шаге что-то звенело. Замыкал процессию Томми Хиккс. На его долю достался кожаный саквояж, такой большой и тяжелый, что дно едва не волочилось по полу. Люсинда, как подлинный полководец, возглавляла процессию. Одной рукой она придерживала пару роликовых коньков, которые перекинула через плечо, другой вцепилась в гитару.

Мистер Спидлер, управляющий гостиницей, суетился вокруг.

– Я вам помогу, мистер Уаймен, – говорил он папе Люсинды. – Зачем вы так надрываетесь? Дайте мне хоть что-нибудь понести. А о Люсинде можете не тревожиться, сэр! Мы с женой так ее полюбили! Не важно, что она теперь будет жить не в гостинице. Все равно мы о ней позаботимся. Обещаю вам, мистер Уаймен!

Томми Хиккс, волоча из последних сил саквояж, все же сумел нагнать Люсинду еще перед тем, как она поравнялась со старым швейцаром Чарли.

– Дай честное индейское, что будешь заходить к нам, Люсинда, – требовательно прошептал он.

Но девочка ничего не успела ему ответить.

– Погоди, погоди, милая! – раздался истошный призыв сзади.

Секунду спустя перед Люсиндой остановилась маленькая

пухлая женщина. На руках она держала собачку. Это были миссис Колдуэлл и ее верный пес по кличке Пигмалион. Они очень спешили из столовой, чтобы успеть попрощаться с Люсиндой. Тяжело отдуваясь, миссис Колдуэлл влепила девочке звонкий поцелуй.

– Нам с Пигмалионом очень будет тебя не хватать, – сказала она. – Обещай приходить почаще.

– Обещаю! – энергично тряхнула головой Люсинда.

Тут старый Чарли распахнул настежь дверь, и триумфальная процессия вышла на улицу.

– Найди нам скорее кэб, Чарли! – крикнул старому швейцару папа Люсинды.

Именно в этот момент кэб мистера Гиллигана поравнялся с гостиницей. Внутри экипажа немедленно запихнули Люсинду, сундук, саквояж, непонятное сооружение в плюшевой занавеске, громыхающую картонку, книги, роликовые коньки и гитару. Потом, встав на подножку кэба, папа крепко поцеловал Люсинду.

– Только не вздумай без нас тосковать! – улыбаясь, говорил он. – Старайся как можно веселее проводить время. Учти, такой свободы тебе, может быть, больше никогда не представится.

– Да не волнуйтесь вы так, мистер Уаймен! – принялся успокаивать папу старый Чарли. – Ваша дочка из тех, которые, откуда ни упадут, всегда приземлятся на обе ноги.

Старый Чарли еще что-то говорил папе, но Люсинда уже

не слышала. Кэбмен взмахнул кнутом, и они поехали. Правда, довольно быстро мистер Гиллиган сообразил, что в спешке никто так и не удосужился сказать, куда нужно доставить девочку. Поэтому он вынужден был крикнуть вниз:

– Куда едем, милая?

Люсинда задрала голову. Круглое обветренное лицо кэбмена парило над ней. «Ну прямо ангел!» – подумала девочка и улыбнулась.

– Куда вас доставить, мисс? – повторил изборожденный морщинами «ангел».

– В Рим! – вспомнив о триумфальных проходах в холле гостиницы, весело отвечала Люсинда.

Потом, восхищенно разглядывая блестящий цилиндр кэбмена, она назвала адрес сестер Питерс и очень серьезно уточнила:

– Второй этаж.

Люк в крыше кэба захлопнулся, и Люсинда на некоторое время смирилась с этим. Но едва они миновали первую улицу, она постучала в люк грифом гитары. Все-таки не каждый день ей приходилось оставаться одной, без родителей, и молча переживать такое событие она не могла.

Люк немедленно отворился. «Ангел» с обветренным лицом улыбнулся девочке:

– Не беспокойтесь, мисс, мы едем правильно.

– Да не в том дело, – махнула Люсинда рукой, – я просто не хочу, чтобы вы закрывали это окошко. Мне так хочется

с вами поговорить!

Обветренное лицо внезапно исчезло. Дело в том, что как раз в это время мистеру Гиллигану надо было круто свернуть в переулок, и он не отважился это сделать, отвернувшись от дороги. Как только они вновь поехали по прямой, Люсинда напомнила о себе.

– Пять минут назад в мире стало одной сиротой больше! – гордо объявила она. – Эта сирота – я!

– Ох, мисс, – скорбно покачал головой кучер. – Какие печальные новости!

– Да нет, совсем не печальные! – решительно разуверила его девочка. – Наоборот, папа сказал, что мне будет совсем не плохо. Только бы тетя Эмили не вмешалась! Знаете, с нее вполне станется перехватить меня по дороге. Это все равно как гоблины украли Маленькую Сиротку Энни, помните?

Мистер Гиллиган не очень-то понял, о чем говорила его пассажирка. Отчетливо он разобрал лишь слова о том, что она стала теперь сиротой. А так как ничего веселого усмотреть в этом не смог, то почел своим долгом еще раз воскликнуть:

– Да, да, печальные новости, мисс!

Люсинда откинулась на спинку сиденья и высоко задрала голову. Теперь она оказалась несколько ближе к люку. Набрав в легкие воздуха, она закричала:

– Да я не навсегда сирота! Мои папа и мама на время уехали за границу. Вернее, почти уехали. Папа занимается им-

портом. А мама чем-то таким заболела. Ей прописали пожить в Италии, но в постели лежать не надо. А вы там когда-нибудь были?

– В постели? – переспросил мистер Гиллиган.

Люсинда хотела было всерьез уточнить, что имела в виду Италию, но, встретившись с ласковым взглядом кэбмена, только улыбнулась.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Я – Патрик Гиллиган, мисс.

– Ирландец! – с восхищением выдохнула девочка. – У меня няня-ирландка была. Она служила у нас моей няней, пока мне не исполнилось восемь. Ее Джоанной зовут. Сейчас она тоже у нас работает. Только не няней, а второй горничной. Это просто отличная няня, мистер Гиллиган! Не то что всякие там гувернантки-француженки. Наша Джоанна – из графства Антрим. Вы там никогда не были, мистер Гиллиган?

Выяснилось, что никогда. Сам мистер Гиллиган был уроженцем графства Уиклоу. А его жена, миссис Гиллиган, происходила из графства Керри.

– А в ваших с миссис Гиллиган графствах феи тоже водятся? – принялась расспрашивать девочка. – А лепешки с изюмом у вас тоже пекут?

– Да, да, милая, – улыбнулся кэбмен, – фей и лепешек там сколько угодно.

Сердце Люсинды громко застучало от радости. Девочка

подалась вперед. Душой она уже была там, на крыше, где правил лошадей этот замечательный человек. «Если у мистера Гиллигана есть миссис Гиллиган, значит, у них пекут лепешки! – пронеслось в голове у Люсинды. – Может быть, они когда-нибудь пригласят меня к чаю?» Вдруг Люсинда почувствовала себя совсем одиноко. Еще недавно она жила в доме, который напоминал ей полный стручок. Там были папа с мамой, и четверо братьев, и гувернантка-француженка, и кухарка Джо, и Джоанна, и разнорабочий Коннелли. А сейчас стручок будто лопнул, и Люсинда выпала из него и, как забытая всеми горошина, закатилась в кэб. Она внимательно поглядела на свои вещи. Сейчас они ей стали особенно дороги, потому что окружали ее в родном доме. Тщательно проверив, не пропало ли что-нибудь из багажа, девочка несколько приободрилась и снова подумала о лепешках с изюмом.

– Мистер Гиллиган! – крикнула она кучеру. – А вы с миссис Гиллиган режете лепешку с изюмом, как пирог, и едите прямо со сковородки?

– Именно, милая, – отозвался тот и, причмокнув от удовольствия, добавил: – А перед тем как есть, сдабриваем каждый ломтик кусочком масла.

Вскоре кэб остановился.

– Приехали, мисс! – объявил мистер Гиллиган и, кряхтя, спустился со своего места на крыше.

Кэбмен оказался маленьким, коренастым, и Люсинда подумала, что его как будто специально вылепили для того,

чтобы править кэбом. Мистер Гиллиган пристегнул к уздечке лошади кожаный ремень с противовесом, потом опустил противовес на мостовую. Кэб встал словно корабль на якоре.

– Видишь? – удовлетворенно потирая руки, объяснил кэбмен Люсинде. – Пока я не уберу эту штуку, моей лошади никуда отсюда не деться. Давай-ка, я помогу тебе вылезти, милая. Вот так, – приговаривал он, протаскивая девочку сквозь баррикады из багажа, – вверх, а теперь вниз.

Вскоре Люсинда уже стояла на тротуаре, а мистер Гиллиган вытаскивал свадебный сундук мамы, картонку и прочее.

Им пришлось дважды подняться на второй этаж, прежде чем все вещи Люсинды перекочевали в квартиру сестер Питерс. Мисс Питерс и ее младшая сестра мисс Нетти уже поджидали их в гостиной. Комната была уставлена множеством мебели и всяческих безделушек.

– Вот тут ты будешь в основном проводить время, – немедленно сообщили сестры Люсинде.

Той очень понравилась комната, но она вспомнила о правилах вежливости и стала смущенно отнекиваться:

– Что вы! Что вы! Зачем же мне занимать такую красивую комнату?

Потом девочка представила хозяйкам мистера Гиллигана.

– Очень приятно, мистер Гиллиган, – сказала мисс Питерс. – Боюсь, мы сегодня доставили вам много хлопот.

– Какие там хлопоты, мэм! – запротестовал кэбмен. Он поставил в угол непонятный предмет в старой плюшевой за-

навеске и впервые за все время знакомства с Люсиндой снял шляпу. И вот он стоит посреди гостиной – розовощекий, морщинистый и чрезвычайно довольный собой.

– Отважусь просить вашего позволения, мэм, – церемонно обратился он к мисс Питерс, – пригласить эту юную леди к себе на чай с изюмовой лепешкой, которую, – тут он выразительно поглядел на Люсинду, – режут ломтями, словно пирог, и сдабривают кусочком хорошего масла.

Люсинда поднялась на цыпочки от восторга.

– Мисс Питерс! Ну, пожалуйста, мисс Питерс! – взмолилась она. – Мы с мистером Гиллиганом такие большие друзья! Уверена, мама ничего не имела бы против, если бы я пошла на чай и на лепешку с изюмом к мистеру Гиллигану и к миссис Гиллиган. Вы знаете, мисс Питерс, они оба ирландцы! Из графства Уиклоу и графства Керри! – произнесла Люсинда таким тоном, словно речь шла о фешенебельных кварталах Нью-Йорка.

У мисс Питерс были кое-какие сомнения по поводу визита Люсинды к мистеру Гиллигану. Однако она ни словом не выдала своих чувств, лишь обменялась с сестрой выразительными взглядами.

– Спасибо за приглашение, мистер Гиллиган, – отвечала мисс Питерс. – Не сомневаюсь, Люсинда с радостью посетит вас с женой. Разумеется, если вы проводите ее туда и обратно.

– Разумеется, мэм! – с жаром заверил кэбмен. – Иначе и

быть не может!

На прощание он отвесил всем почтительный поклон и вышел. Сестры Питерс и Люсинда тоже поклонились в ответ. Затем девочка побежала на лестничную площадку и, свесившись в пролет, ждала, пока мистер Гиллиган не вышел из подъезда.

Оставшуюся часть дня Люсинде предоставили в полное ее распоряжение. Она могла спокойно осваиваться на новом месте и раскладывать вещи. В повседневной жизни Люсинда особенной аккуратностью не отличалась. Однако запаковывать и распаковывать вещи после путешествия было одним из ее любимых занятий. Тут она проявляла невероятную аккуратность. Ловко снуя между чемоданами, узлами, гардеробом и ящиками секретера, девочка вскоре разложила почти все, что прибыло вместе с ней из отчего дома.

Квартира сестер Питерс (Люсинда немедленно стала именовать ее «наша квартира») занимала весь второй этаж дома. Ее составляли гостиная, спальня, ванная и рабочая комната. Последняя понравилась Люсинде больше всего. Она напонила ей то, что рассказывала няня Джоанна об ирландских хижинах. «Если встать посредине, – говорила Джоанна, – можно, не сходя с места, поставить на плиту чайник, убрать тарелки в кухонный шкаф, слазить под стол, да еще отворить дверь на улицу». «Тут, наверное, тоже можно было бы все это сделать!» – с восторгом оглядывая крохотную рабочую комнату сестер Питерс, подумала девочка.

Днем мисс Нетти уходила куда-то шить. Иногда она приносила шитье домой. Поэтому в рабочей комнате стояли швейная машинка и гладильная доска. Тут же притулились столик с газовой плиткой на две конфорки и посудный шкафчик. Еще в комнате был встроенный шкаф для белья. Разделочный столик, когда не готовили, складывался и не занимал лишнего места. В уголке, тщательно задрапированном занавеской, стояли веник и совок. Даже на подоконнике место не пропадало зря. Там зеленел лес из самых разнообразных растений в горшках.

– Как у вас тут уютно! – радостно проговорила Люсинда. – Вы разрешите, я тоже буду про эту комнату говорить «моя рабочая комната»?

Дозволение немедленно было дано, и девочка решила, что поставит сюда те из своих вещей, которые можно назвать «рабочими». Первым перекочевал сюда таинственный предмет в занавеске из плюша. Он оказался игрушечным театром. Внутри театра было полным-полно декораций и игрушечных актеров, которые, судя по всему, уже изрядное время маялись без работы.

В картонке была сложена кукольная посуда из английского фарфора с оранжевыми каемками. О такой посуде любая девочка могла только мечтать, и Люсинда очень ее берегла. Впрочем, как и кукольные ножи, ложки и вилки, которые хранились в той же коробке.

Для всего этого сестры Питерс освободили нижнюю пол-

ку в посудном шкафу. Как ни удивительно, туда все влезло, и рабочая комнатка показалась Люсинде волшебной. Она словно чуть-чуть растянулась и вместила в себя все ее любимые вещи.

Кроме кукольных принадлежностей, в картонке нашлись две скатерти для самой Люсинды. Мисс Нетти раздвинула небольшой столик и проверила, подходят ли скатерти. Они подошли. Можно было подумать, что их делали специально для складных столов такого размера.

Тут же решили, что Люсинда будет ровно в шесть каждый вечер ужинать за этим столом. Скатерть и тарелки она может выбрать сама. Любые тарелки, кроме старинного английского сервиза на верхней полке. Выбор еды тоже оставался за девочкой. Сами же сестры Питерс ужинают не дома, а в столовой пансиона, которая располагается на первом этаже по соседству.

– Надеюсь, тебе будет не очень скучно ужинать тут без нас? – робко осведомилась мисс Нетти.

Легко было заметить, что младшая сестра отличалась стеснительностью и редко общалась с детьми. Мисс Питерс-старшая была полной ее противоположностью. Решительная, уверенная в себе и здравомыслящая, она прекрасно управлялась с детьми. Особенно ее увлекали те из них, чье поведение не укладывалось в общепринятые рамки. Поэтому она и согласилась взять Люсинду к себе. Мисс Нетти тоже обрадовалась приезду Люсинды. Она уже давно мечтала

подружиться с кем-нибудь из детей.

– Надеюсь, тебе будет не очень скучно ужинать тут одной? – чуть менее робко повторила она.

– А я привыкла, – просто ответила девочка. – Вернее, раньше со мной в комнате ужинала эта гувернантка-француженка, но теперь ее нет! – И в голосе Люсинды прозвучало столько торжества, будто она надеялась, что с французскими гувернантками для нее отныне покончено раз и навсегда.

Потом сестры провели ее в коридорчик между гостиной и спальней. Там у стены находилась раковина с водопроводным краном и платяные шкафы, в которых Люсинда разложила и развесила всю одежду. Справившись с этим, она внезапно задумалась. В квартире была всего одна спальня для сестер Питерс. В гостиной стоял лишь короткий диванчик. Больше ничего пригодного для ночлега Люсинда не обнаружила.

– Послушайте, а где же я буду спать? – с тревогой осведомилась она.

Тут мисс Нетти радостно засмеялась и рывком раздвинула бархатные занавески. До сих пор Люсинде казалось, что за ними должен быть книжный шкаф. То, что она увидела в действительности, до глубины души поразило ее.

Мисс Нетти нажала на какой-то рычаг, и вниз опустилась настоящая большая кровать с одеялом, двумя подушками и простыней.

– Вот это да! – вырвалось у Люсинды. – Ни разу еще такого

не видела! Как это называется?

– Складная кровать, – объяснила мисс Нетти.

– А вместе со мной она тоже сложиться может? – с надеждой осведомилась девочка.

– Ни за что, – заверила мисс Нетти.

– А мне бы так хотелось! – разочарованно протянула Люсинда. – Наверное, это очень здорово – взлететь вверх вместе с кроватью!

И она моментально вообразила, как, словно по волшебству, взмывает головой вверх и поднимается все выше и выше, пока не исчезает из вида, подобно какому-то призраку. Но, увы, эта кровать не складывалась вместе со спящим.

Правда, это досадное обстоятельство лишь ненадолго обескуражило девочку. Складная кровать, сама по себе, казалась ей таким чудом, что какие-то мелкие недостатки были просто не в силах затмить очарования.

– Думаю, я сегодня лягу сразу после того, как поужинаю, – объявила она сестрам Питерс. – Так хочется попробовать тут поспать!

Однако, поужинав, Люсинда решила еще немного попрохлаждаться. Предлог, конечно, нашелся. Люсинда вспомнила, что еще не расставляла книг. Разумеется, она захватила с собой из дома те, что ей нравились больше всего. Теперь, любовно поглаживая потертые переплеты, она ставила на книжную полку «Сказки дремучего леса», «Водяных деток», «Короля Золотой реки», «Жизнеописания» Плутар-

ха. Затем Люсинда взяла в руки сказки Андерсена с маленькой Идой на обложке. В это собрание вошли все сказки, созданные Андерсеном, и Люсинда уже успела перечитать их множество раз. Следом за Андерсеном Люсинда взял «Алису в Стране Чудес». К этой книге у нее было особое отношение. Втайне она не сомневалась, что испытала не меньше Алисы. Она столько раз бежала по норе вслед за Кроликом, плавала в луже Алисиных слез, пила волшебную жидкость из двух бутылочек. А Червонная Королева!.. Еще неизвестно, кого чаще она приглашала сыграть в крокет – Люсинду или Алису? Рядом с Алисой на полку встали «Записки Питтеркинов», за ними – «Сказки дядюшки Римуса», а потом – «Серебряные коньки», и «Ян с ветряной мельницы», и «Робин Гуд», и «Семья швейцарских Робинзонов»...

Наконец в чемодане Люсинды осталось всего три книжки. Именно их девочка чаще всего держала в руках. Самой любимой из них был словарь. Она выпросила его у старшего брата, когда тот, вернув учебники в библиотеку колледжа, уехал в Айдахо на поиски золота. Обилие слов в этом огромном томе завораживало Люсинду. Она уже придумала со словарем множество игр и иногда проводила за ними час или два подряд. Почувствовав, что этому изданию следует отвести особо почетное место, Люсинда раздвинула книги, которые уже стояли на полке, и положила словарь плашмя между ними. Сверху словаря тут же плюхнулись «Наши мальчики в Индии» – издание, которое было начинено кар-

тинками столь же обильно, как сладкий пудинг изюмом. Когда настала очередь последней из книг, Люсинда просто раскрыла ее наугад – это была традиция. Историю Даймонда можно было начинать с любой страницы. Вот и сейчас Люсинду словно подхватил Северный ветер, и она унеслась туда, где совершали подвиги герои этой удивительной книги.

Вначале Люсинда читала стоя, затем опустилась на корточки перед книжным шкафом. В этой позе и застали ее сестры Питерс, когда, поужинав, вернулись домой. Заметив их, девочка оторвалась от книги.

– По-моему, мне будет очень хорошо жить у вас, – с улыбкой проговорила она. – Подумать только! Каждый вечер ложиться в складную постель! Да я будто в раю оказалась!

Мисс Питерс в ответ предложила послушать, как Люсинда молится на ночь. Однако девочка наотрез отказалась. Она ответила, что не любит молиться вслух. Мисс Питерс смирилась, а мисс Нетти предупредила, что если Люсинде вдруг станет страшно ночью одной, она может, не стесняясь, перебраться в ее постель.

– Спасибо, мисс Нетти, – протестуяще замотала головой Люсинда. – Я давно решила, что буду всегда спать одна, пока не выйду замуж. Потом-то все равно придется спать вместе с мужем. Я знаю: все так делают.

Сочтя дальнейшие разговоры на эту тему излишними, она пожелала сестрам спокойной ночи. Те удалились в спальню, а девочка начала раздеваться. Сняв передник из чесучи и

платье, она аккуратно перекинула их через спинку кресла. Нижнюю рубашку и нижнюю юбку, пояс с подвязками и панталоны Люсинда сложила и устроила на сиденье. Чулки же вывернула наизнанку, «чтобы проветривались», как втолковывала ей няня Джоанна, и повесила на рукоятки кресла. Джоанна была автором этого ритуала. Несколько лет подряд она добивалась, чтобы Люсинда неукоснительно соблюдала его перед сном.

Справившись с чулками, Люсинда поставила башмаки в позицию, которая больше всех прочих нравилась ей на уроках танцев. Не отважилась она расстаться лишь с ленточкой, на которой висел ключ от конторки. Она уже решила, что конторка должна быть всегда заперта. Там она будет хранить свои самые большие тайны. Даже близкие люди не узнают, что она запрет в конторку в этом году, и в следующем, и в том, который наступит за ним, и еще в другие годы. Конторка будет на замке до того самого дня, когда Люсинда выйдет замуж. Вот тогда она снимет ленточку с шеи и, отперев конторку, распахнет ее перед мужем.

– Все мои тайны перед тобой! – воскликнет она.

Мысли о тайнах и грядущем замужестве настолько разволновали девочку, что она едва не забыла о дневнике. Толстая тетрадь в кожаном переплете с надписью «МОЙ ДНЕВНИК» отличалась такой же новизной, как и конторка. Линованные страницы были совершенно чисты, и Люсинда прониклась значительностью момента. Сейчас она сделает

первую запись в дневник. Крепко зажав карандаш в пальцах, она задумалась. Потом аккуратно вывела: «Люсинда Уаймен». Еще минута напряженных раздумий, и в углу следующей страницы появилась дата: «11 сентября 189... года». И вот уже сделана первая запись. Потом, устало вздохнув, она отомкнула конторку, убрала дневник, сбросила тапочки, встала на стул и, с трудом дотянувшись до газового рожка, выключила горелку.

Комнату залил бледный свет с улицы. Он ложился прозрачными бликами на складную кровать. Люсинда глянула вниз, распростерла руки, как крылья, и головой вперед устремилась со стула, словно под ней была не постель, а, по крайней мере, открытое море.

Она приземлилась со страшным грохотом. По всей квартире точно пронеслась взрывная волна. Многочисленные безделушки на этажерках запрыгали, картины на стенах выбили мелодичную дробь. Сестры Питерс кинулись со всех ног к девочке.

– Люсинда! Люсинда! Ты не разбилась? – хором осведомились они.

Люсинда беззаботно захохотала в ответ.

– Не волнуйтесь, – махнула она рукой. – Я просто решила чуть-чуть полетать. Стоит мне забраться повыше, и мне всегда кажется, что я сейчас полечу. Так что я теперь буду часто пробовать. Мне кажется, у меня уже скоро получится. Наверное, и вы, мисс Питерс, и вы, мисс Нетти, пробовали

летать в десять лет?

Сестры лишь изумленно переглянулись. Впрочем, Люсинда и не ждала ответа.

– Ну, спокойной ночи, – сказала она, забираясь в свою складную постель. – Наверное, вам тоже уже пора спать.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

Нью-Йорк, 11 сентября 189... года

Наконец-то все позади! Кажется, все вышло совсем неплохо. Если уж приходится на время стать сиротой, так уж лучше побыстрее и без слез. Если бы не тетя Эмили, мы так бы и сделали. Но она вмешалась, и бедная мама заплакала! Но нас с папой никаким тетям Эмили не довести.

По-моему, когда тетя Эмили доберется до Рая, она и там устроит переполох. Вот хорошо бы она никогда не попала Туда!

Мистер Гиллиган – самый лучший кэбмен в Нью-Йорке. Как говорится, он просто рожден для этого. Они с кэбом – прямо одно существо. Когда мы приехали и он слез со своего места на крыше, я жутко удивилась, что у него есть ноги.

Надеюсь, мистер Гиллиган не забудет, что пригласил меня на чай и лепешку с изюмом. Жалко, если он никогда не вспомнит. А вообще, мне тут будет совсем неплохо. И капризничать я, наверное, буду поменьше. Здесь ведь нет гувернантки, которая каждую минуту делает замечания, придирается и все время кричит:

«Быстрее! Быстрее!» Мисс Питерс совсем не такая. В особенности когда она дома. В школе она все-таки хуже. Но даже когда мисс Питерс дома, ее сестра мисс Нетти мне нравится еще больше.

Мисс Нетти очень боится, что я начну слишком сильно скучать по маме с папой и мне у них разонравится. Но я ее успокоила. Теперь она знает, что мне не нравится только, когда на меня обращают слишком много внимания, и еще тетя Эмили, и еще я не люблю бешеных собак и рубцы. По-моему, только очень жестокие взрослые кормят детей рубцами! И тогда мисс Нетти сказала, что они с мисс Питерс никогда не будут давать мне рубцов.

Наверное, когда превращаешься в сироту, попадаешь как будто в сказку. Только летать я пока так и не научилась. Все еще падаю с жутким грохотом. Но теперь у меня есть складная кровать, и гувернантка следить не будет. Так что, наверное, в конце концов и это получится.

Теперь у меня все прямо как в Библии: «И был вечер, и было утро: день один». Первый день кончился, и я тут живу прямо как король в замке. Главное, ни с кем не надо вступать в противоборство. «Противоборство» – это последнее слово, которое я вычитала в словаре. Оно просто шикарно звучит!

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Каждое утро с понедельника по пятницу Люсинда ходила в частную школу. Хозяйка ее, мисс Анна Брекетт, вызывала у девочки восхищение и одновременно некоторый страх. Мисс Брекетт была вездесуща, всегда все знала, и напрасно было стараться ее обмануть. Прозорливость хозяйки поражала Люсинду до глубины души, и она относилась к ней почти так же, как к Богу.

Мисс Питерс была учительницей Люсинды. Если утро выдавалось погожим, они выходили из дома вместе. В школу они прибывали тоже вместе, однако большую часть пути преодолевали совершенно по-разному.

Люсинда выходила из дома на роликовых коньках. До конца первого квартала она медленно скользила рядом с мисс Питерс. Потом резко спрыгивала с тротуара и, крича на ходу: «Увидимся позже, мисс Питерс!», – вихрем устремлялась вперед. «Тр-р! Тр-р! Тр-р!» – слышала еще некоторое время учительница ее ролики. Изо всех сил размахивая руками, Люсинда неслась так, что ветер свистел в ушах. Чесучовый ее передник с застежкой на спине раздувался, как парус, а синяя матросская шапочка непременно слетела бы с головы, если бы не тугая резинка под подбородком.

В тот миг, когда Люсинда окончательно исчезала из поля зрения мисс Питерс, ее замечал мистер М'Гонегал, полицей-

ский. Теперь поза Люсинды была совершенно иной. Присев почти до земли и крепко прижав руки к коленям, она проносилась сквозь вход в Брайант-парк, плавно сворачивала на Западную аллею и наконец останавливалась.

– Опля! – отнюдь не женственно восклицала она.

На углу Сороковой улицы Люсинда с мисс Питерс вновь обретали друг друга. Теперь, по мнению девочки, она двигалась совсем-совсем медленно. А мисс Питерс казалось наоборот. Она была вынуждена изрядно прибавлять шаг и у дверей школы совсем выдыхалась. Однако, несмотря на подобные трудности, обе попутчицы радовались последним минутам равенства. Ибо за порогом школы равенство прекращалось на целый учебный день.

Полицейский мистер М'Гонегал нес дежурство на отрезке Пятой авеню, граничащем с Брайант-парком, и в самом парке. Люсинду он заметил уже давно и тут же отнес ее к «детям из общества». Она прогуливалась по парку с гувернанткой-француженкой. Та цепко держала девочку за руку. Люсинда прыгала и постоянно пыталась вырваться. «Ровно щенок на привязи», – сочувствовал полицейский. Он сам был отцом троих детей и воспитывал их совсем по-другому. Чада мистера М'Гонегала разгуливали по всему Нью-Йорку. Им запрещалось соваться лишь в совсем уж опасные районы.

Вот почему теперь полицейский с радостью наблюдал за Люсиндой. Когда она проносилась мимо на роликах, от нее просто веяло свободой и счастьем, и ему очень хотелось

узнать, как «щенку удалось освободиться от привязи». Удобный случай не замедлил представиться. Запнувшись коньком о бордюр тротуара, Люсинда растянулась прямо на проезжей части. Движение по Пятой авеню было весьма оживленным, и не подоспей полицейский вовремя, неизвестно, чем бы все кончилось. Но мистер М'Гонегал в опасных ситуациях соображал быстро. Ринувшись наперерез двум груженым подводам, он велел кучерам остановиться. Потом нагнулся и бережно поставил девочку на ноги.

– Не ушиблась? – с беспокойством осведомился мистер М'Гонегал.

– Нисколько, – бодро отвечала Люсинда. – Вот искры из глаз немного посыпались. Он пострадал гораздо больше меня, – скорбно оглядывая чесучовый фартук, добавила она. – Но я совсем не расстраиваюсь, сэръ! Наоборот. Теперь хоть денек похожу без него. Слава Тебе, о Боже! – совсем как Джоанна, проговорила она.

Полицейский отряхнул с девочки пыль.

– Ты случаем не ирландка? – полюбопытствовал он.

– Почти, – с готовностью отвечала Люсинда. – Когда я была совсем маленькой, у меня была кормилица-ирландка. И моя няня Джоанна тоже ирландка. Она родом из графства Антрим.

– Я тоже ирландец, – гордо проговорил полицейский. – Будем знакомы: участковый М'Гонегал.

– Ох, мистер М'Гонегал, как приятно! – немедленно вы-

палила Люсинда. – Давно хочу подружиться с вами!

Тут полицейский извлек из кармана бумажный пакетик.

– Угощайся. Это лимонные леденцы, – объяснил он. – Я просто их обожаю. Во-первых, зеленый цвет мой самый любимый. А потом, я жуткий сладстена.

Люсинда оказалась в этом вопросе полной единомышленницей полицейского. Чуть позже выяснилось, что они вообще придерживаются схожих взглядов на жизнь, и дружба их крепла день ото дня.

Однажды утром Люсинда и полицейский вели очень серьезную беседу об английских воробьях. Именно в этот момент их повстречала мисс Питерс. Люсинда тут же по всей форме представила учительницу мистеру М'Гонегалу. Мисс Питерс вежливо поздоровалась с полицейским, но, к удивлению девочки, особой сердечности не проявила. Люсинда, напротив, очень пылко распрощалась с мистером М'Гонегалом и пошла рядом с учительницей.

Когда полицейский скрылся из вида, мисс Питерс очень строго сказала:

– Люсинда, по-моему, совершенно не обязательно заводить знакомство со всеми кэбменами и полицейскими в Нью-Йорке.

– Но ведь я не со всеми, мисс Питерс! – возмутилась девочка. – У меня всего один друг – кэбмен и полицейский – тоже один.

– Не важно, – сухо продолжала учительница. – Мне очень

не нравится, что ты заводишь знакомства в парке. Учти, пожалуйста: там в основном околачиваются бродяги.

– Ой, мисс Питерс, совсем забыла вам рассказать! – улыбнулась Люсинда. – Среди этих бродяг есть один очень хороший. Он такой пожилой и держит себя прямо как джентльмен. Мы с ним уже познакомились. Я дала ему никель² на чашку кофе. Он меня так благодарил и так радовался!

Учительница раскраснелась от возмущения. Резко оставившись, она уже хотела высказать девочке все, что думает по поводу подобных знакомств, когда вдруг поймала на себе ее взгляд. Люсинда смотрела ей прямо в глаза. Она совершенно не чувствовала за собой вины.

– Ну ладно, – беспомощно простонала мисс Питерс. – Можешь знакомиться с кэбменами и полицейскими, но бродяги... Ты только вообрази, что сказала бы по этому поводу твоя тетя Эмили!

– Да в том-то и дело, что мне всю жизнь мешала эта моя тетя Эмили! – с жаром откликнулась девочка. – Мне всегда нужны новые люди. О, мисс Питерс, вы даже представить не можете, как они меня радуют.

Но мисс Питерс уже взяла себя в руки. Набравшись терпения, она принялась объяснять Люсинде, что хотя и не сомневается в безупречных манерах бродяги, которому та подала на чашку кофе, однако знает, что большинство личностей подобного рода воспитано несравненно хуже. Вот поче-

---

² Никель – монета достоинством в пять центов.

му Люсинда должна дать честное слово, что отныне оставит в покое всех бродяг, которые ей повстречаются как в Брайант-парке, так и в других местах.

– Честное слово, мисс Питерс! – тут же пообещала Люсинда.

Мисс Питерс немедленно успокоилась. Она знала: уж если такая девочка даст честное слово, она будет держать его, как бы трудно ей это ни давалось.

Только когда Люсинда выросла, сестры Питерс признались, сколько тайных советов проводили в тот год по поводу ее воспитания.

– Необходимо поступать с Люсиндой поостороже, – изо всех сил пытались они убедить друг друга.

Часто сестры вспоминали, как напутствовали их перед отъездом родители девочки.

– Держите ее в руках, – говорил папа, – иначе вы не успеете и глазом моргнуть, как она будет править всем городом.

– Вам надо ее почаще наказывать, – вторила мама.

Но все эти доводы неизбежно разбивались на маленьких семейных советах, которые сестры проводили почти каждый день, после того как девочка засыпала.

– Не надо ее наказывать, – тихо возражала мисс Нетти, – Люсинда очень разумная девочка. Ей нужно просто все объяснять.

Мисс Питерс ничего не могла возразить на это. Она и сама знала: если Люсинда ведет себя не так, как большинство

детей, то лишь потому, что в ней бурлит мощная жизненная энергия. Исушить этот чистый источник казалось учительнице просто кощунством, и ее подопечная по-прежнему носилась по городу на роликовых коньках словно маленькая богиня победы.

К словам «нельзя» или «можно», которыми так часто докучали Люсинде родные, сестры Питерс старались не прибегать совсем. То, что они изобрели взамен, их подопечной очень понравилось. Отныне рядом с походной конторкой воцарился блокнот. В нем Люсинда должна была ежедневно писать все, что намеревалась делать после занятий. А чтобы подобные отчеты не унижали ее, обе наставницы столь же скрупулезным образом делились в блокноте с Люсиндой собственными планами и намерениями. Таким образом равенство сохранялось, а мисс Питерс всегда могла знать, куда направила стопы ее непредсказуемая воспитанница. Кроме того, Люсинда была обязана возвращаться домой не позже половины шестого вечера.

– Вы это просто чудесно придумали, мисс Питерс! – восхитилась однажды Люсинда. – Никто никуда не отпрашивается, и все-таки мы можем друг друга найти. По-моему, ничего нет хуже, когда приходится спрашивать разрешения!

Пансионом, где все они жили, заправляла некая мисс Люси Уимпл. Среди обитателей ее больше знали как Люси-милочку. Так прозвала ее чернокожая кухарка Сьюзен. Сьюзен приехала с хозяйкой из родного дома в Вирджинии и теперь

изо всех сил помогала ей заработать на жизнь. В соседнем доме располагалась столовая. Как мы уже знаем, сестры Питерс там ужинали. Люсинда в пансионе обедала после школы. Ходила она в столовую одна, ибо наставницы ее возвращались домой лишь к вечеру. Эти обеды приводили Люсинду в восторг. Почти все жильцы собирались под крышей столовой, и девочка, затаив дыхание, наблюдала за ними. Какое разнообразие лиц, костюмов, характеров. Жадно глядя по сторонам, Люсинда делила всех этих людей на две группы. В одну попадали те, с которыми она мечтала завести дружбу. Другие ей были совершенно неинтересны.

Одним из первых в число избранных Люсинды попал ее сосед по столу. Этот молодой человек никогда не поднимался с постели раньше двенадцати. В столовую он входил заspanный, светлая шевелюра его топорщилась на голове. Когда они впервые встретились за столом, он, часто моргая глазами спросонья, осведомился:

– Ты откуда взялась?

Люсинда в подробностях рассказала ему о себе. Затем принялась столь же дотошно расспрашивать молодого человека. Если уж с кем-то знакомиться, несомненно, надо разузнать о нем как можно больше. Так считала Люсинда Уаймен. Без этого на настоящую дружбу нечего и рассчитывать.

– Хью Маршалл, – назвался сосед по столу. Он объяснил, что работает репортером в газете, просиживает там до поздней ночи, вот и приходится потом спать до полудня.

– Я почти как сова, – усмехнулся он. – Ночью работаю, а днем сплю.

Чтобы придать своему замечанию вескость, он накрутил на пальцы две пряди волос, и они встали торчком словно перья на голове у совы. Люсинде это понравилось.

– Можно я буду называть вас Ночной Совой? – спросила она.

Молодой человек ничего не имел против, и Люсинда с гордостью отметила, что у нее появился еще один замечательный друг.

Позже она завела в столовой знакомство с маленькой пожилой женщиной. Звали ее леди Росс. Лицо у нее было в морщинах, волосы поседели, а глаза остались совсем молодыми. «Прямо как ирландская фея из сказок Джоанны!» – подумала с восторгом Люсинда.

Каково же было ее удивление, когда Хью Маршалл рассказал, что леди Росс и впрямь из Ирландии. Она приехала в Америку с мужем, который привез на большие соревнования своих лучших беговых лошадей. Он неожиданно умер, а леди Росс осталась в Нью-Йорке и занимает одну из квартир в пансионе Люси-милочки. «Седая фея» жила в доме по соседству с Люсиндой. Вскоре она стала приглашать девочку в гости. Оказалось, леди Росс знает уйму ирландских сказок. А как она их рассказывала! Старые добрые ирландские колдуны, герои и феи словно наяву представляли Люсинде. «Не человек, а просто книга с картинками!» – слушая леди Росс,

думала девочка.

Именно от леди Росс Люсинда узнала, что фей в Ирландии иногда называют «шии». Самих фей, или «ший», тоже оказалось гораздо больше, чем считала няня Джоанна. Из «новых» фей на Люсинду самое большое впечатление произвела Беншия. Ее голос, по ирландским поверьям, предвещал смерть. Леди Росс научила Люсинду кричать так же, как Беншия. Это было похоже на крики гагары в ночи, только куда громче и страшнее.

Всего какую-нибудь неделю спустя Люсинда говорила в точности, как ее новая знакомая. Теперь можно было подумать, что и она родилась в графстве Голуэй. В первую же встречу с мистером Гиллиганом Люсинда не преминула похвастаться своим голуэйским произношением. Кэбмен от хохота чуть не свалился со своего места.

– Ну ты и даешь, мисс Люсинда! – проговорил он сквозь смех. – Да ты стала настоящей ирландкой.

С мистером Гиллиганом они виделись часто и обсудили во время встреч множество самых разнообразных проблем. Проезжая по улице мимо Люсинды, кэбмен неизменно останавливался поболтать. Исключение составляли случаи, когда он вез пассажира. Но и в такие моменты он обязательно улыбался Люсинде и приветствовал ее громким щелчком кнута. Впрочем, даже мимолетные встречи с этим замечательным человеком преисполняли девочку гордостью. «Вот едет лучший кэбмен Нью-Йорка, и он мой друг!» – говори-

ла она себе и гордилась этим не меньше, чем какой-нибудь придворный близостью к королю.

Осень всегда казалась Люсинде лучшим сезоном для новых знакомств. Благодаря осеннему воздуху люди становились мягче, общительней. Вот почему Люсинда решила пополнить круг новых друзей еще одним семейством с третьего этажа. Завести с ними знакомство оказалось довольно трудно. В столовую они не ходили. Подъезд и лестничная клетка были единственными местами их встреч с Люсиндой. Семейство состояло из трех человек – высокого худого мужчины, изможденное лицо которого освещали большие глаза, женщины, то и дело поджимавшей красивые губы, отчего казалось, что она чем-то все время встревожена, и наконец крохотной девочки в синем капоре, из-под которого выбивались золотистые кудри.

Заметив однажды, как семейство поднимается по лестнице, Люсинда решила, что откладывать знакомство больше нельзя. Надо привлечь их внимание! Люсинда в это время шла вниз, роликовые коньки, связанные шнурками вместе, висели у нее через плечо. Легкое движение, и коньки с грохотом упали на лестницу. Люсинда наклонилась, чтобы поднять их. Семейство вынуждено было остановиться.

– Ой, извините, пожалуйста! – поднимаясь с колен, проговорила Люсинда, и глаза ее лукаво блеснули. – Я такая неловкая! Загородила вам весь проход. Какой прелестный ребенок! – поспешила она перевести взгляд на девочку. –

Как же тебя зовут?

– Тринкет, – отозвалась та.

– Вообще-то она Кэролайн Бродовски, – уточнила мать, – но мы ее зовем Тринкет. Это домашнее прозвище.

– Чудесно! – восхитилась Люсинда. – Жаль, у меня никогда не было прозвища. Все зовут меня просто Люсиндой. А когда сердятся, говорят строго: «Люсинда Уаймен!» И волос таких вьющихся, как у вашей Тринкет, у меня никогда не будет, – совсем загрустила она.

Мужчина внимательно посмотрел на коротко стриженные черные волосы Люсинды и легонько провел ладонью по ее голове.

– А, по-моему, тебе как раз очень идет, что волосы у тебя не вьются, – уверенно произнес он. – У этой девочки очень красивые волосы, правда, милая? – повернулся он к жене.

Люсинда заулыбалась от радости. Ни разу в жизни она не слышала ничего хорошего о своей внешности. Мало того, теть Эмили, не стесняясь, заявляла, что Люсинда «безобразнее двух жаб сразу». Правда, племянницу не очень-то волновало, что думает о ней тетя Эмили. Но когда прошлым летом она должна была отправиться в гости вместе с четырьмя «вежливыми, любезными и благовоспитанными» дочерьми тети Эмили – Фрэнсис, Вирджинией, Сибиллой и Агатой, терпение ее лопнуло. Кузины оделись очень нарядно. У каждой на поясе и в волосах красовалось по яркой ленте. И вот, обнаружив, что у Люсинды ленты отсутствуют, тетя

Эмили снова произнесла излюбленную сентенцию о «двух жабах сразу».

– Ох, тетя Эмили! – топнув ногой, закричала Люсинда. – Если уж вам так нравится говорить это, ограничьтесь хотя бы одной жабой! Мне до смерти надоели «две сразу»!

За эту выходку мама не позволила Люсинде идти в гости. И спать ее уложили раньше обычного.

Теперь, глядя с благодарностью на худого мужчину, Люсинда впервые осознала, что ей очень хочется нравиться тем, кто нравится ей самой. Пусть все ее друзья найдут в ней хоть что-то хорошее, и она будет счастлива.

Люсинда снова произнесла про себя то, что сказал высокий мужчина о ее волосах. Она не ошиблась. Это были просто чудесные люди, и ей еще больше захотелось завести с ними дружбу.

– Я живу этажом ниже вас, – объяснила она. – Можно я иногда буду одалживать Тринкет?

Вопрос прозвучал столь необычно, что муж и жена в нерешительности переглянулись.

– Ну, пожалуйста, я вас очень прошу! – принялась умолять Люсинда.

– Почему бы и нет, – словно размышляя вслух, проговорил мужчина. – Наша малышка ни с кем не играет. Не будем же мы вечно держать ее при себе. Этой девочке, по крайней мере, можно вполне доверять.

На лестнице было довольно темно. Стремясь получше

разглядеть девочку, женщина спустилась ступенькой ниже и села. Теперь они оказались с Люсиндой почти нос к носу, и женщина смотрела на нее так пристально, словно читала незнакомое слово в книге. Затем она улыбнулась.

– Ты прав, – ответила она мужу. – Ей можно вполне доверять. Только, – перевела она взгляд на Люсинду, – обещаю, что будешь очень беречь нашу Тринкет. Она нам дороже всего на свете.

– Обещаю! – торжественно произнесла Люсинда.

А вскоре у нее появился еще один друг. Мисс Питерс поручила ей отдать ботинки сапожнику, чтобы тот поменял мысы. Люсинда уже катила обратно на своих роликах, когда стала свидетельницей возмутительной сцены.

На углу улицы стоял лоток с фруктами. Люсинда почти всегда притормаживала, чтобы полюбоваться блестящими яблоками, ровными пирамидами лимонов и апельсинов и отличными бананами. Однажды она не удержалась и, купив грушу, съела ее прямо возле лотка. Груша была на редкость крупной и сочной. Итальянец, которому принадлежал лоток, тоже показался ей очень славным. Кроме того, родители ее сейчас были в Италии, и Люсинда сочла, что ей просто необходимо завести дружбу с радушным лоточником. Покупку груши она сочла вполне хорошим предложением, однако настоящее знакомство так и не завязалось. Хозяин лотка почти не говорил по-английски, а Люсинда не знала ни одного итальянского слова.

Сегодня у лотка стоял не хозяин, а мальчик. Маленький, щуплый, с густой шапкой вьющихся черных волос и горящим взглядом, он сразу произвел впечатление на Люсинду. Ей показалось, что глаза у него «прямо в точности, как у самого Микеланджело». О внешности последнего она судила по большому портрету, который украшал один из классов в школе мисс Брекетт.

Не успела Люсинда как следует приглядеться к юному продавцу фруктов, как мимо прошестьевали вразвалку двое мальчишек. Люсинда заметила, что один из них был довольно толстый, у второго сильно выпирал подбородок и у обоих глаза как-то странно бегали. Внезапно мальчики с силой толкнули лоток, который стоял всего на одном колесе и двух ножках. От толчка он зашатался. Фрукты посыпались на землю. Схватив все, что смогли, мальчишки бросились наутек. На бегу они оборачивались и корчили рожи щуплому итальянцу.

Люсинда немедленно поспешила на помощь. Подобрав вместе с мальчиком уцелевшие фрукты, она помогла снова сложить их на лотке в пирамиды. Мальчик едва не плакал. Но он старался быть настоящим мужчиной и из последних сил сдерживал слезы. Люсинда заметила это. Она очень хорошо понимала, какие чувства можно испытывать, когда с тобой поступают подобным образом.

– Папа говорит, что я не должен позволять этим гадам красть фрукты, – хриплым от ярости голосом проговорил

итальянец. – Но я ничего не могу с ними сделать. Их двое, и они сильнее меня. Пока я защищаю один край лотка, они бросаются на другой. Но ничего! – сжал он кулаки так, что они побелели. – Вот я вырасту, и они у меня узнают!

Люсинду вся эта история возмутила до глубины души.

– Ты хочешь сказать, что они уже не в первый раз обкрадывают твой лоток? – осведомилась она.

– Уже в третий, – внес полную ясность мальчик.

– Но это же подло! – топнула в сердцах Люсинда ногой. – Двое на одного, и еще тырить фрукты! Жаль, это произошло не на участке полицейского М'Гонегала. Уж он бы им задал! Они бы мигом слиняли отсюда.

Сейчас Люсинда говорила на отменном языке улиц. У нее был просто дар выбирать для каждого собеседника именно те слова, которые ему понятней и ближе.

Маленький лоточник улыбнулся Люсинде. Ему вдруг показалось, что сам ангел-хранитель послал ему сейчас эту девочку.

– Они гады и трусы! – воскликнул он. – При папе они даже близко сюда не суются. Они чувят: папа большой и сильный. Никому неохота, чтоб тебе врезали. А стоит мне одному у лотка остаться – они тут как тут.

Мальчик нравился Люсинде все больше и больше. Наконец она поняла, что такой друг ей просто необходим. Верная своим правилам, она тут же постаралась как можно больше рассказать о себе. Конечно, она не обошла и истории своего

временного сиротства.

– Только не вздумай меня жалеть! – поспешила предупредить она. – Мне очень хорошо живется у сестер Питерс. А маме наверняка понравилось жить в Италии. И со здоровьем у нее там наладится. В общем, и я, и родители просто счастливы, что так получилось.

Затем представился мальчик. Оказалось, его зовут Тони, папу – Витторе, а фамилия их – Коппино. Когда Люсинда заторопилась домой, Тони вложил ей в руку большое яблоко.

– Теперь мы друзья, – торжественно произнес он. – Обязательно приходи еще.

Люсинда обещала. На следующий же день сразу после обеда в пансионе она собралась поведать нового друга. В блокноте на письменном столе появилась такая запись: «Пошла поглядеть, не случилось ли у моего друга Тони Коппино еще каких-нибудь неприятностей с фруктовым лотком». Однако, доехав на роликах до Восьмой авеню, Люсинда с сожалением обнаружила за лотком не Тони, а Витторе. То же повторилось и на завтра. Зато по двум одинаковым записям в блокноте мисс Питерс и мисс Нетти узнали, что круг знакомств Люсинды стал еще шире.

Наконец наступила суббота. Тони с утра поручили лоток. А Люсинда отправилась к сапожнику получить ботинки. Конечно же, она не упустила случая повидать на обратном пути Тони. Едва поравнявшись с лотком, Люсинда поняла, что перед самым ее появлением здесь разразилась новая ката-

строфа. Апельсины, лимоны, яблоки, мандарины валялись в сточной канаве. Тони стоял рядом и в подробностях объяснял отцу, как был ограблен лоток. Они говорили по-итальянски, однако Люсинде сейчас перевода не требовалось. Она ведь сама в прошлый раз видела, как орудуют эти мальчишки.

По выразительным жестам Тони девочка поняла, что такого опустошительного набега лоток еще не переживал. Впервые, толстяк привлек в свою шайку еще одного мальчишка. Теперь нападающих было трое. Кроме того, они догадались захватить с собою пакеты и могли унести куда больше фруктов.

Когда Витторе с отчаянием махнул рукой и зашагал прочь, Люсинда ринулась следом на роликах. Она догнала его и медленно покатила рядом. Прибегая к жестам и восклицаниям, она изо всех сил пыталась показать Витторе, что очень сочувствует и ему и сыну. К ее радости, итальянец все понял и ласково улыбнулся. Тогда Люсинда решила продолжить беседу. Вскоре у них с мистером Витторе выработался странный, но достаточно выразительный язык. Он состоял из жестов, восклицаний и небольшого количества коротких слов как итальянского, так и английского происхождения. Люсинде это очень понравилось.

Еще большее восхищение вызвала у нее квартира семейства Коппино. До этого Люсинда не знала людей, которые бы жили в подвале, да еще в таком замечательном! Там, где не

было окон, Коппино хранили фрукты – в ящиках, бочках, а бананы просто свисали гроздьями с потолка. В светлой части подвала жило само семейство. Окна выходили на внутренний дворик. Сейчас дворик был залит солнечным светом, и Люсинде показалось, что он похож на комнату из какой-нибудь сказки.

Кухня служила жильцам столовой и гостиной одновременно. Окна ее выходили на тот же самый дворик. Там росла зелень на грядках, а рядом раскинулся небольшой цветник. Вся квартира Коппино благоухала потрясающей смесью из запаха яблок, чеснока, цитрусовых и сыра. Жадно вдыхая этот чарующий запах, Люсинда двигала носом совсем как заяц. Она все отчетливей убеждалась, что в таком замечательном месте вполне могут жить гоблины. Они ведь тоже любят пещеры, и запах тут вполне сказочный. «Интересно, – продолжала размышлять Люсинда, – если гоблины и правда тут живут. Тони их когда-нибудь видел?»

Потом она познакомилась с другими членами семьи Коппино. Мама Тони, миссис Коппино, была очень толстой. Она все время повторяла: «Грации! Грации!» – и тело ее колыхалось, как море в штиль.

А по полу елозила совсем маленькая девочка.

– Ой! – заметив ребенка, захлопала в ладоши Люсинда. – Настоящее бамбино!

Она впервые видела «живое итальянское бамбино»! Правда, однажды ее любимая кузина, которую тоже звали

Люсиндой Уаймен, привезла ей из Италии открытки. На них были дети. Вспомнив об этом, Люсинда представила себе, как ее папа с мамой идут сейчас по какой-нибудь итальянской улице и видят множество «бамбин».

Не снимая роликов, Люсинда плюхнулась на пол рядом с ребенком.

– Как ее зовут? – потрепав девочку по щеке, осведомилась она.

Но миссис Коппино не поняла и лишь ласково улыбнулась в ответ. Тогда девочка, тыкая себя пальцем в грудь, сказала:

– Люсинда.

Потом простерла руку к ребенку и спросила:

– Имя? Как зовут?

Миссис Коппино наконец поняла. Она засмеялась еще громче прежнего.

– Девочка. Джемма, – отвечала она.

В это время Витторе подал Люсинде знак. Пора было возвращаться к лотку.

– Спросите ее, – взмолилась Люсинда, – пожалуйста, мистер Коппино. Можно мне прийти еще раз и повидаться с бамбиной?

Витторио тут же исполнил просьбу.

– Си! Си! Си! – трижды повторила в ответ миссис Коппино.

– Она сказать, – с трудом перевел на английский Витторе, – приходить можешь любое моменто.

На обратном пути к лотку итальянец совсем разговорился, и ему удалось объяснить Люсинде, что Тони – очень хороший мальчик, только вот никак не может справиться с этими хулиганами. Если так будет продолжаться дальше, скоро на их лоток нападет десять, а может, даже двадцать мальчишек. И главное, Витторе тоже ничего не может с этим поделать. Ему просто необходимо дважды в неделю отправляться на рынок за новой партией товара. Вот он и вынужден в эти дни оставлять Тони за лотком одного.

Люсинда слушала и серьезно кивала головой. Распрощавшись у лотка с Витторе и Тони, она медленно заскользила домой. Впервые роликовые коньки Люсинды катились так медленно. Хозяйке их сейчас было не до быстрой езды. Она думала, как помочь своим новым друзьям.

Однако ни в тот день, ни в последовавшее за ним воскресенье Люсинде ничего путного в голову не пришло. Лишь в понедельник утром она наконец поняла, что, пожалуй, все же сумеет справиться с этим.

Ей стоило огромных усилий сопроводить мисс Питерс до конца улицы. Когда же наконец настала пора расставаться, Люсинда пулей устремилась вперед.

– До свидания, мисс Питерс! – послышалось издали. – Мне тут пришла в голову одна мысль. Поглядим, что из этого выйдет.

И Люсинда растворилась вдали. План спасения семейства Коппино был достаточно сложен. Тут многое зависело как

от скорости передвижения по городу, так и от сообразительности Люсинды. Даже в Брайант-парке она сегодня ни на секунду не замедлила темпа. Едва кивнув, она пронеслась мимо мистера М'Гонегала-полицейского. Так она неслась все дальше и дальше, пока не достигла кондитерского магазина на Пятой авеню. С владельцем, французом по имени Луи Шерри, Люсинда подружилась еще прошлым летом. С тех пор она множество раз пробовала тут сладости и знала, как они великолепны. Теперь оставалось только надеяться, что мистер Шерри на месте.

Едва переступив порог магазина, девочка облегченно вздохнула. Кондитер стоял за прилавком.

– Ну, как поживают твои папа и мама? – немедленно осведомился он.

– Их нету! – с торжествующим видом развела руками Люсинда. – Я теперь сирота! Конечно, это только на время!

Глядя на радостное лицо девочки, кондитер сразу понял: она явилась к нему не за сочувствием. Но тогда что же ей надо? Этот догадливый француз понимал, что ни один нормальный ребенок не станет проделывать без причины такой длинный путь перед уроками.

– Ну, ясно, – немного подумав, проговорил мистер Луи Шерри. – Насколько я помню, вам, мисс Уаймен, всегда очень нравились французские завитушки и шоколад с нугой. Если я дам по пакетику того и другого, дорога в школу покажется веселее? Я прав?

– И как только вы догадались! – воскликнула девочка. – Только я прошу все это не для себя, – сочла она своим долгом добавить, – мне нужно дать взятку.

– Взятку? – изумился кондитер. – Кому и зачем?

– Мистеру М'Гонегалу, полицейскому, – спокойно отвечала Люсинда. – Я выяснила, что он сладкоежка, а значит, ему понравится.

– Ты разве не знаешь – полицейских нельзя подкупать? Законом запрещено.

Мистер Шерри, француз по национальности, родился в Вермонте, а теперь процветал в Нью-Йорке, становясь все более известным поставщиком сладостей в самые богатые и фешенебельные дома. Чтобы сделать карьеру, ему потребовалось немало самообладания. Однако сейчас хладнокровие изменило кондитеру, и, слушая Люсинду, он едва удерживался от смеха. Достав из-под прилавка пакет с вытисненной золотом надписью «Луи Шерри», он принялся накладывать туда нугу.

– Только вы не подумайте, мистер Шерри, – тем временем объясняла Люсинда, – тут нет ничего плохого.

И она подробно рассказала о неприятностях, которые просто преследуют семейство Коппино.

Луи Шерри внимательно слушал, и глаза его как-то странно поблескивали.

– Если что-нибудь сорвется, приходи еще, – сказал он.

В тот день Люсинда не поехала после уроков домой. Спус-

каясь со школьной лестницы, она едва не сбила Фергюсона, который подметал ступени. Фергюсон – чернокожий работник мисс Брекетт – пользовался среди учеников почти таким же почтением, как сама директриса. Но Люсинда сейчас была настолько взволнована, что не обратила на него никакого внимания.

Она спустилась на тротуар, быстро пристегнула к ботинкам ролики и помчалась разыскивать мистера М'Гонегала-полицейского. Он стоял на углу Сорок второй улицы.

– Мистер М'Гонегал! Мистер М'Гонегал! – громко окликнула Люсинда издали.

Полицейский обернулся и пошел ей навстречу. Поравнявшись, Люсинда вручила ему пакетик с золотой надписью.

– От моего друга Луи Шерри! – торжественно объявила она.

– Луи Шерри твой друг? – удивился полицейский. – Прямо не верится.

– Да у меня много друзей, – просто ответила девочка. – Одному из них как раз пришлось очень трудно. У него большие неприятности, мистер М'Гонегал!

– Что-то серьезное? – участливо спросил полицейский.

– Плохи его дела, – скорбно покачала головой Люсинда. – Вы и представить себе не можете, как далеко все зашло.

На какое-то мгновение она задумалась. Затем, набрав побольше воздуха в легкие, выпалила:

– Мистер М'Гонегал! Я считаю, вы в силах ему помочь!

– Как полицейский или просто по-человечески? – на всякий случай уточнил тот.

– Пока не знаю, – скороговоркой продолжала Люсинда. – Вы лучше послушайте, а потом мы решим.

И она быстро ввела его в круг проблем семейства Коппино. Теперь он знал о них все, включая наличие «потрясающей итальянской бамбино».

– Вы случайно не знаете полицейского, который работает на их участке, а, мистер М'Гонегал? Это угол Восьмой авеню и Девятой улицы. Если бы вы его знали, вы бы могли сказать ему. Он быстро навел бы порядок.

– Постой, дай подумать, – тихо отвечал мистер М'Гонегал. – Ну да, конечно. Я знаю его. Там работает Джерри Хенлон.

– А человек он хороший? – с тревогой осведомилась девочка.

– Что надо, – успокоил мистер М'Гонегал.

– Тогда нельзя терять ни минуты! – закричала Люсинда. – Они и так от этих набегов теряют по доллару в день!

Полицейский М'Гонегал повел себя как лучшие полицейские Нью-Йорка в девяностые годы прошлого века.

– Обещаю вам, мисс Люсинда! – почтительно склонил он голову. – Джерри Хенлон узнает о происшествии не позднее сегодняшнего вечера. Уверен: мы сумеем договориться. Эти мальчишки обычно приходят после уроков? – решил уточнить он.

Люсинда кивнула.

– Джерри Хенлон у нас... такой полицейский, – выразительно проговорил мистер М'Гонегал. – Он им устроит.

На следующее утро полицейский уведомил Люсинду о результатах переговоров с Джерри Хенлоном. Тот согласился помочь. Возмездие было назначено на пятницу, на три часа дня. Тони необходимо в этот день стоять за лотком.

Едва дождавшись конца занятий, Люсинда понеслась к лотку. Когда она рассказала Тони, что произойдет в пятницу, тот побледнел и хрипло ответил:

– Можешь не волноваться, Люсинда. Я не подведу.

Потом Люсинда считала дни, и ей казалось, что пятница никогда не наступит. Приехав к лотку за час до назначенного срока, она с удивлением отметила, что Тони держится даже спокойнее, чем обычно. Лишь по поджатым губам можно было понять, что он все же волнуется.

Около трех к ним подошел молодой полицейский. Высокого роста, мускулистый, с квадратным подбородком, он сразу производил внушительное впечатление.

– Я – Джерри Хенлон, – представился он, – а вы, наверное, Люсинда и Тони? Так?

И полицейский так бурно пожал руку Люсинде, что та едва не свалилась на тротуар.

– Рад познакомиться с тобой, мисс! – засмеялся он. – Здорово ты придумала! Надо же, подкупить полицейского, чтобы он сделал то, что ему и без того полагается!

Люсинда немного смутилась, а Джерри Хенлон захохотал еще громче. Потом он поздоровался с Тони и приступил к делу:

– Ты, Тони, как ни в чем не бывало стоишь у лотка. А ты, Люсинда, делаешь вид, что просто катаешься тут на роликах. Как увидишь мальчишек, махни рукой. Это будет мне условным сигналом. Я буду вон там, – ткнул полицейский пальцем в сторону табачного магазина на противоположной стороне улицы. – Все ясно?

– Все! – хором ответили Люсинда и Тони.

Полицейский пересек проезжую часть и затаился в дверях магазина. Люсинда проехала в зад-вперед по улице, но ноги у нее от волнения так дрожали, что она предпочла остановиться. Вскоре занятия кончились. Школьники вышли на улицу. Люсинда пристально вглядывалась в лица. Сегодня ей никак нельзя упустить толстого мальчика. Если она его прозевает, все ее старания ни к чему не приведут. Не станет же Джерри Хенлон являться сюда каждый день к концу школьных занятий.

Не успела Люсинда об этом подумать, как заметила толстяка. Он медленно двигался в сопровождении четырех дружков. И тут Люсинда внезапно подумала, что все пятеро могут сегодня просто пройти мимо. Тогда Джерри Хенлон ничего не сможет им сделать. Однако, приглядевшись внимательней, Люсинда поняла, что они замышляют какую-то каверзу.

Она немного попятилась, чтобы полицейский наверняка видел ее, и продолжала следить за мальчишками. Те выстроились в цепочку, положили друг другу руки на плечи и разом прыгнули на лоток.

Люсинда изо всех сил замахала руками. Джерри Хенлон выпрыгнул из дверей магазина и укрылся за большим деревянным индейцем у входа. В тот самый момент, когда мальчишки со скоростью артиллерийского снаряда ударили по лотку, Джерри Хенлон покинул укрытие.

Лоток опрокинулся. Улицу заполонил разноцветный поток фруктов. Джерри Хенлон прыгнул в гущу мальчишек, и все разом смешалось в бесформенную пеструю массу. Мгновение спустя один из мальчишек распластался на мостовой, второй, опустившись на колени, молил о пощаде, еще двоих Джерри Хенлон цепко держал за уши, а на последнего налетела Люсинда. Разогнавшись на роликах, она выставила вперед голову и ринулась на злоумышленника. Тот предпочел не ждать, пока Люсинда собьет его, и покорно свалился сам. Девочка с победоносным видом оседлала противника. Устроившись поудобнее, она слушала короткую, но выразительную речь Джерри Хенлона. Тот обращался к юным похитителям фруктов. Сперва он наставлял их на путь истинный. Затем привел пару-другую примеров, из коих следовало, что жить согласно Закону куда безопаснее, чем становиться на стезю преступлений.

После этого Джерри Хенлон осведомился относительно

фамилий и адресов мальчишек. Так как обе руки полицейского по-прежнему были заняты ушами двоих нарушителей, он обратился за помощью к Тони:

– Вытащи у меня из кармана блокнот и карандаш!

Когда мальчик исполнил просьбу, Джерри Хенлон еще раз заставил всех пятерых повторить адреса, фамилии, а также имена родителей. Тони самым тщательным образом занес данные в блокнот. Когда и эта часть процедуры была позади, полицейский, поочередно испепеляя взглядом преступников, самым решительным образом заявил:

– Только попробуйте еще раз стащить хоть самый заваливающий фрукт. Не будь я инспектор Хенлон, если не упеку вас тогда под суд! А теперь вон отсюда!

Налетчики угрюмо побрели в разные стороны. Из толпы сверстников, которая собралась у лотка, вслед им неслись насмешки и обидные прозвища. Никогда еще толстяк и его подручные не переживали такого позора! Казалось, попади они под паровой каток, и то чувствовали бы себя лучше!

Когда неудачливые похитители фруктов скрылись из вида, мальчики и девочки из толпы помогли Тони, Люсинде и полицейскому собрать фрукты. Большая часть их пострадала настолько сильно, что для продажи уже не годилась. Но Люсинда и Тони в один голос сказали, что, по их мнению, «игра стоила свеч».

– Теперь не сунутся! – с уверенностью подтвердил полицейский.

– Это уж точно, – кивнула головой Люсинда и, повернувшись к Тони, гордо добавила: – Неплохо мы проучили гадкую жирную жабу, а?

В то самое время, как она говорила это, мисс Питерс, вернувшись домой гораздо раньше обычного, подошла к письменному столу. Блокнот был раскрыт. «Разбираюсь с лотком Тони, – читала учительница. – Там назревает кое-что интересное. Если все выйдет, как надо, ждите домой с флагом победы! Прямо потрясный сегодня день! Люсинда».

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

14 сентября 189... года

Ох, и сложно же мне далась эта церковь! Я очень долго не могла решить, что будет лучше. Мама, когда мы прощались, сказала: «Обязательно ходи или в церковь, или в воскресную школу!» Ей хорошо сказать и уехать. А я с этим теперь осталась. Два года назад тетя Эмили вздумала вместо прежней церкви ходить в секту Суиденборга и маму тоже заставила. С тех пор мы не ходим в церковь к доктору Коллиеру (это наш приходский священник). Тетя Эмили говорила, что никто так не разбирается в рае и аде, как этот ее Суиденборг. Хорошо, что он теперь умер, иначе тетя Эмили его совсем истерзала бы. Вечно ей надо все знать.

И вот я думала, думала и наконец решила: «Люсинда! Оставайся в той церкви, где тебя окрестили!» А кто же меня крестил, если не доктор Коллиер? Вот я и вернулась в Церковь Мессии, и там и останусь, и пусть тетя Эмили хоть лопнет от злости. Так оно все и вышло. Тетка явилась в субботу и закатила скандал, что я должна ходить в воскресную школу от

секты этого бывшего мистера Суиденборга. Потому что он умер, а секта и воскресная школа остались. Теперь тетя Эмили станет все время с этим ко мне приставать, пока родители не приедут. Но я ей подчиняться не собираюсь. Вообще-то поговорили мы вежливо. Но внутри у меня все кипело!

22 сентября 189... года

Ходила в церковь. Вернее сказать, скаталась туда на роликах. По-моему, в роликах нет никакого греха, а на своих двоих ходить очень скучно. Хорошо, что я решила вернуться в свой приход. Дьякон там просто отличный. Я сразу с ним познакомилась. Он сказал: «Отлично помню, как тебя тут крестили». Это очень мило с его стороны. Потому что вообще-то меня крестили не в церкви, а дома. Сама я, конечно, про это не помню, но мама рассказывала, что доктор Коллиер пожаловал к нам на воскресный обед, а во второй половине дня окрестил младенца, то есть меня, в присутствии родственников. Мама еще говорила, что я была в «свивальниках». Так в Библии называют пеленки. Звучит и правда гораздо красивее.

Я все-таки решила точно выяснить у своего друга дьякона, грешно или не грешно ездить в церковь на роликах. Он немного подумал и говорит:

– Если ты хоть раз заявишься сюда с роликами на плече да еще скажешь, что я тебе разрешил, плакала моя работа, Люсинда. Но если ты будешь приходить загодя и уходить после всей этой модной публики, я могу прятать твои ролики в ризнице.

Я дала честное слово, что буду приезжать раньше всех, а уезжать после того, как в церкви не останется никого из паствы. С тех пор я так и поступаю и езжу в церковь с большим удовольствием.

По-моему, дьякон меня поддержал потому, что в молодости сам любил путешествовать. Таким, как он, есть о чем вспомнить. В общем, мои ролики ему нравятся. Он говорит: «Когда целый час простоишь в крахмальном воротнике, кажется, что шея вытянулась, как у жирафа». Наверное, мне лучше все-таки не рассказывать мисс Питерс про то, что я езжу в церковь на роликах. Ведь это она велела мне надевать в церковь самые нарядные платья. Вдруг ей покажется, что ролики к этому не идут?

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МИСТЕРОМ УИЛЬЯМОМ ШЕКСПИРОМ

Целых десять лет жизнь Люсинды была подчинена соображениям пользы. Каждый час из тех, что она не спала, отводился какому-нибудь делу. И все из-за тети Эмили! Она посвятила себя без остатка Системе, Обязанностям и Дисциплине. Мама Люсинды по мере сил такой жизни сопротивлялась, но все-таки кое-что из убеждений старшей сестры и ей перепало. Разумеется, семейство Уаймен никогда не смогло довести свою жизнь до того совершенства, в каком пребывали домашние тети Эмили. Но и самой малости тетиних принципов было вполне достаточно, чтобы отравить Люсинде существование.

Попав к сестрам Питерс, она ощутила подлинное блаженство. В их маленькой квартирке Система, Обязанности и Дисциплина словно истаяли. Теперь это были не грозные существа, а лишь призраки. Люсинда о них еще помнила, но не посвящала им жизни. Призраки возрождались лишь на один день в неделю. Каждую субботу к четырем часам Люсинде вменялось в обязанность идти к тете Эмили.

Девочка призывала все свое мужество, затем облачалась в лучший передник из белого французского льна, отделанный гамбургским кружевом. Эти передники с рукавами застегив-

вались сзади на пуговицах. Носили их поверх платья, от которого виднелся один лишь подол. Подобно другим неприятностям, передники появились в жизни Люсинды тоже благодаря тете Эмили. Сперва она стала водить в них собственных дочерей, а потом надела на маму Люсинды и не унималась до тех самых пор, пока та не признала, что «каждая девочка из приличной семьи обязана надевать передник».

Временному сиротству Люсинды минуло две недели. В их число вошли, разумеется, и две субботы, проведенные у тети Эмили. Оба раза Люсинда вела себя там превосходно. Она не совершила ни единого проступка, и ни разу тете Эмили не удалось вызвать ее на скандал. Не то чтобы Люсинде стало больше нравиться у нее. Просто с некоторых пор она поняла: любой спор тетя Эмили обернет в свою пользу. Вот почему Люсинда целых две недели подряд покорно сидела на стуле и, болтая для равновесия ногами, которые не доставали до пола, старалась как можно аккуратнее шить. Тетя Эмили в это время говорила. Речи ее были посвящены тому же, что и письмо, которое получила мама Люсинды перед отъездом. Племяннице очень хотелось ответить, но она изо всех сил стискивала зубы и таким образом преодолевалась себя.

Люсинда нашла в себе мужество даже тогда, когда тетя Эмили категорически запретила приезжать к ней на роликах. Девочка сумела изобразить покорность и две субботы подряд ходила пешком, «как настоящая юная леди». Каким-то чудом она умудрялась при этом не испортить себе настрое-

ния и представляла перед тетей вполне жизнерадостной. Люсинда очень надеялась, что и третья суббота пройдет без особенных происшествий, но с самого утра день явно не ладился.

У Тони эта суббота оказалась свободной, и он звал Люсинду в парк покататься на лодке. Разумеется, она предпочла бы провести время с ним. Они ведь могли не только кататься на лодке, но и побегать наперегонки. К тому же и день, как назло, выдался чудный. Но из-за тети Эмили ото всего пришлось отказаться.

Стремясь хоть немного утешить себя, девочка придумала по пути к тете игру. Игра называлась «Прибыть-к-тете-Эмили-как-настоящая-юная-леди». А суть была в том, что Люсинда незаметно пристраивалась за разными дамами и пыталась подражать их походкам. Она то тяжело переступала с ноги на ногу, подобно одной очень толстой даме, то, совсем как горделивая попутчица, шествовавшая впереди, вышагивала с надменным и независимым видом. Наконец совсем рядом с тетиным домом Люсинда пристроилась за какой-то чрезвычайно нервной особой. Особа семенила по улице, то и дело озираясь на все, что попадалось ей по пути. Это привело девочку в восхищение, и она старательно повторяла каждый жест странной дамы. Игра настолько ее увлекла, что у нее не было никаких сил расстаться с очаровательной спутницей. Миновав дом тети Эмили, она шла вперед еще минут пять и лишь после этого спохватилась, что ей необхо-

димо возвратиться.

Знала бы Люсинда, что все это время коварная тетя наблюдала за ней из-за занавесей! Никогда еще племянница не слышала от нее столь ужасных речей. Но девочка сумела сдержаться и в этот раз. Она до боли закусила язык и сосредоточилась на шитье. К несчастью, тетя заметила, что Люсинда «чересчур сильно выпячивает губы вперед». Попробовала бы тетя сама закусить язык и не выпятить губы! Но объяснять ей это было бессмысленно, и Люсинда смолчала.

– Ты что, нарочно мне строишь рожи? – не унималась почтенная родственница.

– Да нет, не совсем, тетя Эмили, – уклончиво отвечала Люсинда.

– Как это так – «не совсем»?

– Ну, так... – еще пыталась сдержаться племянница.

Однако стоило ей открыть рот, как, помимо ее воли, на тетю Эмили извергся целый водопад слов. Слушая себя с некоторым изумлением, Люсинда лишь сокрушенно думала: «Ну, почему моя тетя не успокаивается, пока не доведет меня до скандала?»

А тетя Эмили, выждав, пока племянница замолчит, сухо спросила:

– Тебе к этому есть что добавить, Люсинда?

О, Люсинда прекрасно знала, чего добивается от нее тетя Эмили! Она ждала извинений. Люсинда должна была самым покорным голосом заявить, что жалеет о своем поведении,

стыдится самой себя, раскaiвается и поступать больше так никогда не будет. А тетя, упиваясь ее унижением, милостиво улыбнется и скажет, что «долго зла никогда не держит». Люсинду передернуло от одного лишь воспоминания. Еще раз вынести подобное издевательство? Никогда! И, дерзко глядя тете прямо в глаза, Люсинда ответила:

– Сами же, тетя Эмили, говорили, что я должна приходиться к вам, как настоящая юная леди. А я ведь не леди, вы знаете это не хуже меня. Поэтому я старалась по пути к вам ходить, как все настоящие леди, которые со мной шли по улице. Я думала, вам это понравится.

И, вспомнив об игре, Люсинда не сдержалась и хихикнула.

Тетя Эмили вспыхнула от возмущения.

– Теперь, моя милая, ты будешь шить молча, – сквозь зубы процедила она. – Я не позволю подобных дерзостей в присутствии моих благовоспитанных дочерей.

Люсинда стала «шить молча». Время от времени она исподлбья взиpала на четырех «благовоспитанных дочерей». Вдали от матери Фрэнсис, Вирджиния, Сибилла и Агата были вполне нормальными девочками. Однако стоило им оказаться под недремлющим оком почтенной родительницы, и они превращались в ужасных ханжей. Люсинда переводила взгляд с одной кузины на другую. Их лица были одинаково постны и чопорны, это еще больше ее разозлило.

Стараясь держать себя в руках, Люсинда вкладывала всю

свою ярость в шитье. С каждым стежком она убеждалась, что портняжную иглу изобрел ни кто иной, как сам дьявол. Люсинда еще не видела вещи, которая была бы способна до такой степени изводить человека! Мучения начинались с той самой поры, когда ты вдвевал нитку в ушко или завязывал узелок. Ах, как Люсинда ненавидела это занятие! Ну, если и не вообще все шитье, то, по крайней мере, в том виде, как преподносила его тетя Эмили. Вот! Нитка опять порвалась! И запуталась. Теперь придется все начинать сначала! Девочка из последних сил старалась сохранять спокойствие. Однако внутри у нее все кипело, и одной искры было достаточно, чтобы грянул взрыв. Именно в этот момент тетя Эмили бросила укоряющий взгляд на племянницу.

– Люсинда! Не нужно так раздражаться, когда учишься шить. Надо взять себя в руки. Посмотри на моих дочерей. Как они терпеливо ведут себя за шитьем!

То, что последовало за этим, по силе и красочности можно сравнить только лишь с фейерверком, который устраивают на День Независимости. Люсинда резко вскочила на ноги. Корзинка для шитья, ножницы, наперсток разлетелись в разные стороны.

– Я знаю, что плохо шью! – закричала Люсинда. – И я никогда не буду шить лучше! Если бы только я могла очутиться в раю, а вы и ваше шитье попали бы в ад!

Выпалив это, Люсинда содрогнулась от собственной дерзости. На самом деле она не хотела отправить тетю Эмили

в ад. Она просто пыталась, насколько могла, объяснить, что мечтает оказаться от нее и ее уроков на недостижимом расстоянии.

В комнате воцарилась полная тишина. Люсинда втянула голову в плечи и с содроганием ждала своей участи.

– Люсинда! – изрекла наконец тетя Эмили. – Я сегодня не оставляю тебя на ужин. Собери свои вещи с пола. Кэти проводит тебя обратно в этот твой пансион.

Люсинда повернулась к выходу из гостиной и увидела дядю Эрла. Он стоял в дверях. Девочка сразу же поняла, что он все слышал. А еще ей показалось, что он смеется, хотя лицо его было серьезным.

– Если Люсинда не годится для ужина в этой гостиной, предлагаю ей подняться ко мне в библиотеку и поужинать там, – пристально глядя на тетю Эмили, проговорил дядя Эрл. – Полагаю, ее характер не повредит ни книгам, ни мне. Пойдем, Люсинда.

Он взял племянницу за руку и потянул к двери.

– Тебе следует помнить, Эмили, – снова поглядел дядя Эрл на жену, – нельзя требовать от всех детей, чтобы они точь-в-точь походили на твоих четырех газелей.

В библиотеке безраздельно властвовал дядя Эрл. Другие домашние сюда заходили лишь изредка. Тут пахло табаком, старой потертой кожей и книгами. Едва переступив порог, Люсинда сразу почувствовала, что очутилась именно в том «раю», к которому взывала всего минуту назад из гостиной.

Облюбовав одно из огромных кожаных кресел, простеганных пуговицами, девочка опустилась в него и утонула словно в пуховой перине. Дядя удовлетворенно кивнул головой и прошелся в задумчивости вдоль книжных полок. Остановившись возле одной из них, он спросил:

– Никогда еще не встречалась с мистером Уильямом Шекспиром, Люсинда?

– Нет, только слышала, – тихо отозвалась племянница. – Нам в школе почти каждый день читают куски из него. Но разве можно кого-то узнать по кускам, дядя Эрл?

– Нельзя, – согласился тот. – Вот я и предлагаю тебе познакомиться с Шекспиром поближе. По-моему, самое время. А начнем мы, пожалуй, с «Бури». Там действует много людей, которые напоминают тебя. А происходит все на зачарованном острове в дальнем море. Правда, такого острова никогда не существовало на свете, но разве это имеет какое-нибудь значение?

И, взяв со стеллажа книгу, дядя опустился в кресло напротив Люсинды.

– Действующие лица, – начал читать он, – Алонзо – король Неаполитанский; Себастьян – его брат; Просперо – законный герцог Милана. Запомни, Люсинда, законный! Антонио – незаконный герцог; Фердинанд – сын короля; Ариэль – дух...

– Это что, вроде феи? – полюбопытствовала Люсинда.

– Ну да, – подтвердил дядя. – У Шекспира полно волшеб-

ных существ – Ариэль, Пак и еще много других... Сколько поколений детей наслаждаются ими. Как ты считаешь, это лучше, чем шить, а, Люсинда?

И он заговорщицки глянул на девочку поверх очков. Люсинде очень нравился дядя Эрл. Во внешности его, и в рослой фигуре, и в поступках чувствовалась основательность. Лицо его обрамляли рыжие бакенбарды, однако они оставляли достаточно места, чтобы поцеловать дядю и не уколоться. Но больше всего Люсинде нравились его глаза. Они были голубые, как незабудки, и племянница часто по ним узнавала то, чего дядя не договаривал вслух.

Он снова взял в руки «Бурю» и продолжал чтение до тех пор, пока на улице не стало темнеть. Тогда он прервался и позвонил служанке, чтобы Люсинде принесли ужин.

– По-моему, я даже сквозь пол чувствую, как нас с тобой осуждают в гостиной, – покачал головой дядя Эрл. – Твоей тете Эмили хотелось бы, чтобы весь мир походил на нее. Ну да ладно. Давай-ка лучше дальше читать.

И они стали читать дальше. Когда Кэти внесла поднос с ужином, Люсинда отметила про себя, что, несмотря на весь гнев, тетя Эмили не стала лишать ее удовольствия. На подносе оказалось множество вкусных вещей. Булочки от Пэрселла. Пюре из курицы. Русская шарлотка. И, наконец, какао. Ясное дело, подобный ужин только усилил блаженство от чтения.

К семи вечера с «Бурей» было покончено. На подносе то-

же ничего не осталось.

– Теперь мне надо спускаться к ужину, – с сожалением проговорил дядя.

И тогда, выбравшись из кресла, Люсинда изо всех сил обхватила руками этого чудесного человека. По-иному выразить благодарность она не могла. В ее лексиконе еще не было слов, достойных «Бури» Шекспира, и, крепко прижимая голову к животу дяди Эрла (дотянуться повыше ей не позволял рост), она думала, что непременно отыщет такие слова в словаре тотчас же, как вернется домой.

– Вот, возьми, – протянул дядя томик Шекспира в переплете из красной кожи. – Уверен, тебе захочется еще раз прочитать дома «Бурю» самой. Только вот как ты пойдешь?

– Я дойду одна, дядя Эрл! Ну, пожалуйста! Не надо, чтобы меня провожала Кэти. Обещаю: я побегу быстро, как заяц.

Дядя Эрл немного подумал и сдался. Он позаботился, чтобы никто не заметил, как Люсинда вышла из дома, и она кинулась в объятия сентябрьских сумерек. Она жалела лишь об одном. С ней не было сейчас роликов. Только на них она смогла бы достичь той скорости, которая хоть отчасти отвечала бы ее чувствам. Но сейчас даже отсутствие роликов не затмевало счастья. Она задрала голову. Синее небо было прекрасно, под ним вполне могли бы произойти все чудеса из «Бури» Шекспира. Словом, Люсинда чувствовала себя так, будто под ногами ее были не мостовые Нью-Йорка, а остров Просперо.

– Ариэль! Я люблю тебя! Я обожаю тебя! – шепотом воскликнула она, сходя с тротуара на проезжую часть.

По счастью, прохожие обходили, а экипажи объезжали ее стороной. В противном случае столкновение было бы неизбежно.

– Эй, ты! – весьма грубый окрик внезапно вернул Люсинду на землю.

Она опустила голову и увидела мальчика, который правил продуктовым фургоном. Выруливая из-за угла, он едва смог осадить лошадь, прежде чем Люсинда оказалась у нее под копытами.

– Ты что, не видишь, куда идешь? – возмутился мальчик. – Совсем спятила?

– Вовсе нет, – отвечала спокойно девочка. – Ведь я шла не тут. Мы гуляли по желтым пескам с Ариэлем.

– Ну, точно, чокнутая, – повертел у виска пальцем возница и медленно тронул лошадь.

Добравшись домой, Люсинда очень подробно поведала сестрам Питерс как о своих унижениях, так и о радости, которую столь неожиданно принесли ей Шекспир с дядей Эрлом.

– Вы, конечно, можете меня наказать, – говорила она, – но тетя Эмили вела себя просто смешно, Настоящая Червоная Королева, когда она в «Алисе в Стране Чудес» собиралась сказать: «Отрубите ей голову!» Хорошо, дядя Эрл вмешался.

Мисс Питерс знала, что представляет собой тетя Эмили.

Вот почему она лишь постаралась как можно строже взглянуть на девочку и заметила, что в будущем ожидает от нее более примерного поведения.

– Будущего не будет, – с уверенностью провозгласила Люсинда, но радости при этом почему-то не испытала. Конечно, она ничего не имела против того, что не будет шить. Но одновременно она лишалась замечательных субботних ужинов и, главное, общества дяди Эрла.

– Тетя Эмили никогда больше не пригласит меня, – принялась объяснять она сестрам. – Дело в том, что я слишком плохой пример для ее газелей. Правда, «газели» – это потрясающее название для четырех благовоспитанных дочерей? Это их дядя Эрл так назвал! Вот уж ни за что не додумалась бы! Во всяком случае, мне больше никогда не придется там шить. Я не из тех, кто может сидеть спокойно на стуле и продевать нитку ровненькими стежками в материю!

Тут-то у Люсинды внезапно и родилась идея, из-за которой она начисто забыла, о чем только что вела речь. На прощание дядя Эрл рассказал, что во времена Шекспира на двенадцатую ночь после Рождества, в Крещение, давали спектакль. Сейчас, вспомнив об этом, Люсинда решила, что для такого спектакля лучшей пьесы, чем «Буря», и придумать нельзя. Люсинда кинулась в комнату для работы, приволокла оттуда коробку с кукольным театром и, опустившись на пол подле нее, стала излагать свой замысел сестрам Питерс.

Она говорила чрезвычайно быстро и не остановилась, по-

ка не рассказала и о спектакле, который хочет поставить, и о кукольном театре (разумеется, она тут же продемонстрировала его!), и о том, как он у нее появился.

Театр Люсинды состоял из крепкого деревянного ящика, одна стенка которого откидывалась, как крышка у парты. На дне ящика были специальные желобки, по ним двигались декорации. А сквозь прорези по бокам актеры-куклы выходили на сцену и исчезали за кулисами.

Этот ящик и куклы появились у Люсинды после того, как, побывав в шестилетнем возрасте на настоящем спектакле, она непременно решила разыгрывать домашние представления. Когда старший брат приехал домой на рождественские каникулы, Люсинда рассказала ему о своей мечте. Он взялся за дело, смастерил коробку с кулисами и передал ее в безраздельное владение младшей сестре.

Вскоре Люсинда уже сочинила две пьесы. Одну – под впечатлением «Робин Гуда», другую – по мотивам ирландской сказки, которую услышала от Джоанны. Постановка спектаклей заняла у них с Джоанной всю зиму. Сперва они делали декорации Шервудского леса, потом шили из ткани зеленого цвета костюмы для кукол.

– Вы понимаете, теперь нам нужно очень поторопиться! – с жаром внушала она сестрам Питерс. – До Крещения осталось всего ничего. Без вашей помощи мне никак не успеть. Мисс Нетти, вы поможете мне шить костюмы? Их будет так много! А можно мне еще посидеть? Ведь завтра же воскре-

сенье. Как вы думаете, во что будет лучше одеть Калибана?..

В тот вечер Люсинда легла спать только благодаря титанической выдержке мисс Питерс и мисс Нетти. Не прояви они воли и непреклонности, она обсуждала бы предстоящий спектакль всю ночь. Однако не следует думать, что, прервав поток красноречия, сестры заставили утихнуть воображение воспитанницы.

Люсинда сложила на стуле одежду, помолилась, погасила свет и, плюхнувшись в свободном полете на складную кровать, предалась мечтам с удвоенной силой. Она всех своих друзей пригласит на спектакль! А Тони будет ей помогать. В подобном деле без такого мальчишки, как он, никак не обойтись. А как потрясающе будет всех приглашать! Она к каждому заедет на роликах. «Я дам спектакль „Буря“ по пьесе Шекспира, в Крещение, – объявит она. – Приходите, пожалуйста!» Все очень, наверное, удивятся. «Что за спектакль такой дает наша Люсинда?» – будут думать они. А когда увидят, то удивятся еще сильнее. «Я обязательно приглашу дядю Эрла, а от тети Эмили и газелей мы все сохраним в тайне», – осенило Люсинду. Но это было последнее озарение. Зевнув, она повернулась на другой бок и крепко уснула.

Теперь с каждым днем, приближавшим Люсинду к представлению, ее все больше охватывала радость. Ей хотелось поставить в известность о предстоящем событии как можно больше людей – от мистера М'Гонегала до мисс Брекетт. Люсинда просто подошла к грозной директрисе и сказала, что

приглашает ее на спектакль. И тут произошло удивительное. Непрístupная мисс Брекетт ласково улыбнулась и сказала, что непременно придет.

В тот же день после обеда Люсинда покатила на роликах в гостиницу, откуда в свое время мистер Гиллиган привез ее к сестрам Питерс на «временное сиротство». Конечно же, она пригласила всех, с кем успела подружиться, пока жила в этой гостинице вместе с родителями.

– Вы, наверное, никогда еще не видели, как «Бурю» Шекспира разыгрывают на столе? – спрашивала она каждого из друзей.

И все ее друзья из гостиницы подтверждали, что действительно никогда такого не видели, а потому непременно хотят посмотреть спектакль.

На каком-то этапе Люсинде вдруг показалось, что, возможно, все приглашенные не вместятся в маленькую квартиру мисс Питерс. Сомнения закрались в тот самый радостный миг, когда она стояла в комнате миссис Колдуэлл, и обезумевший от восторга Пигмалион приветствовал ее прыжками и лаем. Но всего секунду спустя выход нашелся.

– Подождите меня, пожалуйста, миссис Колдуэлл, – предупредила она, выбегая из комнаты. – Когда я вернусь, я непременно хочу хоть немножко погулять с Пигги. Как же я по нему соскучилась!

С этими словами она направилась к мистеру Спидлеру, управляющему, чтобы сообщить ему, а также его жене, мис-

сис Спиндлер, что, если они не против, она может дать целых два спектакля по «Буре» – один у мисс Питерс и мисс Нетти, а второй в их гостинице. Супружеская чета Спиндлеров сразу пошла ей навстречу и вызвалась предоставить собственную квартиру. Спектакль состоится на следующий день после Крещения. Присутствовать будут лучшие люди гостиницы.

Решив таким образом вопрос размещения публики, Люсинда с легким сердцем нанесла короткие визиты друзьям. Сперва она перекинулась парой слов со швейцаром Чарли. Потом прошла с Баттонсом, пока он шел на вызов кого-то из постояльцев. Во время этой короткой прогулки гостиничный бой сумел выпалить на одном дыхании все местные новости.

– У нас поселились два новых семейства, – скороговоркой сообщил он. – В одном есть Эледа – девочка. Почти такая же отличная, как ты. Дед и бабка ее – актеры. Вроде хорошие. Эледа ходит на все утренние спектакли в театр. А другая семья – это всего мистер и леди. Какая-то навроде китайской язычницы. В ее комнатах обстановка – прямо настоящий музей. А как вызовет тебя по звонку, сразу вручит пять или десять центов. Очень хорошая леди.

Распрощавшись с Баттонсом, Люсинда вернулась в комнаты миссис Колдуэлл. Там она пристегнула к ботинкам ролики и минуту спустя уже неслась по Бродвею с Пигмалионом на поводке. Пес, привыкший к чинным прогулкам с хо-

зыйкой, вихрем летел по улице. Чуть позже к ним с Люсиндой присоединились другие собаки и куча детей на роликовых коньках. Тут Люсинду охватило и вовсе праздничное настроение. Она размахивала руками и громко кричала от радости, Пигмалион заливисто лаял, попутчики их выражали себя не менее бурно. Мистер Галлиган, проезжавший мимо, немедленно оценил обстановку. Он принялся щелкать кнутом и вносил посильную ноту в симфонию радости до тех пор, пока кэб его не скрылся за поворотом.

Вернув Пигмалиона хозяйке, Люсинда почувствовала что очень устала. Миссис Колдуэлл просила ее посидеть еще, но было уже поздно и девочка заторопилась домой. С каким же трудом она добиралась сегодня до пансиона! А когда вошла в прихожую, ноги у нее подкосились, и она чуть не рухнула в объятия мисс Нетти.

Раздевалась она из последних сил. Потом едва слышно проговорила:

– Я, наверное, перед ужином приму ванну, а потом поем прямо в постели. Вы ведь поставите мне возле постели столик с едой? Ну пожалуйста, поставьте, мисс Нетти!

Раздеваясь, Люсинда пела, и звук льющейся в ванну воды был ей прекрасным аккомпанементом. К ужину лицо ее сияло не хуже полной луны. Впервые за все время жизни в этом доме, она попросила мисс Питерс и мисс Нетти не уходить.

– Посидите совсем чуть-чуть, пока я не кончу есть, – взмолилась она. – А потом я вас отпущу в пансион на ужин.

Когда они согласились, Люсинда решила поделиться кое-какими сокровенными мыслями.

– Правда хорошо, что я больше теперь не скандалю? – быстро заговорила она. – По-моему, это наполовину из-за того, что вы от меня ничего плохого не ждете, а наполовину из-за роликовых коньков. Я от них так устаю, просто ноги подкашиваются. Они действуют лучше, чем всякие успокаивающие микстуры миссис Уинслоу. Я бы назвала эти ролики «лучшие друзья мам».

В тот вечер Люсинда, лежа в постели, подсчитывала, сколько денег потребуется на постановку спектакля. По ее понятиям, сумма получалась изрядная. Конечно, у Люсинды был скоплен на всякий случай кое-какой капитал. Мисс Питерс выдавала ей на карманные расходы доллар в неделю. Из этой суммы пятьдесят центов должно было уходить на конку. Однако, за исключением ненастных дней, Люсинда ездила в школу на роликах, и сэкономленные таким образом средства поступали в безраздельное ее распоряжение. Еще пять центов требовалось еженедельно жертвовать на церковные нужды, но и это не помешало Люсинде скопить к концу сентября некую сумму, которая приятно отяжеляла ее кошелек. И вот теперь она поняла, что на этот спектакль, возможно, уйдет все ее состояние. Впрочем, Люсинда ни о чем не жалела.

На следующий день она решила с возможной пользой провести те часы, в которые, по ее собственному выражению, «могла быть такой, как мне нравится». Это блаженное время

наступало после того, как, справившись с пансионским обедом, Люсинда до половины шестого получала вольную, как от учебы, так и от прочих условностей. И вот сегодня она вихрем влетела в квартиру, сорвала с себя фартук и бросила, как попало, в шкаф. Расправившись таким образом с ненавистной деталью своего гардероба, Люсинда предстала перед зеркалом в платье из шотландской ткани в крупную клетку. Теперь она осталась вполне довольна своим внешним видом. Дополнив элегантное платье ботинками из телячьей кожи с высоким матерчатым верхом, который плотно застегивался на мелкие пуговицы, Люсинда почувствовала, что вполне в силах осуществить главный замысел на сегодняшний день.

Вчера она перечислила в дневнике все, что потребуется для постановки спектакля, а теперь отперла свою походную конторку, достала тетрадь и вновь сверилась с перечнем. Затем облачилась в куртку, нахлобучила матросскую шапочку с резинкой под подбородком и, перекинув через плечо роликовые коньки, выскочила на лестничную клетку. Она взлетела на третий этаж. Это тоже была часть плана. Именно сегодня Люсинда решила наконец «одолжить у Бродовских ненадолго их Тринкет».

Поравнявшись с квартирой, Люсинда постучала, но никто не открыл. Немного выждав, она повторила попытку. На этот раз дверь открылась, правда, ровно настолько, чтобы сквозь щель Люсинда увидела маму Тринкет. Та окинула гостью удивленным взглядом и открыла дверь немного поши-

ре, однако по-прежнему стояла так, словно не хотела пускать Люсинду. И Люсинда почувствовала, что упорствовать тут не следует. Время показало, насколько правильным было это решение. А пока Люсинда, почтительно отступив на шаг, сказала:

– Я Люсинда Уаймен. Живу этажом ниже. Помните, вы и ваш муж мне сказали, что я могу иногда одалживать вашу Тринкет? Вот я и пришла, чтобы сегодня ее одолжить.

Не дав маме Тринкет опомниться, Люсинда с огромной скоростью продолжила монолог. Она сообщила о спектакле, который собирается ставить по «Буре» Шекспира. Далее последовала информация о том, что именно ради спектакля Люсинда отправится сегодня в «потрясающий магазин игрушек».

– Там будет столько красивых вещей, миссис Бродовски! – продолжала она. – Вот я и подумала, что Тринкет там очень понравится. Ну, пожалуйста, миссис Бродовски! Отпустите ее со мной! Я буду все время держать ее за руку, и через улицы мы будем переходить осторожно.

Выслушав эту пылкую речь, миссис Бродовски сдалась.

– Думаю, Тринкет может с тобой пойти, – кивнула она головой. – Ее папы сейчас нет дома, но, уверена, он бы тоже не стал возражать. Спускайся к подъезду, Люсинда. А я одену Тринкет и выведу ее к тебе.

Люсинда спустилась вниз. Вскоре показались и миссис Бродовски с Тринкет. Девочка держала мать за руку. Лицо

ее, как и всегда, было очень серьезно, разве что в глазах за-
таилось предвкушение чуда.

Люсинда взяла Тринкет за руку.

– Ну, просто кукольная, правда, миссис Бродовски? – в
восторге проговорила она. – Будто ведешь за руку самую
большую французскую куклу. Только Тринкет, конечно, го-
раздо, гораздо лучше!

С этими словами она пристегнула роликовые коньки и,
снова взяв Тринкет за руку, медленно заскользила по тро-
туару. В пути Люсинда успела рассказать множество всякой
всячины. Тринкет не отвечала, но очень внимательно слуша-
ла.

Сперва они зашли в магазин канцелярских товаров Джен-
кинса. Там Люсинда купила картон, цветные мелки, несколь-
ко баночек краски, среди которых преобладала серебряная,
и две новых кисточки. Но Дженкинс был лишь промежу-
точным пунктом их путешествия. Выйдя с покупками, они
устремилась в большой магазин игрушек.

Стоило им переступить порог, как Люсинда с уверенно-
стью заключила, что Тринкет еще ни разу не приходилось
бывать в подобных местах. Она озиралась по сторонам, и бы-
ло легко понять, что обилие игрушек ее завораживает. Видя
это, Люсинда взяла девочку на руки. Теперь Тринкет могла
разглядеть игрушки, которые стояли на верхних полках. А
Люсинда, держа Тринкет на вытянутых руках, удивлялась,
какая же она легкая!

– Да ты просто как перышко, Тринкет! – громко сказала она. – Твоя мама, пожалуй, права. Если мы не будем с тобой осторожны, ветер может запросто унести тебя на самое небо.

Так, болтая и любуясь игрушками, они провели восхитительный час. Продавец в магазине был старым знакомым Люсинды и не собирался ее торопить. Внимательно разглядев кукол, Люсинда нашла и Просперо, и незаконного герцога, и короля, и Фердинанда. Только вот все они оказались без бород, и это немного разочаровывало.

– Странно, – поделилась Люсинда своими сомнениями с продавцом. – Почему не делают кукол постарше? Вот эти мне нравятся, но, пожалуй, для моего дела они слишком малы.

– Для какого такого дела? – любопытно спросил продавец.

– Да я тут затеяла представление, – важно отвечала Люсинда. Потом она в подробностях поведала обо всем, что касалось спектакля по «Буре», а Тринкет в это время любовалась игрушками. Больше всего восхитили ее разноцветные босоножки для кукол, которые завязывались вокруг кукольных ног кожаными ремешками.

– Хорошенькие! Какие хорошенькие! – тыкая пальцем в босоножки, восклицала она.

Какое-то время Люсинда внимательно глядела на девочку. Затем ее взгляд обратился к коробке, где лежали крошечные куклы в ярких платьях и точно таких босоножках, как те, которые восхитили Тринкет.

– Стой на месте и никуда отсюда не уходи, – строго велела она своей подопечной.

Затем Люсинда подала знак продавцу, и он перешел на другую сторону прилавка. Теперь Тринкет не могла их услышать.

– Сколько стоят вот эти куклы? – прошептала Люсинда.

– Пятьдесят центов каждая, – последовал тихий ответ продавца.

Люсинда радостно улыбнулась. Такая трата была ей по средствам. Она немедленно извлекла из кошелька пятьдесят центов и вручила их продавцу. Потом снова подошла к Тринкет.

– Гляди, – обратила она внимание ребенка на кукол. – По-моему, они очень хорошенькие. И босоножки у них тоже есть.

Тринкет принялась с самым сосредоточенным видом разглядывать кукол.

– А в какой одежде тебе больше нравится? – задала новый вопрос Люсинда.

Тринкет задумчиво поводила пальцем по прозрачной крышке коробки.

– Вот, – уверенно показала она на куклу в ярко-красном платье с белым поясом и в белых босоножках. Люсинда подозвала продавца.

– Вы не хотели бы, сэр, чтобы эта девочка унесла с собой куколку в красном платье?

Продавец ответил, что ничего лучше и придумать нельзя. Он быстро разрезал ленточку на коробке и извлек куклу. Тринкет немедленно потянулась к ней, однако тут же отдернула руку и вопрошающе посмотрела на Люсинду, словно сомневалась в своих правах.

– Бери! Она твоя! Совершенно твоя! – немедленно завершила та. – Возьмешь ее домой, и она останется у тебя навсегда.

Тринкет тут же прижала к себе куклу. На какое-то время она словно обезумела от счастья. Люсинда вполне понимала ее состояние. С ней самой в возрасте Тринкет произошло то же самое, когда дядя Эрл привел ее в магазин игрушек и купил тележку ярко-красного цвета.

Вернувшись домой, Люсинда ловко раздела ребенка, затем разделась сама. Затем они с Тринкет отправились вместе в гостиную. Там она опустилась в качалку, а Тринкет усадила к себе на колени. Тут ее ждало настоящее чудо. Легкая, как перышко, девочка крепко прижалась к ней.

Никогда еще Люсинда не играла с такими маленькими детьми. Так получилось, что в их семействе она была самой младшей из всех. Это ее очень расстраивало. Ей всегда хотелось заботиться о ком-нибудь маленьком! И вот, когда она уже отчаялась, в жизни ее появилась «совершенно чудесная Тринкет». Это казалось Люсинде подлинным волшебством, и она едва могла поверить своему счастью.

Она долго вглядывалась в сияющее личико Тринкет, а та,

в свою очередь, не отрывала взгляда от новой куклы, которую устроила у себя на коленях.

– А хочешь, споем твоей куколке колыбельную? – предложила Люсинда. – Когда мне было столько лет, как тебе, я очень любила песню про лягушонка. Вот, послушай.

Она начала петь, и Тринкет слушала, и новая кукла – тоже. А потом, когда настало время вернуть девочку, они едва нашли силы расстаться.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

1 октября 189... года

Вот вещи, которые мне очень нужны для «Бури» мистера Уильяма Шекспира: белый картон для декораций и еще краски с мелками.

Надо где-нибудь поискать камней для пещеры Просперо.

Еще нужен корабль после кораблекрушения. Желтый песок – тоже.

А также:

№ 1. Просперо – настоящий герцог. Если не удастся купить бородатую куклу, придется приклеивать ей к лицу волосы.

№ 2. Алонзо – король. Вообще, ему тоже лучше всего было бы быть бородатым.

№ 3. Антонио – незаконный герцог. Наверное, в крайнем случае, я обойдусь без него. А может, и не обойдусь.

№ 4. Фердинанд – возлюбленный Миранды. Он должен быть самым красивым. Просто не знаю, где мне найти такую красивую куклу.

№ 5. Моряки. Таких продается навалом. Двух вполне

хватит.

№ 6. Калибан – жуткий урод. Боюсь, такого мне вообще нигде не купить.

№ 7. Ариэль – сказочный дух. Мне его и покупать не надо. У меня в театральной коробке есть для него прекрасная кукла.

Еще: кусочки шелка, бархата, атласа и всякое другое для костюмов. Тут мне поможет мисс Нетти. У нее от заказчиков остается полно обрезков.

4 октября 189... года

Жалко, что моя мама сейчас так далеко! Она, наверное бы, меня научила, что со всем этим делать. А самая просто не знаю. Я открыла ужасное про Тринкет и ее папу с мамой.

Сегодня лил такой дождь, и я поднялась, чтобы снова одолжить у них Тринкет. Потому что мисс Нетти мне выкроила костюмы для Просперо и короля. Я собиралась их шивать и решила, что Тринкет будет интересно. Мне и самой интересно. Оказывается, я люблю шить. Конечно, если рядом нет тети Эмили и никто мне не говорит: «Люсинда, следи за стежками!»

Когда я поднялась наверх, никого, кроме Тринкет, в квартире не было. Она открыла дверь и потащила меня прямо в комнату. О, какой ужас я там увидела! Там была просто голая комната. Только в углу стоял какой-то ящик. Они из него (или его – не знаю, как правильнее?) сделали шкафчик для пакетов с едой и посудой, а сверху поставили газовую горелку, чтобы готовить. Еще в этой комнате находился только комод,

кровать, детская кроватка, а вдоль одной стены висел кусок какого-то старого материала, за которым они вешают свои вещи. И больше ничего! Совершенно пустое и бедное жилище! Я смотрела, и мне стало больно внутри. И я сразу подумала: наверное, миссис Б. (я просто не знаю, как пишется эта фамилия!) совсем не хотела бы встретить меня в этой комнате. Поэтому я побыстрее отвела Тринкет к себе. Потом я вернулась и приколола записку к двери, чтобы ее родители знали, где найти Тринкет.

Тринкет мои театральные куклы очень понравились. А она принесла свою куклу, которую я ей купила. Мы решили, что я сошью этой кукле платье, и она будет играть в моем представлении нимфу. А когда мама Тринкет позволила ей остаться у меня на ужин, мы стали пить из моего кукольного сервиза. Это было просто прекрасно! Тринкет даже смеялась, а ей так редко становится весело.

Вечером я ничего не рассказала мисс Питерс с мисс Нетти об ужасно бедной квартире у Тринкет. Сначала мне, конечно, поделиться хотелось, но потом я вспомнила, как мама мне однажды сказала, что иногда добрее о чем-нибудь промолчать. Мне кажется, случай с комнатой Тринкет как раз подходит для этого правила. Лучше я постараюсь как можно чаще приглашать Тринкет к себе на ужин. Вот хорошо бы мне удалось, чтобы ее отпускали ко мне ужинать через день! Ой! А вдруг я заразилась от тети Эмили? Ведь я тоже начала вмешиваться в чужую жизнь. Если я на нее похожа, это

будет для Тринкет просто кошмар!

ВСЯКИЕ РАЗНОСТИ

Проснувшись на следующее утро, Люсинда сразу вспомнила, что сегодня суббота. Первая суббота со времени отъезда родителей, которую не придется посвящать тете Эмили! Люсинда улыбнулась. Уж этот выходной она проведет по-своему!

После завтрака она отправилась на роликах к фруктовому лотку. Тут-то Тони Коппино и увлек ее своим замыслом.

– Ты когда-нибудь пекла картошку в жестяных банках, Люсинда? – спросил он. – По-моему, сама Дева Мария посылает нам сегодня погоду для этого.

Люсинда была не из тех, кого приходится слишком долго подбивать на подобные приключения.

– О, Тони! Ты хочешь устроить пикник! – в восторге всплеснула она руками. – Я просто обожаю разные пикники. Когда мы жили летом на море в штате Мэн, мы их все время устраивали. Мы выкапывали ямку в песке, клали в нее всякие деревяшки, которые находили на берегу, потом зажигали, и получался костер. Когда оставались одни угли, мы пекли на них омаров, курицу, картошку, кукурузу, да все, что угодно. Получалось так вкусно! Пальчики оближешь!

– Картошка тоже получается «пальчики оближешь», – не пожелал уступать Тони.

– Хорошо бы устроить пикник прямо в Нью-Йорке, – меч-

тательно проговорила Люсинда. – Только тут, наверное, это не сделаешь.

– Запросто, – успокоил Тони. – Я сто раз уже пек тут картошку в жестянках на улице.

– Где же ты это делал, Тони?

– Где хочешь. На любом пустыре и в парке...

– Тогда давай сегодня все и устроим, а? – перебила Люсинда. – Заодно и камни поищем для декораций. А я сбегаю домой и захвачу с собой томик мистера Уильяма Шекспира и прочитаю тебе всю «Бурю». Но где мы возьмем картошку с жестянками?

– У нас в подвале, – горделиво ткнул себя в грудь Тони. – Там все есть. И жестянки, и картошка, и уголь. Дождусь, пока папа вернется с рынка, тогда сможем с тобой пойти.

На том и порешили. Представ перед сестрами Питерс, которые уютно беседовали в гостиной, Люсинда выпалила:

– Мисс Питерс! Мисс Нетти! Я скоро пойду на пикник вместе с Тони! Можно?

Весь путь до пансиона она неслась на роликах с бешеной скоростью и теперь едва переводила дух от усталости и волнения.

– Это просто самый обычный пикник, – набрав побольше воздуха в легкие, продолжала она. – Почти как те, которые мы с родителями устраивали на пляже в Мэне. Только мы с Тони его устроим не на пляже, а на каком-нибудь пустыре. Понимаете, мисс Питерс?

Мисс Питерс все очень хорошо поняла, но особой радости не выказала. На днях она лично посетила фруктовый лоток на углу Восьмой авеню и вынесла самостоятельное суждение об отце и сыне Коппино. Оба, несомненно, были людьми простыми и честными. Теперь учительница не сомневалась, что дружба с ними никоим образом Люсинде не повредит. Однако пикник на городском пустыре...

Мисс Питерс задумалась. Начни она Люсинде все запрещать, это обязательно скажется на их отношениях. Слишком уж щедро наделила природа энергией и идеями ее подопечную. Если лишить ее возможности воплощать и то и другое в каком-нибудь деле, девочка просто не сможет владеть собой. Мисс Питерс не сомневалась: именно запреты рождали на свет неуправляемую и бурную Люсинду, которая приводила в трепет всех своих родственников. Поэтому, немного поколебавшись, учительница с видимым усилием ответила:

– Просто не знаю, Люсинда, что бы подумала твоя мама о пикниках на городских пустырях...

– Мисс Питерс! – взмолилась воспитанница. – Но это же на один раз! Один-единственный пикник на одном-единственном пустыре! Я вас очень прошу, мисс Питерс.

– Пустырь совсем не подходящее место для девочек, – из последних сил сопротивлялась мисс Питерс.

– Вы разве забыли, что со мной будет Тони? – отбила выпад Люсинда. – Тони Коппино совсем не девочка. В случае чего он за меня вступится. С ним вместе мне ничего не гро-

зит.

– За собственный лоток ему не очень-то удалось вступить-ся, – с сомнением покачала головой учительница.

– Но мне-то ведь удалось, – тут же нашла новый довод Люсинда. – Значит, и на пустыре я смогу вполне выручить Тони, а он меня. Вы просто напридумали себе всяких ужасов, мисс Питерс, а на самом деле ничего там плохого случиться не может. Это очень хороший пустырь.

И девочка так заразительно засмеялась, что мисс Питерс невольно последовала ее примеру.

– Будем надеяться, что с тобой и впрямь ничего не случится, Люсинда, – сказала она. – Пойдем на кухню. Помогу тебе сделать сэндвичи для вашего пикника.

Мисс Питерс сделала сэндвичи, завернула в бумажные кульки соль и масло, а потом все сложила в большой пакет. Там еще оставалось достаточно места. Тогда Люсинда пошла в столовую пансионата к Черной Саре. Та как раз испекла круглые кексикки, облитые шоколадной глазурью. Четыре из них с одобрения кухарки перекочевали в пакет для пикника. Томик с «Бурей» мистера Уильяма Шекспира уже лежал у Люсинды в кармане куртки. А вскоре настало и время встречи с Тони Коппино.

Оказалось, у Тони нет собственных роликовых коньков, но Люсинда тут же нашла превосходный выход. Сняв один из своих роликов, Люсинда протянула его приятелю.

– Надевай! – приказала она. – Каждый поедет на одной

ноге. Ничего страшного. На одном ролике можно развить такую же скорость, как на двух.

И они ринулись вверх по Бродвею. Скорость и впрямь была неплохой. Прохожие едва успевали отскакивать в стороны. Наконец Люсинда и Тони достигли парка. Они свернули с улицы и поехали вдоль ограды. Две жестяные банки, скрепленные проволокой, болтались у Тони через плечо. В одной руке он сжимал большой пакет с фруктами и картошкой, в другой – мешочек с углем.

Не сбавляя скорости, мальчик и девочка миновали Охотничьи ворота парка, затем Матросские, вслед за которыми сразу нашли именно тот пустырь, который требовался для пикника. Там было почти не грязно. В одном углу его высился гранитный валун и даже росло несколько деревьев. Обменявшись впечатлениями, Люсинда и Тони сочли место очень уютным и решили не искушать судьбу дальнейшими поисками.

Тони с видом опытного в таких делах человека сразу принялся за работу. Он объяснил Люсинде, что главное – правильно приготовить угли. Для этого и предназначены его необычные банки. Сверху на них навинчивались крышки с отверстиями, а проволока, обмотанная вокруг, была завязана наподобие рукояток у ведер. Тони отвинтил крышки и наполнил обе банки на четверть углем. Когда уголь достаточно разгорелся, крышки были водружены на место.

– Теперь размахивай! – протянул Тони одну из банок Лю-

синде. – Иначе будет гореть неровно.

Люсинда с восторгом схватилась за рукоятку. Никогда в жизни она еще не размахивала банкой с горящим углем и воспринимала это как настоящее волшебство. Несколько минут спустя Тони поставил свою банку на землю. Люсинда последовала его примеру. Мальчик отвернул крышки. Окинув придирчивым взглядом угли, положил в каждую банку по две картошины и снова плотно завернул крышки.

– Помашем еще немного, – решил он, – а потом надо будет поставить и подождать. Так картошка лучше доходит.

Пока доходила картошка, Люсинда и Тони уселись на гранитный валун и беседовали в свое удовольствие. Они и не заметили, как поделились друг с другом самыми сокровенными тайнами и мечтами. Тут-то Тони и рассказал, что больше всего на свете любит «создавать красоту собственными руками».

– Понимаешь, – объяснял он, – все красивое просто бросается мне в глаза. Ну, например, медная тарелка, а на ней фрукты, или цветы на окне, или лебеди плавают в пруду, а вода зеленая... На свете так много красивого. Мне кажется, я мог бы тоже своими руками делать красивые вещи, чтобы люди ими пользовались.

– Что же ты не попробуешь? – удивилась Люсинда.

– Во-первых, мне нечем все это делать, а во-вторых, негде, – горестно развел мальчик руками. – У нас в доме маленькие дети. Видела бы ты, как они все переворачивают

вверх дном! – засмеялся он.

– Ты хочешь сказать, что тебе нужны краски и кисти? – продолжала допытываться Люсинда. – Тогда бери мои. У меня и того и другого полно. Да и места в гостиной мисс Питерс сколько угодно. Приходи и рисуй. Ой! – вдруг осенило ее. – Да ты ведь можешь сделать декорации к «Буре»! Сейчас я тебе прочту.

Она вытащила из кармана томик в переплете из красной кожи и принялась читать вслух. Конечно, у нее получалось не так выразительно, как у дяди Эрла, однако и того, что удавалось ей передать в своих самых любимых сценах, для Тони было вполне достаточно. «Буря» полностью захватила его. Он сидел, раскрыв рот, и, казалось, боялся даже шелохнуться, чтоб не разрушить очарования. Ему открывалась дотоле неведомая красота, имя которой Уильям Шекспир.

Дойдя до Калибана, Люсинда прервала чтение, чтобы поделиться с другом своими тревогами:

– Боюсь, Калибана в игрушечном магазине не купишь. Прямо не знаю, где я найду подходящую куклу?

– Предоставь это дело мне, – солидно проговорил Тони.

Он похлопал себя по карманам куртки, потом извлек перочинный нож, в котором оказалось всего одно лезвие.

– Знаешь, сколько я вырезал им игрушек для младших детей? Уж как-нибудь справлюсь и с Калибаном. Сделаю его из дерева или из бугристой картошки.

Тут их ноздри защекотал изумительный аромат. Обе же-

стяных банки будто бы призывали отведать готовой картошки, и зов этот нашел бурный отклик в сердцах Люсинды и Тони.

Люсинда раскрыла пакет с едой. Тони развернул свой кулек и, расправив бумагу наподобие скатерти, выложил бананы, апельсины и грушу.

– Папа запомнил, как ты любишь груши, – объяснил мальчик. – Он ее тебе специально прислал.

День выдался и впрямь словно специально для пикника. Было сухо и солнечно, но уже прохладно. Впрочем, это было не так уж плохо: на еду не садились мухи, а к маслу так и не прилипло ни одного мелкого насекомого. Видимо, для насекомых погода была слишком холодной. В конце концов стало немного зябко и детям.

– Сложу я, пожалуй, костер, – потирая ладони, предложил мальчик. – Под валуном разгорится отлично.

Тони собрал сушняк, бумажки, обломки отслужившей свой век бочки, и вскоре у самого подножия валуна с уютным треском заплясало пламя.

– Ну вот, – удовлетворенно хмыкнул Коппино-младший. – Теперь огонь согреет наши тела, а картошка – желудки.

Но не успели они и по кусочку отведать, как внимание их привлек звон колокольчиков. Повернув головы, они заметили, что вдоль тротуара медленно движется лошадь с повозкой, полной какого-то мусора. Видимо, как раз в это время ветер донес до пожилого мужчины, который правил повоз-

кой, запах печеной картошки. Мужчина немедленно натянул поводья. Лошадь остановилась. Тогда он вылез из странного своего экипажа и, приветственно размахивая рукой, направился к детям.

– Что-то мне это не нравится, – испуганно глядя на незнакомца, прошептала Люсинда. – Вдруг он...

Предположение было столь страшно, что она не решилась договорить, и только крепко взяла Тони за руку. Незнакомец тем временем подходил все ближе и ближе. Чем отчетливее видели его дети, тем меньше он внушал им доверия. Одежда его состояла из каких-то ужасных лохмотьев, лицо заросло щетиной и, без сомнения, изрядное количество времени не испытывало благотворного воздействия воды и мыла. Теперь Тони тоже почувствовал себя неуютно. Они с Люсиндой переглянулись. Сейчас они друг друга понимали без слов. У них еще была возможность, бросить все и спастись бегством. Однако и мальчик, и девочка решительно отвергли этот позорный путь. Что бы там ни было, они встретят опасность лицом к лицу!

Не сводя глаз с незнакомца, они ждали, что преподнесет им судьба. Мужчина в лохмотьях уже настолько приблизился, что мог хорошо разглядеть детей. Тут-то он и узрел на их лицах ужас. Резко остановившись, он улыбнулся. Лишь только это произошло, страх совершенно оставил Люсинду и Тони. Глаза у незнакомца оказались добрыми, как у собаки. Без сомнения, такой человек просто не может причинить

зла.

Люсинда тут же ответила мужчине улыбкой, а Тони решил пока выждать и по-прежнему сурово глядел на него.

Мужчина оперся коленом о валун и зябко потер руки. Затем, наклонившись немного вперед, он вытянул ладони над пламенем и скромно потупил взор.

– Вот так, юная леди и юный джентльмен. Вот так, – тихо заговорил он. – Я, значит, работаю просто старьевщиком. Вот так вот. Я частенько навещаю сюда в это время. Но ни разу еще не встречал тут такой компании. Вот так, юная леди и юный джентльмен.

Он замолчал и наконец решился посмотреть им в глаза. При этом он, не переставая, принохивался, и ноздри его трепетали, словно у проголодавшегося терьера.

– Или вы печете картошку, или я не старьевщик, а зебра! – широко улыбнувшись, воскликнул он.

Намек был достаточно недвусмысленным. Старьевщик явно напрашивался к столу. Люсинду и Тони это привело в замешательство. Вопрос заключался в том, что у них было «каждой еды по четыре штуки», и они совершенно не представляли, каким образом разделить все на равные части.

Старьевщик уже поудобнее уселся на камень и, протянув ноги к костру, бросал вожделенные взгляды на снедь, которую дети разложили перед его появлением. Потом он внимательно посмотрел на Люсинду и Тони. Почувствовал, что они явно колеблются, и понял, что просто обязан натолкнуть

их на правильное решение.

– Вот что я вам скажу, юная леди и юный джентльмен. Пригласи вы меня опробовать зубы на этой еде, я бы не стал отказываться. Вот так.

Теперь у Люсинды и Тони не было никакого выхода. Прибегая к самым изысканным выражениям, которые только знали, они почтительнейше просили сэра Старьевщика оказать им честь и разделить с ними скромную трапезу. Тот немедленно согласился. Четыре с его помощью довольно быстро разделили на три. Все, что при делении попало в остаток, по взаимному согласию отошло в пользу «сэра Старьевщика». Так и получилось, что вскоре он поглотил Люсиндину грушу, «лишний сэндвич», и остальную «лишнюю пищу» тоже.

Впрочем, Люсинда считала, что они с Тони лишь воздадут должное удивительному незнакомцу. Дело в том, что на протяжении всего пикника тот непрерывно потчевал их рассказами. Правдивыми и захватывающими рассказами о ежедневном сборе старья. Процесс этот в изложении достойного джентльмена представал столь ярко и красочно, что, казалось, не было на свете занятия романтичнее. Он поведал детям о богатых домах и удивительных людях, грабежах и убийствах, корабельных верфях и матросах. Последних в повествовании старьевщика фигурировало довольно много. Все они, без исключения, побывали в самых отдаленных частях света, откуда вернулись с попугаями, обезьянками или

совсем уж удивительными животными, которым, по словам рассказчика, «никто в мире еще не нашел названия».

Несколько позже выяснилось, что гость Люсинды и Тони живет в подвале. Только, в отличие от семейства Коппино, окна его подвала не выходили на уютный внутренний дворик. Окон вообще не было, но это, по словам старьевщика, придавало квартире особую прелесть, потому что и утром, и вечером надо было жечь свечи. Вернувшись с работы домой, он принимался за разборку вещей, которые ему удалось собрать за день.

– В основном, конечно, это старье. Вот так, старье, юная леди и юный джентльмен, – делился впечатлениями от пережитого старьевщик, – но иногда, следует вам сказать...

Тут последовали эффектная пауза и величественный жест давно не мытой руки.

– Следует вам сказать, юная леди и юный джентльмен, что людям моей профессии никогда нельзя зарекаться. Вот так, юная леди и юный джентльмен. Нипочем не скажешь заранее, какие шутки с тобой может выкинуть весь этот хлам. Тут уж кому как повезет.

Выдержав еще более эффектную паузу и еще величественней поведя рукой, он рассказал о том, что с полным правом можно назвать высшими откровениями в жизни старьевщика:

– Иногда мне кое-что попадается в карманах старой одежды. Иногда между тряпьем. А иногда под подкладкой ка-

кой-нибудь старой шубы. Я вижу, вы удивляетесь, юная леди и юный джентльмен? Многие удивляются. Вот. Разбираешься себе в старых вещах, сунул руку в дырявый карман, да и найдешь пару монеток. Иногда и зелененькие попадаются. А однажды я таким вот манером вытащил целую пачку десятидолларовых купюр. Во-от.

«Да он прямо как мистер Микобер из „Дэвида Копперфильда“! – с восхищением внимая старьевщику, размышляла Люсинда. – Как бы мне тоже хотелось иметь точно такую же замечательную повозку со всяким старьем и с такой же прекрасной лошадей! Сколько прекрасного мусора я смогла бы тогда собрать по всему Нью-Йорку!»

Подвал без окон казался Люсинде не менее привлекательным. Если повезет, в таком подвале могут оказаться настоящие гоблины или клад, который надо искать только при свечах!

А старьевщик тем временем продолжал щедро делиться воспоминаниями о своей удивительной жизни:

– Однажды в этих вот самых руках оказалась брошь королевы! Она зацепилась за обрывки кружев. Ох и грязные же, доложу я вам, эти кружева были! А еще как-то раз я вытащил жемчужную булавку из жутко рваного галстука. Поглядите на эту руку, – с гордостью продемонстрировал он грязную ладонь. – Она держала бриллианты, рубины! Она!..

Тут он умолк, предоставляя слушателям самим подбирать сравнения, которые были бы достойны такой чудесной руки.

– Мне бы давно пора уйти на покой, друзья мои, – немного погодя снова заговорил он. – Как-никак уж седьмой десяток пошел. Но работа меня захватывает. Ожидание, поиск, находки... Ну, как я все это оставлю?

– Должно быть, вы очень богаты, сэр? – благоговейно осведомилась Люсинда.

– Очень не очень, а пожаловаться на жизнь не могу, юная леди.

День был в разгаре. Прохладный ветерок, дувший все утро, вдруг прекратился, и солнце теперь палило совершенно по-летнему. Некоторое время спустя оно нагрело валун и старьевщика, который по-прежнему восседал на нем. Тут-то на Люсинду повеяло всеми отбросами огромного города. Нюх у нее был чуткий, и она в панике отодвинулась. Заниматься сбором старья ей расхотелось. Впрочем, подобные разочарования часто подстерегают и взрослых людей. Потому что даже самые прекрасные занятия имеют свои неприятные стороны.

Дети начали собираться домой, а старьевщик как ни в чем не бывало дремал на солнышке. Думая, что он крепко спит, Люсинда и Тони хотели потихоньку уйти, но этот номер у них не прошел. Стоило им одеть ролики, как пожилой джентльмен приоткрыл глаза.

– Может, в следующую субботу опять тут встретимся? – осведомился он. – Я тоже мог бы что-нибудь захватить...

– Нет, нет, спасибо, – поспешно отказалась Люсинда,

ноздрей которой снова коснулся чудовищный запах. – Лучше мы с Тони обо всей еде позаботимся сами.

Она мгновенно все подсчитала и поняла: если взять «каждой еды по шесть», будет достаточно даже для аппетита «сэра Старьевщика».

Домой они с Тони вернулись кружным путем. И вот, переступив наконец в пятом часу порог гостиной мисс Питерс, Люсинда, к своему великому удивлению, обнаружила там дядю Эрла.

Он удобно устроился в кресле с «Записками Питеркинов», и было видно, что книга эта доставляет ему огромное удовольствие.

– О, да это, кажется, Снуди! – громко приветствовал он племянницу. – Рад, рад, что ты вернулась со своего пикника целой и невредимой.

Люсинда крепко обхватила его за шею.

– Ты пришел пригласить меня ужинать, дядя Эрл?

– Думаю, все обстоит куда лучше, – немного таинственно отвечал он.

– Значит, мы пойдем вместе к тебе и ты снова мне будешь читать мистера Уильяма Шекспира? – обрадовалась племянница.

– Боюсь, в этом случае тебе досталось бы куда больше тети Эмили, чем Шекспира, – лукаво взглянул дядя Эрл на Люсинду. – Нет, с этим мы с тобой еще подождем, пожалуй, неделю. Забыл, что обычно говорят дети, когда как следует

раскачаются на качелях?

– Пусть старая кошка умрет! – немедленно подсказала девочка.

– Вот-вот. Именно так мы с тобой и поступаем, – продолжал дядя. – С тетей Эмили всегда лучше выждать, пока улягутся страсти. Ну а теперь, Снуди, попробуй-ка еще раз угадать, чем мы с тобой займемся сегодня?

Но Люсинда больше ничего не смогла придумать.

– Сдаюсь, – наконец беспомощно проговорила она. Дядя Эрл не спеша поднялся с кресла, подошел к книжной полке и поставил на место «Записки Питеркинов».

– Просто не понимаю, почему не прочитал раньше такую чудесную книгу? – задумчиво сказал он. – Тем более я так много слышал о ней.

Он снова сел, Люсинда устроилась у него на коленях. Понизив голос почти до шепота, дядя Эрл продолжал:

– К сожалению, Снуди, тетя Эмили не относит чтение к большим добродетелям. Поэтому газели, кроме «Элси Динсмор», «Путешествия Пилигрима» и Библии, ничего не читают. По-моему, это ужасно, но я тут бессилен. В каждой семье, Снуди, заправляет кто-то один. А вообще, твоя тетя Эмили – прекрасная женщина. Просто не все ее правильно понимают.

Девочка тяжело вздохнула. Она знала, что дядя Эрл очень умный. Конечно же, он правильной всех понимал тетю Эмили. Однако самой Люсинде гораздо больше хотелось пра-

вильно понимать каких-то других людей.

– Мы с тобой вот как поступим, – еще тише проговорил дядя. – Я подготовлю твою тетю Эмили, и она сумеет к следующей субботе забыть о ссоре. А ты последишь за своим языком и манерами. Если вы обе выдержите, ты останешься ужинать с газелями за одним столом. А вместо шитья мы с тобой лучше почитаем мистера Уильяма Шекспира у меня в библиотеке. Если ты, конечно, не против.

– Ну конечно, не против! – с жаром заверила дядю Люсинда. – И как вы только сумели остаться таким хорошим, дядя Эрл, когда рядом с вами все время живет тетя Эмили и...

Но стойкий муж тети Эмили не позволил Люсинде договорить.

– Я же просил тебя хоть немножечко сдерживаться, – сокрушенно покачал головой он. – Не то придется мне надеть на тебя намордник.

С этими словами дядя Эрл наклонился и очень нежно поцеловал Люсинду в макушку.

– Не расстраивайся. С годами придет и сдержанность. Иначе твой язычок будет отпугивать от тебя молодых людей, и никто не сможет в тебя влюбиться. Это же просто ужас, Люсинда! – усмехнулся он. – Ну, давай поднимайся.

Люсинда встала на ноги. Вслед за ней вылез из кресла и дядя Эрл. Хлопнув три раза в ладоши, он извлек из кармана два картонных прямоугольника.

– Как насчет того, чтобы отправиться в театр, Снуди? Надеюсь, твоя учительница разрешит нам это. А перед спектаклем мы успеем чудесно поужинать. Ресторан можешь выбрать сама.

Ничего не ответив дяде, Люсинда бросилась искать мисс Питерс. Она застала ее и мисс Нетти в комнате для работы. Проведя в гостиную мужа тети Эмили, учительница предпочла оставить его одного, ибо совершенно не представляла себе, что это за человек. Люсинда в несколько минут рассеяла все сомнения, которые могли возникнуть у мисс Питерс и у мисс Нетти на этот счет.

– Вам обязательно надо с ним подружиться, – уверяла она сестер. – Дядя Эрл – самый умный и самый добрый изо всех на свете! Видите, мисс Питерс, я вернулась с пикника, и ничего такого со мной не случилось! Никто нас с Тони не съел и не заколдовал. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу! Отпустите меня с дядей Эрлом! Он меня пригласил на самое настоящее светское рандеву!

Тут Люсинда сложила вместе ладони и в мольбе простерла их к учительнице.

– Вы ведь не будете против, правда, мисс Питерс? Тогда пойдемте скорее в гостиную! Скажите ему, что мне можно!

Не дав сестрам опомниться, Люсинда схватила мисс Питерс за руку и со всею энергией, на которую только была способна, устремилась в гостиную.

Минуло каких-нибудь пять минут, а Люсинда уже облачи-

лась в самый свой лучший наряд – шелковую юбку в клетку и блузку из китайского шелка, отделанную бархатом. Поглядевшись в зеркало, она осталась очень довольна собой.

И вот они уже стоят с дядей Эрлом на углу Бродвея. Люсинда взяла дядю за руку. Теперь она с надеждой вглядывалась в даль. Как ей хотелось бы, чтобы к ним подъехал не просто кэб, а кэб мистера Гиллигана! И мистер Гиллиган действительно появился. Люсинда тут же представила ему дядю Эрла. Когда экипаж тронулся, она с удовлетворением отметила, что теперь оба джентльмена чувствуют себя друг с другом, «как родственники». По причине столь полного родства душ, люк кэба решено было не закрывать, и беседа ни на мгновение не прерывалась.

Ужинать Люсинда пожелала в кафе своего большого друга Луи Шерри.

– Как это хорошо – ужинать у друзей! – громко провозгласила она. – Особенно когда друзья помогают справиться со страшными неприятностями!

– Какие еще там неприятности, Снуди? – встревожился дядя Эрл.

– Неприятности были не у меня, а у Тони Коппино, – отвечала племянница.

И она в подробностях изложила все, что касалось лотка семейства Коппино, «подкупа» полицейского МГонегала и блестящей победы, которую одержал Джерри Хенлон над хулиганами.

– Теперь Тони Коппино – один из моих самых лучших друзей, – заключила она свой рассказ. – Я вас обязательно с ним познакомлю. Уверена, вы друг другу понравитесь.

– Я тоже, – ответил дядя и почему-то отложил вилку и нож.

Некоторое время он молча глядел на Люсинду, потом тихо проговорил:

– Знаешь, Снуди, я недавно где-то читал, что врачи изобрели прививку от дифтерии. Она называется антитоксин. Больному делают укол, и он перестает задыхаться. Если все это правда, значит, еще одна смертельная болезнь отступила.

И, снова вооружившись ножом и вилкой, дядя стал доедать рябчика. Люсинда пребывала в полной растерянности. Конечно, она очень обрадовалась, что врачи изобрели лекарство от дифтерии. Но она совершенно не понимала, какая тут может быть связь с Тони Коппино? Правда, дядя Эрл часто останавливался, прежде чем доводил мысль до конца. В таких случаях надо было дожидаться, пока он договорит. Так поступила Люсинда и в этот раз.

Минуту спустя ее терпение было вознаграждено. Вилка и нож дяди Эрла опять опустились.

– По-моему, в этом году, Снуди, ты как раз получаешь что-то вроде такой прививки, – объяснил он. – Не важно, что ты сейчас не отдаешь себе в этом отчета. Главное, в будущем тебя минует одна из страшнейших болезней.

Слова дяди привели Люсинду в еще большее изумление.

Первый раз в жизни она ела сегодня рябчиков, и они очень ей нравились. Однако тут она просто забыла об ужине. Рука с вилкой замерла в воздухе. Нож опустился на скатерть. А Люсинда, не сводя глаз с дяди Эрла, спросила:

– От какой же болезни я получила прививку?

– Одни называют ее ханжеством, другие – сословной спесью, – ответил дядя. – Главное, Снуди, получить нужную дозу антитоксина, прежде чем эта болезнь до тебя доберется.

Тут Люсинду одолел такой хохот, что кусок рябчика попал не в то горло. Потребовалось срочное вмешательство Луи Шерри. Только после того как он похлопал девочку по спине, рябчик нашел правильный путь. Лицо у Люсинды еще было красным от кашля, глаза слезились, но она уже снова весело хохотала.

– Спорим, дядя Эрл, я никогда не стану принадлежать высшему свету. На что вы хотите со мной поспорить?

Дядя вдруг тоже начал смеяться.

– Я спорю с тобой на пять тысяч долларов, Снуди, – ответил он.

Пройдет десять лет, и он заплатит по этому счету Люсинде в своем завещании.

Увы, у нее самой к тому времени даже воспоминания не останется о давнем пари с дядей Эрлом.

В театре давали спектакль «Веселый монарх». Это была музыкальная комедия, и в главной роли блистал Фрэнсис Уилсон. Люсинда ни разу раньше его не видела. Великий ко-

мик заставлял публику покатываться со смеху. Когда спектакль наконец кончился, у Люсинды от смеха болели бока.

– Вот настоящий гений комедии, – сказал дядя Эрл. – Не понимаю, почему большинство человечества относится к этому искусству с каким-то пренебрежением. Бывают в жизни моменты, когда без раздумий отдашь сто долларов, только бы тебя как следует рассмешили.

«Сто долларов! – подумала девочка. – Да это же просто гигантская сумма!»

– Не надо платить сто долларов, дядя Эрл! – поспешно проговорила она. – Обещаю, в следующую субботу я рассмешу вас бесплатно!

Из театра они возвращались домой в каком-то «чужом кэбе». Люсинда удобно устроила голову на плече дяди Эрла. Ее одолевала дремота. На разговоры у нее сейчас не было сил. Но с дядей Эрлом они умели даже молчать по-особенному. Так уж как-то сложилось, что он стал Люсинде ближе всех остальных родственников. Газели были почти такими же, как сама тетя Эмили. Даже мама и папа не всегда вели себя так, как, по мнению Люсинды, им полагалось. А вот дядя Эрл... Их с племянницей могли отделять друг от друга столы, стулья, городские кварталы и даже океаны. Но что бы там ни было, Люсинда всегда чувствовала, что дядя Эрл так же близко, как и сейчас, когда она дремлет у него на плече.

Родство этих двух душ было больше, чем могут значить слова, взгляды, смех. Люсинда, например, совершенно не

могла обходиться без своих роликовых коньков. Но даже то счастье, которое испытывала она, колеся вдоль и поперек большого города, не шло ни в какое сравнение хотя бы вот с этой поездкой в кэбе. Экипаж мирно поскрипывал на ходу, а она сидела, вплотную придвинувшись к дяде Эрлу. От этого высокого и надежного человека на нее веяло спокойствием и поддержкой, и Люсинда не сомневалась, что дружба их – на вечные времена.

Во второй половине следующего дня девочку ожидал новый сюрприз. Мистер Гиллиган собственной персоной явился за ней.

– Чай на троих и ирландская лепешка с изюмом, – едва переступив порог квартиры мисс Питерс, объявил он. – Надеюсь, мисс Люсинда, ты не откажешься от моего приглашения?

Люсинда, конечно же, не отказалась.

– Я буду готова через минуту, мистер Гиллиган! Только переоденусь и захвачу гитару. Наверное, вы с миссис Гиллиган захотите послушать музыку после чая?

Вскоре они уже спускались вместе по лестнице.

– Значит, ты сама играешь на этой штуковине? – поглядел мистер Гиллиган на гитару в чехле, которую Люсинда держала в руках. – Помню, как мы везли ее вместе с тобой из гостиницы. Трудно, наверное, было учиться играть?

– Да нет, мистер Гиллиган. Мне кажется, я с самого рождения играю на ней. Джоанна говорит, что меня нашли в ка-

пусте, а мама – что меня принес аист. Мне кажется, я рожалась все-таки по-другому. Но это не очень важно. Как бы я ни рожалась, со мной вместе уж точно была гитара.

Прибыв на место, Люсинда и мистер Гиллиган выяснили, что миссис Гиллиган уже намазала сковородку маслом.

– Сейчас домою изюм и поставлю на плиту, – сказала она. Люсинда попросилась в помощницы и пошла вместе с хозяйкой на кухню. Войдя туда, она увидела, что кухня служит семейству Гиллиганов одновременно и столовой. Это открытие повергло девочку в бурный восторг.

– Как же это чудесно! О, миссис Гиллиган! – засмеялась она. – Если бы у вас с мистером Гиллиганом была столовая, как у всех, пришлось бы есть первый раз ирландскую лепешку не в кухне, а ведь это нельзя!

Миссис Гиллиган была пухлой, как булочка, и розовой, словно яблоко. Казалось, даже волосы, собранные в тугий пучок на затылке, подчеркивают ее округлость. Люсинде хозяйка дома показалась очень уютной. А той, в свою очередь, приглянулась Люсинда, и она тут же стала ее называть Маленький Мой Ягненочек. Ну, совсем как Джоанна! После этого Люсинда совсем запуталась. Она никак не могла понять: то ли миссис Гиллиган напоминает ей постаревшую Джоанну, то ли Джоанна похожа на миссис Гиллиган в молодости?

В маленькой кухне было так хорошо, что Люсинда немедленно прозвала ее «правильной кухней только для троих че-

ловек». На самую середину стола хозяйка водрузила подсвечник и горшок с красной геранью. Рядом с ними примостились ветчина, картошка по-ирландски, джем из крыжовника и, наконец, огромная лепешка с изюмом. Люсинда и миссис Гиллиган пекли ее вместе. Когда сковородку поставили на плиту и изюмины принялись одна за другой всплывать на поверхность жидкого теста, девочке показалось, будто она наблюдает за волшебством.

Вот наконец миссис Гиллиган разрежала лепешку на ровные треугольники, и как только у каждого на тарелке оказалось по большому куску, мистер Гиллиган устроил соревнование. Побеждал тот, кто намазывал на лепешку масла больше других. Когда с лепешкой было покончено, Люсинда вынула из чехла гитару и принялась петь песни, которым научила ее Джоанна.

Теперь Люсинда перебралась со стула на стол. Там она чувствовала себя почти как на сцене, да и хозяевам, которые в это время мыли посуду, было ее лучше видно на возвышении. Она пела о майской ночи, которую озаряет луна; о лужайке Крускинов и о Китти из Колерайна! Потом неожиданно выяснилось, что мистер Гиллиган тоже умеет петь, и тогда они спели с Люсиндой несколько песен хором. А потом все трое с сожалением обнаружили, что уже семь часов и Люсинде пора домой.

– Не успела прийти, а уже уходишь, – с сожалением проговорила миссис Гиллиган. – Мне так хотелось, чтобы Ма-

ленький Мой Ягнечок еще у нас посидел.

– Не расстраивайтесь! Я скоро опять к вам приду! – поспешила заверить хозяйку Люсинда.

– Это уж точно, – засмеялась та. – Пусть мистер Гиллиган не надеется. Не будет ему от меня покоя, пока не доставит мне вновь Маленького Моего Ягнечка.

По пути домой мистер Гиллиган то и дело свешивал голову в люк, чтобы осведомиться, не трясет ли Люсинду и не слишком ли быстро он едет?

– Все хорошо, мистер Гиллиган. Все просто прекрасно, – тихо отвечала она.

Этот вечер исполнил Люсинду не совсем понятной ей радостью. У нее еще не было ни слов, ни житейского опыта, и она не могла все это осмыслить. Лишь позже она осознала то, что столь полно тогда прочувствовала. Она благословляла весь мир, и небо, и дорогу домой, и незнакомцев, и близких. И когда мистер Гиллиган бережно вынес ее на руках из кэба и поставил перед подъездом дома мисс Люси-милочки, Люсинда от полноты чувств прокричала совсем как боцман из «Бури»:

– Мое сердце просто распирает от радости!

А когда мистер Гиллиган довел ее до двери квартиры и пожелал хороших снов, она ответила словами Просперо:

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена

Вся наша маленькая жизнь.³

Тут Люсинда вытянула руку ладонью вверх, и ей вдруг показалось, что она придерживает пальцами маленькое, круглое и очень уютное «существование». Оно было очень похоже на миссис Гиллиган, если бы какому-нибудь волшебнику удалось уменьшить ее до размера эльфа. Пальцами другой руки Люсинда перебирала серебристые пуговицы на пальто кэбмена:

– Большое, большое спасибо, мистер Гиллиган! Я потрясающе провела у вас время!

Потом мистер Гиллиган пошел вниз по лестнице, а Люсинда запела специально для него еще одну ирландскую песню. Допев последний куплет, она услышала, как за кэбменом захлопнулась дверь подъезда.

---

³ Стихи в пер. М. Донского.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

12 октября 189... года

У нас с Тони произошло приключение. Слава Богу, что у меня такой чувствительный нос! Иначе бы я уже начала работать старьевщиком. Вот мама бы удивилась, когда приехала! Дело это очень-очень заманчивое. Даже несмотря на кошмарный запах. Всю ночь после пикника мне снилась высоченная гора очень грязных вещей. Там на самый верх случайно попала большущая драгоценная брошка размером с супницу. Все в моем сне происходило так же, как рассказывал мистер Старьевщик. Только вскарабкаться к брошке мне так и не удалось, потому что, сколько я ни пыталась подняться, все равно соскальзывала обратно вниз. Наверное, искать сокровища среди старья – это как просить джем у Червонной Королевы. Он будет завтра и был вчера, но его никогда нет сегодня.

Если бы тетя Эмили зашла меня навестить, она бы наверняка проверила, «можно ли жить в таких условиях ребенку нашего круга?». Но вместо тети Эмили пришел дядя Эрл. Значит, он хотел просто меня повидать. Как только я вошла, он тут же мне дал прозвище. Это

произошло впервые за мои десять лет. Теперь дядя зовет меня Снуди. Это из «Записок Питеркинов». По моему, мое прозвище ничуть не хуже, чем Тринкет. Такое мог придумать только любимый мой дядя Эрл!

18 октября 189... года

Еще одна суббота. И еще один пикник. Наш с Тони Старьевщик пришел. Мисс Питерс очень заинтересовалась, зачем я попросила ее сделать лишние сэндвичи. А я ей сказала, что нам с Тони в прошлый раз не хватило. Я ведь не наврала! Нам правда с ним не хватило. Конечно, еще честнее было бы ей рассказать про Старьевщика, но я не стала. Зачем доставлять людям зря лишние волнения? Особенно, если эти люди такие хорошие, как мисс Питерс!

Старьевщик принес мне подарок. Это брошка. Он говорит, настоящая древняя реликвия, которая нашлась на очень старом платье из рваного красного шелка. Вещь просто великолепная! Она вся из золота и драгоценных камней. Так мне сказал сам Старьевщик.

– Вот, – говорит, – юная леди, вам что-то красивое. Сплошное золото, бриллианты и изумруды.

Дома я заперла брошку в свою конторку. Никому не покажу ее!

Когда пикник кончился, я и Тони проехали вместе с нашим Старьевщиком всю Пятьдесят девятую улицу. Первую половину пути я правила и кричала «Тпру!» и «Н-но!» лошади Минни. А вторую половину пути лошадью правил Тони и тоже кричал «Тпру!» и «Н-но!». В особенности мне стало весело, когда я вдруг

вообразила, что нам навстречу появляется тетя Эмили в своей шикарной коляске. Славный скандалчик бы вышел! Даже не знаю, что бы она сделала! Ну и конечно, на самом деле мы встретили совсем не ее, а мою крестную тетю Элен Дуглас. Она проезжала мимо. Когда она заметила меня в повозке Старьевщика, она поднесла к глазам свой лорнет и долго не отрывалась от моего лица. Я сразу поняла, что произвела на нее сильное впечатление. Может быть, она вообще своим глазам не поверила. Ничего! Потом я ей все сама расскажу, и она вместе со мной посмеется. Тетя Элен ведь совсем не такая, как тетя Эмили. И музыку к песням Ариэля я тоже придумала. Мне она нравится. Только пока я каждый раз пою эти песни немножко на разный мотив. Надо подождать, пока все песни как следует улягутся у меня в голове, а потом спою дяде Эрлу. Вот он обрадуется, что в нашей семье наконец появился композитор.

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

Во время, когда Люсинда колесила по всему Нью-Йорку на роликах, День Благодарения праздновался с куда большей торжественностью, чем в наши дни. Сначала его ждали, потом отмечали, а потом дни и даже недели делились впечатлениями. Люди, не стесняясь, пылко благодарили Бога за все хорошее, что получили в этом году. Даже Люсинда, которая обычно не проявляла особого рвения к молитвам, составила перед праздником огромный список, куда внесла все, за что «обязательно должна поблагодарить Бога».

Первым пунктом в списке Люсинды стояли ужины в честь Дня Благодарения. Ни разу в жизни она еще не получала такого количества приглашений. Похоже, пробудившись накануне последнего четверга в ноябре, друзья и родственники разом вспомнили о временном сиротстве Люсинды. Мисс Люси-милочка пригласила ее отведать дикую индейку из Вирджинии. Мистер Гиллиган заехал сообщить, что миссис Гиллиган «будет польщена», если Люсинда придет к ним на праздничный ужин. Джоанна прислала письмо. Ее отпустили до тех пор, пока не вернутся Люсиндины папа и мама, и она жила у своей замужней сестры. Джоанна писала, что «все эти последние недели целиком думает о своем Ягненочке», вслед за чем «Ягненочек» приглашался в гости «отпробовать гуся». Тетя Эмили тоже внесла свою лепту. Она со-

общила, что ждет племянницу на праздничный ужин, «только, конечно, без роликов и с хорошими манерами». И наконец, крестная Люсинды, тетя Элен Дуглас Маккорд, прислала служанку Энни с запиской.

«Я просто сгораю от стыда, – писала крестная, – что совсем забросила тебя, моя милая. Впрочем, мою черствость можешь расценивать и как комплимент: я просто не сомневалась, что ты сумеешь, в случае чего, за себя постоять. Обязательно приходи в Благодарение к семи вечера к нам на ужин. Может быть, это и не очень рано для девочки твоего возраста, но ты у нас такая умница, что наверняка прекрасно освоишься в обществе старших. Тони Маккорд, твой дядя, мечтает тебя увидеть, а Шнурок жалуется, что ты с ним очень давно не играла. Кроме того, после ужина мы всей компанией отправимся на спектакль. До встречи!»

Но и этим приглашением дело не кончилось. Доктор Коллиер, который крестил Люсинду, нанес ей визит после службы. Он сказал, что они с женой очень надеются, что Люсинда пожалует в День Благодарения к ним на обед. А потом еще мистер Спидлер из гостиницы прислал с Баттонсом приглашение на свой праздничный обед в два часа.

– Ох! – схватилась девочка за голову. – Сколько индеек в Нью-Йорке мечтают, чтобы я их съела! И еще один гусь Джоанны! Просто ужас какой-то!

Поразмыслив немного, Люсинда нашла замечательный выход из положения. Перво-наперво она упросила Люси-ми-

лочку позвать вместо нее семейство Бродовских.

– Конечно, я понимаю, мисс Люси, – виновато говорила Люсинда, – троих гостей принимать гораздо сложнее, чем одного. Но ведь я ем страшно много! Наверное, все трое Бродовских съедят гораздо меньше, чем я одна.

Джоанне Люсинда отослала ответ с просьбой принять ее не в четверг, а в субботу во второй половине дня, и тогда они «все вместе доглодают гуся».

В гостиницу девочка отправилась лично. Домчавшись туда на роликах, она условилась с мисс Спидлер, что придет к ним в пятницу.

– Понимаете, я всегда больше всего любила индейку, которую разогревают на следующий день, – объяснила она. – Наверное, вы сами тоже такую больше любите.

Столь же ловко Люсинда уладила отношения со всеми остальными. Потом применила подлинную дипломатию. Она без колебаний приняла приглашение тети Элен и таким образом достигла нескольких целей. Во-первых, крестная и ее муж любили детей, и вечера у них получались очень веселые. Во-вторых, Люсинда обожала их уэльского терьера Шнурка. А в-третьих, она знала, что тетя Элен Дуглас Маккорд занимает куда более важное положение, нежели тетя Эмили. «Если я скажу тете Эмили, что иду к крестной, она не станет меня заставлять идти к себе и к своим высоковоспитанным газелям», – подумала девочка.

Так все и вышло на самом деле. Люсинда иногда бывала

очень практичной. Недаром ведь ее бабушка Уаймен происходила из Новой Англии.

В День Благодарения Люсинда надела свое любимое платье из китайского шелка. Затем она стала упрашивать мисс Питерс, чтобы та разрешила ей поехать в гости на роликовых коньках.

– Понимаете, мисс Питерс, у меня сегодня такое настроение... Я просто не могу, не могу в этот праздник ходить на своих двоих. Ну, пожалуйста, мисс Питерс!

Мисс Питерс с сомнением взглянула на девочку.

– Ты сегодня такая нарядная. Если ты свалишься со своих роликов, от твоей одежды ничего не останется.

– Свалюсь? – возмущенно всплеснула руками Люсинда. – Да я никогда в жизни не падаю, мисс Питерс. То есть, конечно, падаю, но не тогда, когда мне падать нельзя. Ну, мисс Питерс! Мне так не хочется идти ногами! И Шнурка мне тогда не удастся порадовать. Ведь, понимаете, с ним еще никогда никто не гулял на роликах!

– Да ладно, разреши ты ей, – вступилась за Люсинду мисс Нетти.

– Хорошо, Люсинда, – нехотя проговорила мисс Питерс, – только, прошу тебя, будь осторожна.

– Ну, конечно, мисс Питерс! Конечно, я буду самой осторожной из всех, кто только ездит на роликах по Нью-Йорку! – И Люсинда вприпрыжку устремилась в переднюю.

Но стоило ей выехать из дома, как она тут же забыла об

осторожности. Она лишь тщательно избегала мощеных дорожек, впрочем, она и так всегда старалась их избегать, ибо трястись на роликах по плиткам не доставляет никакого удовольствия. Зато на асфальте Люсинда развила именно ту скорость, которая, по ее мнению, соответствовала празднику. Казалось, еще немного, и она вообще оторвется от земли.

Кроме праздника и предвкушения веселого ужина, была и еще причина, по которой Люсинда пребывала в таком восторге. Дело в том, что именно в День Благодарения ей удалось одержать крупную победу над теплыми штанами. К этим штанам Люсинда испытывала жгучую ненависть. Какое-то время положение казалось ей совсем безнадежным. Конечно, будь ее воля, она никогда не надела бы такой кошмар. Но мама перед отъездом взяла с нее обещание, что в последнюю неделю октября она начнет их носить. Что же Люсинде оставалось делать?

Вот уже месяц она каждое утро перекручивала вокруг ног штанины этих ужасных штанов, пытаясь их заправить в чулки. Но все ее усилия ни к чему не приводили. В результате приходилось нацеплять штаны поверх чулок и жить с ужасным сознанием, что выглядишь как последняя уродина. Теплые штаны уже довели Люсинду до того, что, одеваясь, она щедро произносила слова и выражения, совершенно противопоказанные юному существу из семейства Уайменов. Кроме того, она пребывала на грани истерики. И вот, сегодня утром ее наконец осенило, как разом избавиться от

этого.

Тихонько пробравшись в комнату для работы, Люсинда схватила портняжные ножницы мисс Нетти и очень аккуратно принялась обрезать штанины у панталон. Она чувствовала себя и грешницей и праведницей одновременно. Быть может, она и не имела права так поступать. Но ведь она не просто так резала свои панталоны. То, что останется после ее работы, вполне можно носить хоть до самой весны, и мама будет довольна. На память Люсинде пришел детский стишок и, орудуя ножницами, она прочитала его нараспев:

Трудолюбивая старушка как-то раз,
Набрав яиц для рынка целый таз,
Набрав яиц, хотела их продать,
Но по дороге вздумала поспать.
Торговец ту старушку увидал,
Ей с нижних юбок кружева сорвал,
Ей юбки до колен укоротил —
Едва старушку холод не сгубил.

Обрезав панталоны, Люсинда вновь ощутила себя человеком. Теперь, когда она летела во весь опор на праздничный ужин, ей было особенно радостно вспомнить об этом. Люсинда как раз миновала последний поворот. Убедившись, что перед ней до самого дома крестной простирается безукоризненный тротуар, она развила еще большую скорость. Это был достойный финал.

Вот только тучный и очень задумчивый джентльмен в котелке, которого в самый неподходящий момент угораздило оказаться между Люсиндой и домом, испортил все дело. Она никак не ожидала, что он шагнет прямо под ее ролики. Впрочем, джентльмену тут же пришлось поплатиться за свою рассеянность. Люсинда на всем ходу подсекла его, и он рухнул на землю, прежде чем понял, что с ним случилось, а котелок его упорхнул в сторону словно большая птица.

Однако Люсинде пришлось куда хуже. Пальто и платье относительно уцелели, и хорошая чистка вполне могла им вернуть прежний вид. Но лучшие перчатки продрались насквозь, чулки тоже пострадали изрядно, а оба колена были разбиты, и из них сочилась кровь.

– Поделом! Поделом тебе! – донесся голос возмущенного толстяка.

– Конечно же, поделом, – вздохнув, согласилась Люсинда, – но кому от этого легче.

Толстяк не нашел, что ответить, и уполз в придорожный куст, где надеялся обрести свою шляпу.

Люсинда, хромая, поднялась по лестнице и постучала в парадную дверь.

– Полный крах! – охарактеризовала она ситуацию камердинеру Таббинсу.

Таббинс пропустил гостью в дверь и спешно вверил ее горничной Энни. Та немедленно препроводила Люсинду к крестной.

– Вот Люсинда, миссис Маккорд, – объявила она, – сдаётся мне, тут надо срочно вызывать «скорую помощь».

Не обращая внимания на роскошное платье, тетя Элен нагнулась к Люсинде и внимательно осмотрела ее колени. Минуту спустя миссис Маккорд пришла к выводу, что никакой «скорой помощи» не потребуется.

– Мы справимся сами, – с решительностью, доставшейся ей в наследство от предков-шотландцев, проговорила она. – Энни, принесите, пожалуйста, таз с горячей водой, йод и корпию.⁴

Когда служанка доставила все необходимое, крестная тщательно промыла Люсинде ноги и забинтовала их. Однако чулкам уже ничто не могло помочь.

– Знаю! Знаю, что с ними делать! – вдруг закричала Люсинда. – Моя француженка-гувернантка мне однажды рассказывала. Она говорит, у них во Франции дети ходят в носках всю зиму. Тетя Элен! Давайте сделаем из этих чулок носки. И пускай все думают, что я прибыла из Парижа.

Предложение было принято. Чулки выстирали, высушили, обрезали, и они превратились в носки. В них, за неимением лучшего, Люсинда и вышла к ужину.

Гостей пришло много. Некоторых из них Люсинда уже видела раньше, но с большинством встречалась впервые. Сидели за столом и такие, которых Люсинда не только знала,

---

⁴ Корпия – перевязочный материал, нитки, нащипанные руками из хлопчатобумажной или льняной ветоши.

но и не очень жаловала. Например, ей совсем не нравился мальчик по имени Эдвард, а его папа и мама, мистер и миссис Макдоуэлл, наоборот, очень нравились. «И как это у таких хороших родителей такой неприятный сын?» – думала Люсинда, глядя на Эдварда. Эдвард словно прочел ее мысли и отвернулся. Он тоже не питал нежных чувств к Люсинде.

Из многочисленных блюд, которые подавали на ужин, Люсинде меньше всего понравилось самое первое. Это был черепаший суп. Все вокруг хвалили его, но Люсинде он показался кошмарным варевом. Рыба, которую подали следом, тоже ее не слишком-то вдохновила. Возиться с рыбьими костями, когда впереди индейка и сладкое, казалось Люсинде почти кошунством. И она стойко берегла место «для главных блюд».

Беседы за столом велись какие-то скучные, и Люсинда никак не могла вступить в разговор. Лишь когда начали разливать вино из оплетенных соломой бутылок, она наконец подала голос:

– Знаете, такие бутылки я уже видела! – громко сообщила она присутствующим. – Они стояли на кухне у моих друзей Коппино. Как раз в тот вечер я увидела их чудесных бамбин. Так по-итальянски называются дети. Коппино настоящие итальянцы. Они держат такой красивый фруктовый лоток! Я с ними очень-очень дружу. В особенности с Тони!

– Ты что, водишься с такими, которые торгуют фруктами с лотков? – впервые проявил интерес к Люсинде Эдвард

Макдоуэлл.

– Конечно, – кивнула она головой. – У меня вообще много разных друзей.

И, загибая пальцы, Люсинда начала методично перечислять:

– Мистер Гиллиган, кэбмен, мистер М'Гонегал, полицейский в Брайант-парке, мистер... я так еще и не знаю, как его имя, но он – пожилой старьевщик...

В это время крестная решительно перевела беседу в прежнее русло.

– Кстати, Эдвард! – громко обратилась она к соседу Люсинды. – Я, кажется, заинтересовала тобой Эндрю Карнеги. Он говорит, что обожает хорошую музыку. Скорее всего, он лжет. Просто он мечтает открыть великого американского композитора. Вот я и подумала, Эдвард, если бы ты ему посвятил концерт...

На этом Люсинда задремала. Впоследствии она так и не смогла воскресить в памяти, что дальше сказала Эдварду теть Элен. Сон все сильнее одолевал ее, голова склонилась набок, пока не нашла уютного пристанища на плече Эдварда. В такой позе Люсинда и проспала до девяти вечера. Открыв глаза, она почувствовала себя снова бодрой и с удовольствием отправилась вместе со всеми в дом мистера Ингерсолла, где на верхнем этаже был устроен театр.

Театр мистера Ингерсолла оказался значительно больше Люсиндиного, но куда меньше, чем настоящий. В спектак-

ле, который они смотрели, добрую половину ролей играли члены семьи Ингерсоллов, а остальные исполнители были из их друзей и соседей. Люсинда не очень точно запомнила название пьесы, то ли «Белая лошадь», то ли «Серая лошадь». Во всяком случае, лошадь в названии фигурировала, и спектакль ей очень понравился. Действие сопровождал небольшой оркестр, которым дирижировал мужчина по имени Антон Сейдл. Музыка звучала великолепно, и Люсинде оставалось лишь сожалеть, что она не сможет добиться столь совершенного сопровождения к своему спектаклю по «Буре».

Мистера Ингерсолла Люсинда знала чуть ли не с самого своего рождения, и он всегда очень ей нравился. Она часто сравнивала его с дядей Эрлом. Мистер Ингерсолл был почти таким же интересным, как дядя, но вызывал в девочке некое таинственное чувство, которое можно назвать смесью восторга и опасения. Чувство это родилось в тот момент, когда тетя Эмили объявила однажды, что мистер Ингерсолл не верит в Бога. Услыхав такое, Люсинда просто остолбенела. Никогда ей еще не встречались неверующие. И она вновь и вновь принималась ломать голову над этой загадкой. Ей очень хотелось понять, почему мистер Ингерсолл не верит? Однако она так и не узнала этого.

В этот День Благодарения Люсинда первый раз за всю жизнь легла спать очень поздно. Домой ее отвезли в своей карете тетя Элен и дядя Том. Люсинда в дороге крепко спала. Дядя Том поднял ее по лестнице на руках и передал мисс

Нетти. Та тоже взяла ее на руки и уложила спать. Проснувшись наутро в своей складной кровати, Люсинда была очень удивлена.

– И как это только я очутилась дома? – тихо проговорила она. – Не иначе, меня доставила сюда лошадь из спектакля мистера Ингерсолла.

Это был выходной день, и Люсинда на целое утро «одолжила» Тринкет. Теперь маленькая девочка стала куда разговорчивей. Она с восторгом рассказывала Люсинде о праздничном ужине у Люси-милочки. Тринкет досталась вилочковая кость от индейки, что, как известно, сулит исполнение всех желаний. А потом она съела целых две тарелки мороженого. Когда все поужинали, папа Тринкет принес скрипку. Леди Росс аккомпанировала ему на рояле, и он весь вечер играл чудесную музыку.

Несколькими часами позже об этом концерте Люсинде рассказывал друг Ночная Сова:

– Запомни, Люсинда, мистер Серж Бродовски редко одаренный скрипач. Через какие-нибудь несколько лет его имя будет у всех на устах, а сама ты станешь гордиться, что с ним знакома.

– Он так хорошо играет? – обрадовалась девочка.

– Хорошо! – воскликнул Ночная Сова. – Да он один из лучших скрипачей в мире!

– Почему же они так бедно живут? – недоуменно взглянула на друга Люсинда.

– Большинство великих людей жило в молодости очень бедно, – тихо отозвался молодой человек. – Нужда и гениальность часто идут рука об руку. Когда-нибудь ты в этом сама убедишься. Ничуть не удивлюсь, если твой друг Бродовски зарабатывает на жизнь игрой в каком-нибудь кафе или театре, хотя по своей одаренности должен играть в самых знаменитых концертных залах.

Люсинда и Ночная Сова еще долго беседовали о замечательном скрипаче. В конце концов они условились, что будут говорить о папе Тринкет всем, кто имеет хоть небольшой вес в обществе. Может быть, хоть так им удастся приблизить время, когда мир вдруг узнает о великом Серже Бродовском.

А во второй половине дня Люсинда поспешила на роликах в гостиницу, чтобы поесть у Спиндлеров разогретой индейки. Это оказалось чудесно, и Люсинда веселилась до тех самых пор, пока миссис Спиндлер не пошла прилечь немного после обеда. Мистер Спиндлер с жаром принялся уговаривать Люсинду остаться еще. Но, внимательно поглядев на него, она уловила сомнение. Управляющий явно не был готов провести с нею остаток дня. Это Люсинду вполне устраивало. Она тоже предпочитала потратить ближайшее время не на мистера Спиндлера. Например, она могла бы вместе с Баттонсом бегать на звонки постояльцев или начищать медные ручки дверей. Или можно пойти к миссис Колдуэлл и Пигмалиону. Или... Тут-то Люсинду и осенило.

– Мистер Спиндлер, я у вас уже насиделась, – не стала

она кривить душой. – Вы меня познакомьте лучше с новыми постояльцами. Я слышала, у них девочка моих лет и бабушка с дедушкой в театре играют.

– Все правильно, – усмехнулся управляющий, – пойдём, я тебя познакомлю. Эта девочка, наверное, очень обрадуется. По-моему, ей совсем не с кем играть.

Мистер Спиндлер поднялся с Люсиндой на самый верхний этаж и громко постучал в один из номеров. Дверь тут же открылась. В коридоре стояла девочка со светлыми волосами, которые были забраны на затылке в два хвостика. Мистер Спиндлер представил Люсинду.

– Эледа Соломон, – назвалась девочка из гостиницы.

Минуту спустя Люсинда уже стояла в номере, и они с Эледой внимательно изучали друг друга.

– Ты в куклы играешь? – спросила Люсинда.

– Нет. А ты?

– Я тоже нет.

– А во что ты играешь? – последовал новый вопрос Эледы.

– Последнее время больше всего в театр.

– Вот это да! И я то же самое! – обрадовалась Эледа. – Только, наверное, мы с тобой играем по-разному. Пойдем-ка!

Она подвела Люсинду к огромному гардеробу, с каждой стороны от которого стояло по сундуку, и открыла створки и крышки. Люсинда замерла от восторга. Наверное, даже Аладдин, увидав в пещере сокровища, был удивлен мень-

ше нее. Наряды из шелка, бархата, парчи и сатина ошеломляли. От разноцветных камней и золота королевских корон, ожерелий, браслетов рябило в глазах. Но и это было не все. Сундуки ломились от париков, сандалий, шапок, шарфов и огромных разноцветных перьев.

– Ну и ну! – выдохнула Люсинда, – И ты хочешь сказать, что все это твое?

– Не мое, а бабушкино, – уточнила Эледа. – Когда она была молодой, лучше нее Шекспира никто не играл. А теперь она может играть только старух. Только ты не подумай, будто она сама тоже старуха. Моя бабушка до сих пор очень красивая.

– Ну, конечно, – согласилась Люсинда. После того, как она увидела столько сокровищ, ничто в этом семействе ее не могло больше удивить.

Некоторое время девочки молча стояли, переминаясь с ноги на ногу. Наконец Эледа робко спросила:

– Ну и кем бы тебе хотелось из этого быть?

– Что значит кем? – не поняла та.

– Да вот же костюмы. Ты можешь стать королевой или Офелией из «Гамлета», или Джульеттой. Или просто какой-нибудь королевой или принцессой. Теперь поняла?

Люсинда кивнула. Больше всего ей захотелось стать королевой. Но она понимала: на ее коротко стриженных волосах корона будет выглядеть просто смешно. Однако когда она поделилась своими опасениями с Эледой, та вытащила

из сундука парик.

– Это очень легко исправить, – сказала она, протягивая парик Люсинде. – Примерь-ка это. В нем ты вполне можешь быть королевой.

Люсинда с помощью Эледы надела парик и сочла себя обворожительной. Светлые косы доходили почти до пола, и вообще ей нравилось быть блондинкой. Придирчиво осмотрев содержимое гардероба, она остановилась на платье из синего бархата и ослепительно сиявшей короне. Перед ней простирался еще один неведомый мир, и она с трепетом готовилась к странствию.

Дождаясь, пока Эледа выберет костюм для себя, Люсинда важно расхаживала перед зеркалом. А как только Эледа переделалась, они стали разыгрывать пьесу, которую придумывали на ходу. Перво-наперво было решено, что действие происходит в замке. Приняв это условие, две юные актрисы стали обращаться друг к другу и к воображаемому окружению не иначе, как «милорд» и «миледи», и, разумеется, пользовались лишь теми словами и оборотами, которыми, по их мнению, могла изъясняться средневековая знать.

– Ты – королева. Шотландская королева, – объяснила Эледа Люсинде. – А я у тебя фрейлина. Сейчас как раз готовится заговор, чтобы короля скинуть.

– Куда скинуть? – решила уточнить Люсинда.

– Куда-нибудь из королевства. Скорее всего, в Россию.

– Но это ведь так далеко! – с досадой воскликнула «шот-

ландская королева». – Может быть, лучше скинуть его в Атлантический океан?

– Он там утонет, – не согласилась «фрейлина».

– Ну и пусть. В спектакле он все равно не участвует, – отстаивала свою точку зрения Люсинда.

– Как ты можешь! – возмущалась Эледа. – Ведь шотландский король – твой муж. Неужели тебе все равно, что твоего мужа утопят!

– Не знаю, – пожалала плечами Люсинда. – У меня мужа ни разу не было. Но раз ты считаешь, что шотландский король мне должен быть дорог, тогда я просто прыгну в Атлантический океан и спасу его.

– В таком платье прыгать в воду нельзя, – немедленно заявила Эледа.

– Тогда надо придумывать снова, – сдалась Люсинда.

В конце концов события спектакля выстроились следующим образом. Фрейлина подслушивает заговорщиков в королевском саду и вовремя доводит их план до сведения королевы. Затем смелая королева Шотландии спасает своего царственного супруга, и он, к радости подданных, остается на троне. Заговорщиков ждет возмездие, а фрейлине король вручает целую гору золотых монет, роль которых в спектакле исполнил мешочек с пуговицами. Для сцены в саду Эледа усыпала пол искусственными цветами. А Люсинда в конце представления пропела воображаемому королю песнь Ариэля:

Ты крепко спишь, а в этот час
Измена не смыкает глаз
И обнажает меч.
Дремоту сбрось с тяжелых век,
Проснись, чтоб не уснуть навек
И короля сберечь!

С последними словами песни в комнату вошли дедушка и бабушка Эледы. Они и впрямь выглядели достаточно молодо. Мистер Соломон был хоть невысок, но очень изящен, и почти юношескую его стройность подчеркивал элегантный костюм.

Миссис Соломон была тоже маленькой и настолько стройной, что обтягивающее платье сидело на ней просто прекрасно, а походка удивляла легкостью. Подлетев к девочкам, она обняла сначала Эледу, потом Люсинду. Узнав, что они уже успели подружиться, миссис Соломон очень обрадовалась.

– Твои родственники тоже, наверное, служат театру? – несколько высокопарно осведомилась она у Люсинды.

– Не то чтобы служат, но ходят часто, – ответила та, стараясь, чтобы слова «служат» и «ходят» прозвучали почти одинаково.

У Эледы ей очень понравилось, и она старалась произвести такое хорошее впечатление, чтобы мистер и миссис Соломон пригласили ее приходить еще. Словно почувствовав это, миссис Соломон сказала:

– Приходи к нам. В любое время, когда захочешь. Эледе очень одиноко сидеть тут, пока мы репетируем старые спектакли или ставим новые. И учти: каждую среду у нас в театре бывают дневные представления. Если захочешь, мы будем тебя водить на них.

Еще бы она не хотела! Получив приглашение не только в гости, но и на спектакли, Люсинда исполнилась такого восторга, что просто не могла спуститься в гостиничный холл на лифте. Ей срочно требовалась разрядка, и она понеслась вниз по лестнице. На бегу она прославляла тот день, когда стала «временной сиротой». Разве могла бы она подружиться со столькими замечательными людьми, если бы, как раньше, гуляла в сопровождении гувернантки или даже Джоанны? Да она с ними годами не встречала никого интересного! А теперь почти каждый день знакомится с кем-то новым.

Не успела она об этом подумать, как столкнулась на втором этаже с удивительной леди, которая выходила из лифта. Люсинда сразу же поняла: это та самая, которую Баттонс называет «китайской язычницей».

– Ох! – невольно вырвалось у Люсинды.

Китайская леди взглянула на девочку и улыбнулась. Такое начало воодушевило Люсинду.

– Я так хотела познакомиться с вами! – скороговоркой выпалила она. – Мне Баттонс сказал: вы просто необычайная! Но мистер Спидлер... Мне было неловко его просить вести меня к вам. А теперь видите? Мы сами встретились. Наде-

уюсь, вы не против, чтобы мы познакомились?

Изящная уроженка Азии растерянно повела головой.

– Ты слишком быстро говоришь, мой милый, – сказала она. – Я просто не успеваю понять. Я не так хорошо знаю на ваш английский. Скажи помедленней, что ты от меня хочешь?

Люсинда оторопела. Просто знакомиться ей было всегда легко. Но сказать незнакомому человеку, что ты от него хочешь... Она не находила ответа и молча любовалась китайской леди. «Меха на ней, наверное, стоят целого королевства, – размышляла девочка, – а драгоценности еще дороже мехов. А какая она красивая! Прямо как царица Савская из „Копей царя Соломона“ или Клеопатра... И как я только могла надеяться, что такая важная леди может со мной дружить?»

Но как бы там ни было, «важная леди» ждала от Люсинды ответа, и та решила поговорить с ней начистоту.

– Я, собственно, ничего от вас не хочу, – очень отчетливо сказала она. – Но мне было бы очень интересно с вами дружить. Я обожаю необыкновенных людей. Только, боюсь, у вас для такой, как я, совсем нет времени.

– Времени? – проговорила задумчиво китайская леди. – Если ты говоришь о пустых часах, когда совсем нечего делать, то у меня их очень полно. И детей я очень люблю. Идем! Кажется, у меня есть тебе показать что-то очень хорошенькое.

Она провела девочку в угловой номер, на двери которого значилось «207». То, что Люсинда увидела в комнате, потрясло ее до глубины души. «Это просто сразило меня наповал», – делилась она чуть позже впечатлениями с Тони Коппино. Стены были задрапированы яркими коврами. В дверных проемах и на потолках висели потрясающе красивые лампы из меди и цветного стекла. Они расцветчивали яркими бликами занавески и панели из дерева.

В одном из углов находился большой помост, который выдавался на четверть комнаты. Помост был задрапирован коричнево-ржаво-зелеными занавесками, а на нем лежали горы подушек всех цветов и размеров. Одни были из шелка с золотым шитьем, другие – из мягкой кожи. На стенах за помостом висело оружие – изогнутые сабли, тонкие кинжалы, ножи с широкими лезвиями и кинжал в ножнах, рукоять которого была инкрустирована драгоценными камнями.

Среди подушек на помосте сидели куклы в восточных нарядах. У Люсинды глаза округлились от восхищения. Ей так понравились куклы! А больше всех – японская. Люсинда сразу назвала ее Нэнки-Пу.

Ее новая знакомая хлопнула в ладоши словно какой-нибудь султан из «Тысяча и одной ночи», и из невысокой ниши тут же показалась темнокожая служанка.

– Возьми у меня шубу и подай сладости, – приказала хозяйка.

Затем она усадила Люсинду рядом с собой на помост и

спросила:

– Тебе нравятся эти куклы? Эта вот девочка – из Турции, а мальчик японский.

– Ой, я их уже обожаю! – воскликнула Люсинда и усадила кукол к себе на колени.

Служанка внесла поднос, уставленный блюдечками, на которых лежали сладости и орехи.

– Да я прямо в сказку попала! – засмеялась Люсинда. – Вы, наверное, какая-нибудь принцесса! Признавайтесь, вас зовут Саидой или... или... – И она стала лихорадочно вспоминать, какие еще имена у принцесс из сказок.

– Да что ты! Я простая миссис Исаак Гроуз. Мне очень жаль, что тебя это разочаровывает. Но ты можешь меня называть, как больше нравится. Пускай я буду Принцесса, а ты – мой Дружок. Согласна?

Люсинда была согласна, и они с аппетитом принялись поедать турецкую пасту, засахаренный миндаль, соленые фишашки и цукаты. Потом Принцесса достала откуда-то лаковую шкатулку, вынула из нее сигарету и закурила. Это привело Люсинду в полный восторг. «Ну просто настоящая Шахерезада! – глядя на китайскую леди, размышляла она. – Я даже представить себе не могла, что женщины могут курить!»

Еще некоторое время спустя Принцесса стала рассказывать всякие интересные истории, действие которых разворачивалось на Востоке. А после этого они с Люсиндой просто сидели и смеялись, потому что обеим было очень хорошо и

весело. Вдруг кто-то с треском отворил дверь. Волшебная атмосфера разлетелась вдребезги. Будто хрустальный бокал уронили на пол. Посреди комнаты стоял приземистый смуглый мужчина. Черные его глаза почему-то напоминали Люсинде вар, а черная квадратная борода, подсвеченная синей лампой, которая горела как раз над ним, по мнению девочки, была прямо точь-в-точь как у Синей Бороды из ужасной сказки.

Но таким мужчина был недолго. Увидав Люсинду, он сразу переменялся и вполне добродушно сказал:

– Так значит, у нас ребенок в гостях. Чудесно! А я услышал из-за двери смех и подумал... Впрочем, это теперь не важно...

И, подойдя к Принцессе, мужчина ласково потрепал ее по щеке. Затем он начал расспрашивать Люсинду, кто она и откуда. Однако страх ее еще не прошел, и она лишь бормотала в ответ:

– Мне пора домой, сэр! Мне правда пора. Отпустите меня, пожалуйста!

– Конечно, конечно, Дружок, – вступилась Принцесса. – Только не забывай меня навещать. С тобой вместе мои пустые часы идут совсем незаметно.

Выйдя из гостиницы, Люсинда обнаружила, что на улице уже зажгли фонари. Люди спешили домой с работы. Она и не думала, что так засиделась в гостях. Ей давно пора вернуться домой, и сестры Питерс уже, наверное, беспокоятся. Надо

скорее им объяснить, почему она сегодня совсем забыла о времени.

Мисс Питерс и мисс Нетти расположились на кухне. Как раз недавно они поглядели на часы и, узнав, что сейчас начало седьмого, приготовились не на шутку разволноваться за Люсинду. Но именно в этот момент она пулей влетела в квартиру.

– Я знаю! Вы должны наказать меня! – тяжело дыша от быстрого бега, выпалила она. – Я заслужила!

Потом она рассказала об Эледе и ее дедушке с бабушкой, но ни словом не обмолвилась ни о Принцессе, ни о ее муже с синей бородой. Потому что Люсинда была уверена: сестры Питерс запретят ей туда ходить, а ей надо. Тот, кто хоть раз открывал дверь в сказку, уже никогда не сможет закрыть ее.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

23 ноября 189... года

Вся моя жизнь летит куда-то вперед, и мне это очень нравится. На День Благодарения у меня была уйма приглашений. Я ела индейку у тети Элен в четверг. Доедала другую индейку со Спиндлерами в пятницу. А потом ела еще одного гуся с Джоанной у Джоанны в субботу. Кстати, мужа ее сестры, оказывается, зовут Майкл. А воскресенье после церкви я провела день с дядей Эрлом! Он мне читал «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Больше всех мне понравились ткач Основа и Пэк. Этот Пэк кружил по миру, наверное, так же, как я кружу по Нью-Йорку на роликах. Только, конечно, у него получалось еще быстрее.

У меня двое новых друзей, Эледа и Принцесса Саида. Вообще-то Принцессу Саиду зовут по-другому, но мы с ней решили играть, как будто она на самом деле из «Тысяча и одной ночи». Об Эледе я мисс Питерс и мисс Нетти сказала все, что знаю сама. Я собираюсь скоро пригласить Эледу на ужин. Но Принцесса – мой самый большой секрет! О ней никто не узнает!

27 ноября 189... года

Я потратила на всякие вещи для «Бури» все свои деньги. Даже на пожертвования для церкви совсем ничего не осталось. Когда перед службой мы болтали у входа с моим другом-пономарем, подошел мистер Гидеон. Он пускает блюдо для пожертвований по нашему ряду. Я сразу подумала: «Если он застучает, что я не кладу в блюдо денег, будет очень нехорошо и стыдно». Поэтому я решила предупредить мистера Гидеона заранее. Я боялась, что он меня начнет ругать, а он просто сказал:

– Что ж, буду обходить тебя до самого Рождества, Люсинда. Не бойся. Никто ничего не заметит. Кроме нас с тобой, это вообще никого не касается.

Вот так я узнала, какой это добрый джентльмен. Интересно, а куда вообще уходят все эти пожертвования с блюда? По-моему, там скапливается достаточно денег. И пятицентовики, и десятицентовики, и банкноты. Интересно, куда все это девается?

РОЖДЕСТВО

Люсинда обладала редкостным даром продлять праздники. В особенности хорошо у нее получалось это с Рождеством. Начав в Сочельник, она праздновала его непрерывно до самого Крещения, а потом, измотанная и опустошенная, пускалась в плавание по унылой реке будней.

Однажды она призналась своему другу Ночной Сове, что страшно любит голландскую часть Нью-Йорка. Молодой репортер, как тут же выяснилось, полностью разделял эту страсть, и они решили вместе прогуляться туда шестого декабря поутру.

– О, Старые Никерброкеры! – вспомнил Ночная Сова прозвище, которое укрепилось в Нью-Йорке за потомками голландских поселенцев. – Думаю, Люсинда, мне удастся показать тебе там кое-что интересное.

И он не обманул ожиданий. Гулять с ним оказалось истинным наслаждением. Раньше Люсинда бродила тут словно впотьмах, и только теперь ослепительный луч высветил все это великолепие. Замечательные мосты. Дом, где Климент Мур написал «Явление Святого Николая». Улицу (когда-то ее называли Аллеей Любви), вдоль которой голландцы построили укрепления, чтобы их остров не смогли захватить англичане.

Пешее странствие с Ночной Совой очень утомило Люсин-

ду, и домой она добиралась из последних сил. Однако, вернувшись, она узнала, что мисс Нетти позвала Тринкет поужинать, и они даже вместе накрыли кукольный столик. Люсинда так обрадовалась, что начисто забыла об усталости.

Ужин из кукольной посуды был уловкой, которой Люсинда с мисс Нетти пользовались специально для Тринкет. Если молоко в обычной чашке не вызывало у нее ничего, кроме протеста, то из кукольной посуды она пила его с радостью. С тем же восторгом поглощала она крохотные сэндвичи с маслом или яйцо, если только его подавали в маленькой рюмочке. Такие ужины были для Тринкет игрой, а так как играть она научилась лишь у Люсинды, то ощущение это было для нее исполнено привлекательности и новизны.

После еды игра продолжалась. Люсинда и Тринкет вместе мыли маленькие тарелки и чашки, потом убирали их в кукольный шкаф. Потом Люсинда обязательно что-нибудь читала девочке вслух. В первые ужины – «Сказки матушки Гусыни», а затем несколько вечеров подряд – «Бурю», которую Тринкет слушала, затаив дыхание. А под самый конец Люсинда сажала девочку на колени и пела ей что-нибудь из большого красивого сборника. Там были песни про акулу и про русалку, и еще была одна песня без названия, которая начиналась так:

О, юная красотка, свет очей!

Что подарить тебе к Святому Валентину?

И еще они любили песню о фермере, который полон грядки, а над головой у него жужжала маленькая пчела. А иногда Люсинда пела из «Водяных деток»:

Про куколку свою скорей
Хочу поведать, дети:
Она нарядней и милей
Всех куколок на свете.

И Тринкет была уверена, что это сочинено специально для ее куклы в красном платье и белых босоножках. А в самом конце, когда мистер Бродовски уже приходил, чтобы забрать дочку домой, Люсинда пела про лягушонка. Папа Тринкет улыбался и спрашивал:

– Ну, во что вы сегодня играли? Кем ты была, Люсинда? Старшей сестрой Тринкет или волшебницей-крестной?

Как удивились бы родные Люсинды, увидев ее в такие мгновения! Дома ее считали ребенком холодным. Впрочем, еще совсем недавно она и впрямь стеснялась всяческих нежностей. Если кому-нибудь из домашних приходило в голову ее приласкать, она будто каменела и становилась живым человеком не раньше, чем ее оставляли в покое. И вот месяцы «временного сиротства» словно открыли неведомый ей самый источник, и тот, кто узнал ее в это время, мог с полным правом сказать, что она полна любви к окружающим и не стыдится выражать свои чувства. В последнее время Люсин-

да начала даже восхищаться некоторыми людьми. Особенно теми, которые полностью ей доверяли.

По мере того как близилось Рождество, Люсинде все больше хотелось устроить для Тринкет настоящее чудо. Она знала, что приведет девочку в восторг. Перед самым Сочельником в витрине игрушечно-канцелярско-табачного магазина выставили потрясающие санки ярко-красного цвета. Если бы покатать на них Тринкет! Но санки стоили слишком дорого для Люсиндиных личных средств. И тогда она решила устроить для Тринкет елку.

– Конечно, в Сочельник мне, как всегда, придется идти к тете Эмили, – исподволь начала уговаривать Люсинда сестер Питерс. – Наверное, мне вообще все Сочельники в жизни придется провести у нее. Дочки Уотерсов, дочери Браунов, газели и я. На нас напялят платья из белой материи и заставят изображать ангелов. Мы это делаем каждый Сочельник с тех пор, как научились ходить. А потом мы будем размахивать звездами на палочках и петь рождественские гимны. И тетя Эмили мне, конечно, как всегда, скажет: «Люсинда! Ну когда же ты станешь грациознее!» Но это все ничего. Я привыкла. Мисс Питерс! Мисс Нетти! Пожалуйста, разрешите мне устроить рождественским утром елку для Тринкет! Тогда я совсем-совсем перестану расстраиваться, что в Сочельник пойду к тете Эмили! Эта елка будет таким сюрпризом для Тринкет!

Заручившись согласием воспитательниц, Люсинда побе-

жала наверх, чтобы договориться с мистером и миссис Бродовски. Каково же было ее удивление, когда они рассказали, что за четыре года жизни у девочки никогда еще не было елки. Тогда Люсинда окончательно поняла: она просто обязана устроить для Тринкет веселое Рождество.

Она уже предвкушала, с каким удовольствием будет наблюдать за счастливой Тринкет. Нет, она не имеет права устроить такое потрясающее зрелище только для себя, мисс Питерс и мисс Нетти! Ее друзья тоже должны непременно увидеть, как Тринкет празднует свое первое Рождество. Надо пригласить на елку мисс Люси-милочку, и Ночную Сову, и леди Росс. Ну и, конечно же, Гиллиганов, и дядю Эрла, и Эледу из гостиницы, и Тони... Список тех, «без кого просто нельзя устраивать эту елку», увеличивался с каждой секундой. И тут перед Люсиндой возникли новые трудности. Она не может пригласить друзей на Рождество, если у нее для них нет подарков! А подарки купить не на что. Ведь все свои деньги она истратила на постановку «Бури». «Как же быть? Как же мне быть?» – в отчаянии размышляла Люсинда, но ничего путного не приходило ей в голову.

Выход неожиданно нашелся на следующий день. Предложение исходило от леди Колдуэлл. Когда Люсинда пришла к ней в гостиницу и поделилась своими трудностями, добрая леди сказала:

– А что, если нам так поступить, моя милая. Бедному Пигмалиону очень туго приходится в последние дни! На улице

скользко, я боюсь упасть, и несчастный пес совсем мало гуляет. Если бы только тебе удалось, Люсинда, заходить сюда каждый день! Пигмалион был бы счастлив, он так любит гулять с тобой, а я буду платить тебе небольшую сумму за каждую прогулку. Полагаю, ее как раз хватит на подарки гостям к Рождеству.

– Но это же просто потрясающе, миссис Колдуэлл! – запрыгала от восторга Люсинда. – Никогда раньше не думала, что деньги можно получать за такое приятное дело. Мама давала мне деньги только за то, что я ненавижу.

– По-моему, деньги всегда надо зарабатывать только тем, что приносит радость, – убежденно ответила миссис Колдуэлл. – Мир очень изменился бы к лучшему, если бы каждый с удовольствием делал свою работу.

Люсинда была поражена. Она и не подозревала такой мудрости в миссис Колдуэлл. Ей даже сейчас показалось, что добрая леди напоминает портреты королевы Виктории в старости. Особенное сходство Люсинда уловила в двойном подбородке и несколько сонном взгляде.

Пообещав миссис Колдуэлл обязательно погулять завтра с Пигмалионом, девочка отправилась в двести седьмой номер к Принцессе Саиде. Та пребывала в явно невеселом расположении духа, однако, увидев Люсинду, радостно улыбнулась.

– Как же я рада тебе, мое дорогое, – коверкая от волнения слова, защебетала она. – У меня тут есть тебе свежие турецкие сладости и орешки. У тебя ведь нет противных возраже-

ний, да?

Но Люсинда сейчас не могла говорить об орешках. Перед ней только что открылась потрясающая возможность самой зарабатывать на подарки гостям к Рождеству, и она должна была поделиться этим с Принцессой. Тщетно хозяйка двести седьмого номера пыталась вставить хоть слово. Люсинда не закрывала рта до тех самых пор, пока в ее легких не кончился воздух. Тут ей поневоле пришлось замолчать. Впрочем, она об этом не пожалела. Едва Принцессе Саиде представилась возможность заговорить, как Люсинда смогла убедиться, что некоторые идеи бывают заразнее скарлатины.

– Только умолкни хоть совсем ненадолго, Люсинда, – начала Принцесса, – а я имею вот что сказать. Мой муж очень не хвалит мой страшный английский. И вот каждый день после гуляния с тем самым Пигмалионом ты идешь ко мне вот сюда и учишь немножко английский вместе. Ты ведь еще заработать денег не против?

Со следующего дня жизнь Люсинды стала не менее хлопотной, чем у мистера Гиллигана. С той только разницей, что у мистера Гиллигана был кэб, а у Люсинды – Пигмалион «для прогулок» и Принцесса Саида «для правильного английского разговора». Едва проглотив обед в пансионе, Люсинда бежала к трем часам в гостиницу. Там ее уже поджидал Пигмалион, облаченный хозяйкой в красную попону и такого же цвета ботинки из войлока. Иногда с ними вместе шла на прогулку Эледа. В таких случаях девочки предостав-

ляли Пигмалиону развлекаться самостоятельно, сами же с упоением пересказывали друг другу любимые пьесы. Если Эледа была занята, Люсинда с Пигмалионом навещали друзей на Бродвее. Или заглядывали на Восьмую авеню, чтобы поддержать знакомство с Джерри Хенлоном, полицейским, а заодно и проверить, все ли в порядке у Тони Коппино с лотком? Или шли в игрушечно-канцелярско-табачный магазин, чтобы погреть у печки окоченевшие руки, ноги и лапы. Хозяева магазина, мистер и миссис Шульц, всегда очень радовались Люсинде. Но она старалась не злоупотреблять их гостеприимством и каждый раз покупала конфету или еще какую-нибудь мелочь. И еще она каждый раз открывала все коробки с выскакивающими куклами. Куклы с писком вылетали из-под крышек, и это приводило Люсинду в восторг. Ей казалось, будто все эти существа с раз и навсегда застывшими улыбками на игрушечных лицах приветствуют ее.

– Как поживаете? – ласково спрашивала она.

Мистер и миссис Шульц каждый раз очень удивлялись. Однажды хозяйка не выдержала и спросила:

– Зачем ты всегда открываешь эти коробки?

– Сама не знаю, – растерялась Люсинда. – Может быть, потому что они пищат?

К четырем часам Люсинда возвращала Пигмалиона миссис Колдуэлл. Та требовала подробного отчета о каждой прогулке. К ее великому удовольствию, Люсинда излагала все так, словно, гуляя, вела длительные беседы с Пигмалионом,

а тот, в свою очередь, отвечал ей. Однажды она воспроизвела такой разговор:

«И тут Пигмалион мне сказал:

– Идем на Восьмую авеню, Люсинда. Мне очень охота поглядеть снова на эти потрясающие красные санки в витрине.

А я, миссис Колдуэлл, ему отвечаю:

– Ой, Пигги, не могу я смотреть на них! У меня ведь не хватит денег, чтобы купить их для Тринкет. Значит, их кто-то купит для какого-нибудь другого ребенка, а у меня от этого прямо сердце болит.

И тут Пигмалион говорит:

– Никогда не надо терять надежды, Люсинда!»

Потом Люсинда прощалась с миссис Колдуэлл и, стараясь не обращать внимания на Пигмалиона, который красноречивыми взглядами призывал ее посидеть еще, убегала к Принцессе Саиде. Занятия английским вызывали в душе Люсинды большие сомнения.

– Мне ведь всего десять лет, – пыталась она несколько раз объяснить Принцессе. – Такие девочки еще не бывают учительницами. Вам, наверное, лучше всего нанять мисс Питерс для правильного английского. Она даже медную мартышку может всему научить.

– Но мне, Люсинда, нужна только ты, – возражала Принцесса, – и закончим, пожалуйста, беседу об этом споре.

За занятия Принцесса Саида платила не совсем обычным способом. В конце каждого урока она зажимала в одном ку-

лаке маленькую монету, в другом – большую, а потом Люсинда должна была выбрать руку. Иногда она уходила домой с пятью и десятью центами, а иногда зарабатывала сразу четверть и даже полдоллара. В такие дни ее мучила совесть. Ведь она всего-навсего объясняла Принцессе Саиде, что надо говорить, а что – нет, и получать за это пятьдесят или двадцать пять центов казалось ей непозволительной роскошью.

Но Принцесса не желала слушать никаких возражений, и «Рождественский фонд» Люсинды день ото дня стремительно рос. Она уже договорилась с Витторе Коппино, и он в один из походов на рынок купил для нее елку – высокую, с густой хвоей на ветвях и очень дешевую – всего за двадцать пять центов. За три дня до Рождества ее установили в гостиной и сразу запахло прямо как в лесах Мэна после теплого летнего дождика.

Мисс Нетти и Тони помогали Люсинде мастерить украшения. Одетый в выходной костюм Тони приходил после ужина. За работой он загадочно улыбался, и Люсинде казалось, что в такие минуты он еще больше похож на юного Микеланджело.

Втроем они склеили из серебряной бумаги рога изобилия с красными аппликациями и повесили их на елку. Затем из красной, белой и серебряной бумаги были сделаны длинные цепи. Остатки серебряной бумаги превратились в замечательные сосульки и их тоже повесили на зеленых ветвях. А потом Тони вырезал из фанеры от апельсиновых ящиков

звезды и посеребрил их краской. Виноградные гроздья Люсинда и Тони сделали из воздушной кукурузы, которую по такому случаю пожертвовала Черная Сара. Вот почему из всего, что требуется для елки, Люсинде пришлось покупать за деньги только свечи и мишуру.

В последнее воскресенье перед Рождеством Люсинда задержалась в церкви с мистером Гидеоном. Подробно рассказав, какое замечательное у нее намечается в этом году Рождество, она попросила разрешения еще несколько раз не жертвовать денег. Мистер Гидеон согласился.

– Какой же вы добрый! – обрадовалась девочка. – Наверное, это и называется тактом, когда ведут себя как сейчас вы со мной. Знаете, мистер Гидеон, приходите ко мне в гости на елку! Только у меня не такт, а настоящая благодарность!

Мистер Гидеон ответил, что пока ничего определенного не обещает. Может быть, он придет, а может, и нет. Правда, адрес он записал очень тщательно, а потом ушел. Люсинда осталась в полном замешательстве. На тот случай, если мистер Гидеон придет, надо приготовить подарок. А если он не сможет, его подарок некуда будет девать. «Но с этим уже ничего не поделаешь», – подумала Люсинда и заторопилась домой.

Перед тем как идти к тете Эмили изображать белого ангела, Люсинда вместе с мисс Нетти сделала конфеты для рогов изобилия. Попробовав ириски и арахис в сахаре, девочка пришла к выводу, что они получаются у мисс Нетти почти

такие же вкусные, как у Луи Шерри. Почти... Потом мисс Нетти смешала яичный белок с сахарной пудрой. Получилась густая белая масса. Люсинда и мисс Нетти скатали из нее шарики. Каждый шарик заложили между двух половинок ядрышек грецкого ореха и сжали. Затем последовала самая кропотливая работа. Скорлупки грецких орехов склеили, а Тони покрыл их серебряной краской и повесил на елку. Теперь все, абсолютно все было готово для завтрашнего торжества. Люсинда еще раз придирчиво оглядела елку и нашла, что она великолепна.

В следующий миг липкие от сладостей руки Люсинды сомкнулись на шее мисс Нетти.

– Как же я вас люблю! – с жаром проговорила она.

На следующее утро, едва проснувшись, Люсинда вскочила с постели совсем как выпрыгивающая игрушка из магазина мистера и миссис Шульц. Первым делом она взглянула на елку. После того как они с мисс Нетти приберут в комнате, елку поставят посередине, и гости смогут рассесться вокруг – кто на стульях, а кто попросту на полу. Подумав, сколько еще надо сделать до прихода гостей, Люсинда с досадой вспомнила о завтраке. Тратить в преддверии такого праздника время на кашу и гренки с какао казалось ей настоящим кощунством. Большая пушистая елка выступала из-за угла словно сонный пингвин. Люсинда подошла и еще раз оглядела подарки. Вот перочистка, которую Люсинда сама сшила для дяди Эрла. Наверное, он удивится, что Люсинда сама

сделала ему к Рождеству подарок! А вот красные вареники. Это для Тринкет. А календарь – для Ночной Совы... Все подарки были на месте. Каждый обернут белой бумагой и перевязан бечевкой красного цвета. Гости придут в одиннадцать. Значит, пора, наверное, будить сестер Питерс.

Люсинда забарабанила в дверь спальни.

– Веселого Рождества, мисс Питерс! Веселого Рождества, мисс Нетти! – крикнула громко она.

Мисс Питерс первой вышла в коридор и угодила прямо Люсинде в объятия. Потом та же участь постигла мисс Нетти. У каждой из троих об этом событии сложились свои впечатления. Мисс Питерс была несколько удивлена, мисс Нетти растрогалась, а Люсинда отметила, что мисс Питерс в ночной рубашке оказалась «худой и твердой», а мисс Нетти, наоборот, «очень мягкой».

Не успели они позавтракать и прибраться в гостиной, как явился мальчик-посыльный с большой коробкой в руках. Потребовал Люсинду Уаймен.

– Это я, – кивнула головой девочка.

– С наилучшими пожеланиями от мистера Саймона Гидеона! – торжественно проговорил посыльный и протянул ей коробку. В коробке оказались конфеты, изготовленные мистером Луи Шерри.

– Мистер Гидеон! Какой же вы хороший и добрый! – вырвалось у Люсинды. – Жалко только, что вы сами прийти не смогли.

Не успела она пережить эту радость, как снова раздался стук в дверь. На пороге стоял запыхавшийся мистер Шульц из игрушечно-канцелярско-табачного магазина. А запыхался он потому, что нес вверх по лестнице красные санки. Когда мистер Шульц сказал, что санки теперь ее, Люсинда от изумления едва на ногах устояла. К санкам была привязана бирка. На ней значилось: «Люсинда! Поздравляю тебя с Рождеством! А с этими санками можешь сделать все, что захочешь. Твой друг Пигмалион».

Проводив мистера Шульца, Люсинда вместе с сестрами Питерс передвинула елку в центр гостиной. Санки она положила так, чтобы Тринкет сразу заметила их.

– Ну когда же наконец будет ровно одиннадцать! – нетерпеливо вскричала Люсинда. – Я просто не могу больше ждать!

И еще раз взглянув на елку, Люсинда подумала, что такой красивой у нее еще никогда не было. За несколько минут до одиннадцати Люсинда начала петь рождественский гимн о том, как дети увидели чудесную елку и возрадовались празднику. Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял дядя Эрл с множеством свертков в руках. Люсинда бросилась навстречу. Обхватив дядю за талию, она принялась танцевать вместе с ним вокруг елки. Они топали, как два медведя: один большой, другой – маленький.

– Я возрадуюсь! – кричала Люсинда на всю квартиру. – Ты возрадуешься! Он, оно, она возрадуются! Мы возраду-

емя! Вы возрадуютесь! Они возрадуются! О, дядя Эрл, как хорошо, что вы наконец пришли! По-моему, я сейчас просто лопну от счастья!

А вскоре появился Тони. Он принес ярко раскрашенных человечков. Их можно было дергать за веревочки, и тогда они очень смешно двигали руками и ногами. Тони быстро развесил человечков на елке – их было ровно столько, чтобы каждому из присутствующих хватило по одному. Еще Тони принес мешок с апельсинами.

– Папа желает тебе веселого Рождества. И мама желает. И я тоже желаю, – смеясь, проговорил он и извлек из кармана деревянный браслет. – Держи, Люсинда. Я специально для тебя его сделал.

По всему браслету шел резной орнамент из листьев и фруктов. Гладкая отшлифованная поверхность матово поблескивала на свету.

– Он просто прекрасный. Тони! – восхитилась Люсинда. – Я буду всю жизнь надевать его на все торжества!

Люсинда тут же решила, что браслет Тони будет самым секретным сокровищем из всех, которые хранятся в ее походной конторке.

Когда все гости расселись вокруг елки, Люсинда тщательно пересчитала: «Мистер и миссис Гиллиган, Джерри Хенлон, мисс Люси-милочка, мистер Ночная Сова, леди Росс, Эледа Соломон, Баттонс, дядя Эрл, Тони, Джоанна, сестры Питерс...» Компания была в сборе. Значит, можно бежать

к Бродовски. Вихрем взлетев на третий этаж, девочка трижды стукнула в дверь и спокойно вернулась обратно. Пока она бегала, дядя Эрл и Тони зажгли свечи на елке, и она сияла золотом, серебром и огнями. Не успела девочка опуститься на ковер рядом с Тони Коппино, как послышались звуки скрипки. Все разом повернули головы к входной двери. Тринкет шла, держа маму за руку, а мистер Бродовски, тот самый мистер Бродовски, которому, по словам Ночной Со-вы, предстояло в одно прекрасное утро стать знаменитым, играл на ходу французскую мелодию «Первое Рождество». Она звучала так замечательно, что гости хором подхватили ее:

Рождество! Рождество! Рождество!

Сын Человеческий родился!

И под звуки торжественного гимна Тринкет пошла навстречу своей первой рождественской елке. Забыв обо всем, она стала медленно огибать дерево. Девочка то и дело останавливалась и осторожно трогала пальцем какую-нибудь игрушку на ветке. Первым ее внимание привлек один из человечков Тони Коппино. Тринкет остановилась. Рот ее сам собой раскрылся, и она тихо заохала от восторга. Только разглядев все, что висело на елке, девочка заметила, что вокруг сидит много людей. Это открытие очень смутило ее. Но тут пришла на помощь Люсинда и усадила Тринкет рядом с собой.

Дядя Эрл принялся раздавать подарки. Люсинде достался

пирог от миссис Гиллиган, сатиновый футляр для носовых платков от Джоанны и еще уйма других подарков, из которых ее больше всего обрадовали «Новые приключения Мурзилки» Палмера Кокса от мистера Ночной Совы. Потом дядя Эрл начал вручать подарки Люсинды. К каждому из них девочка приложила по короткому напутствию, и теперь дядя читал эти напутствия вслух.

Пройдет Рождество, и вскоре Люсинда забудет, что и кому пожелала в тот день. Лишь два напутствия сохранятся у нее в памяти на всю жизнь. Первое было вручено Тринкет вместе с варежками:

Красные варежки эти
Будут тебя согревать.
Теперь в любые морозы
Можешь, Тринкет, смело гулять!

Во втором послании Люсинда обращалась к мистеру Гиллигану, которому купила к Рождеству новую трубку и пачку табака. Строки эти запомнились Люсинде в основном потому, что она так и не смогла подобрать ни одной подходящей рифмы и очень боялась, что мистер Гиллиган обидится:

Как славно быть ирландцем,
Куриль большую трубку!
Пусть табака в избытке
Всегда будет у вас!

Но кэбмена отсутствие рифмы ничуть не смутило.

– Ну, доложу я тебе, мисс Люсинда, – в совершеннейшем упоении проговорил он, – про меня еще в жизни никто ничего такого красивого не писал!

У каждого из нас обязательно есть хотя бы одно Рождество, которое оставило след на всю жизнь. Именно таким для Люсинды стал праздник в честь Тринкет. Большинству приглашенных он тоже запомнился. И наверное, отчетливее всех Люсиндино «Рождество для Тринкет» запомнили мистер и миссис Бродовски. Даже много лет спустя они вспоминали о нем, и это согревало их души.

Первым в то утро распрощался с хозяевами мистер Гиллиган.

– Прошу покорно меня извинить, леди и джентльмены, – смущенно объяснил он, – но кэб совсем без меня застоялся.

Тут остальные тоже вспомнили о каких-то делах и начали расходиться. Поднялся и дядя Эрл. Он уже вышел в переднюю, когда внезапно хлопнул себя с досадой по лбу и, проворчав что-то по поводу «дырявой башки», полез во внутренний карман сюртука. Секунду спустя он опустил в карман праздничного передника Люсинды, и в карман выходного костюма Тони, и в одну из красных варежек Тринкет по сияющей золотой монете.

– Всегда их ношу с собой в Рождество для детей, – очень просто объяснил дядя Эрл. – Только не смейте меня благо-

дарить, несносные дети! – замахал он руками. – Мне эти монеты совсем ничего не стоят. Просто перед Рождеством я захожу в банк и прошу горсть золотых для подарков. Видели бы вы, с какой радостью они их дают мне!

Когда разошлись абсолютно все, Люсинда доверительно сказала мисс Нетти:

– Сочельник у тети Эмили в подметки моему Рождеству не годится.

Мисс Питерс позволила оставить елку в квартире до Крещения. Люсинда каждый день приводила Тринкет. Они зажигали свечи на елке, и Тринкет в который раз принималась рассказывать, как увидела эту елку впервые. Старшая девочка очень внимательно слушала, а потом говорила:

– Мы с тобой будем помнить это Рождество до самого конца жизни, Тринкет.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

7 декабря 189... года

У меня сейчас очень сложный период в жизни! Разве можно на один доллар в неделю и «Бюрю» поставить, и Рождество справить, и еще ездить на этот доллар на конке? Правда, мисс Питерс говорит, что это арифметическая проблема. Наверное, она права. Наверное, если у человека серьезные трудности, в его жизни всегда появляется арифметика.

Мне просто необходимо заработать денег. Я могу попросить отца Тони. Он, наверное, разрешит мне за десять центов в день стоять у лотка после школы. Но не могу же я скрывать от мисс Питерс, куда ухожу каждый день. Все свои уходы мы записываем в блокнот, и она сразу догадается, что я работаю за фруктовым лотком. И тогда она мне запретит. Можно, конечно, обратиться к Луи Шерри. Он мне как-то жаловался, что никак не найдет нового продавца конфет, которые надо взвешивать, а старый продавец у него куда-то девался. Луи Шерри меня, конечно, взял бы, но мисс Питерс и этого мне делать не даст. Наверное, мне нужно подыскивать менее демонстративную работу.

«Демонстративная» – это мое новое слово из словаря. Мне оно очень нравится, и употребила я его, по-моему, правильно.

10 декабря 189... года

Победа! Спасена! Получила сразу две работы за деньги! Обе мне очень нравятся. Одна – это гулять с Пигмалионом час в день. А вторая – еще час в день учить Принцессу Саиду правильному английскому разговору. Мы болтаем, едим турецкую сладость в виде замазки, и я много смеюсь. Миссис Колдуэлл и Принцесса мне хорошо платят. Наконец-то я могу составить список подарков на Рождество:

Для Тони – складной нож (у его ножа все лезвия, кроме одного, уже сломаны).

Мистеру Гиллигану – глиняную трубку и табак.

Джоанне – кухонный фартук (тут можно не тратиться: мисс Нетти сошьет его сама на машинке).

Миссис Гиллиган – подушечку для булавок в виде помидора.

Дяде Эрлу – еще не знаю.

Мистеру Ночной Сове – кусок мыла.

Мисс Люси-милочке – воротничок с рюшем (она такие просто обожает носить).

Сестрам Питерс – носовые платки.

Джерри Хенлону – жевательную резинку (он ее все время жует).

Тринкет – красные варежки.

Миссис Бр... (так и не научусь никак писать правильно!) – ночные туфли (я куплю шерсть, а мисс

Нетти свяжет).

Мистеру Бр... – шерстяной шарф.

(Надо на всех Бр... потратить больше всего денег. Им всем ведь так трудно! Но я не хочу об этом ни говорить, ни писать, потому что это секрет.)

25 декабря 189... года

И все-таки я получила эти прекрасные санки для Тринкет! Гости радовались так же, как я. Или почти так же. А после моего рождественского утренника Люси-милочка устроила потрясающий рождественский ужин. Нас всех пригласили и Бр... (надо будет посоветоваться с мистером Ночной Совой, как писать их фамилию!). У Люси-милочки мы опять пели рождественские гимны. Джоанна мне подарила стеклянный кораблик, который сидит внутри стеклянной бутылки. Мне очень нравится думать, как он туда смог залезть?

КРЕЩЕНИЕ

Сначала Люсинда и Тони рисовали декорации к «Буре» вместе. Они очень старались. Даже концы кисточек то и дело смачивали языками, «чтобы линия была тоньше». К концу каждого вечера языки их сияли всеми цветами радуги, но с декорациями все равно ничего не выходило. Когда третий вариант оказался в ведре. Тони не выдержал.

– Знаешь, Люсинда, – очень твердо проговорил он, – давай-ка ты лучше одна займешься костюмами и постановкой, а я пока один сделаю декорации. Если два повара стоят над одной кастрюлей, всегда выходит не то, что надо.

Получив безраздельную власть над декорациями, Тони взялся за дело очень серьезно. Сперва он отправился в музей «Метрополитен» и провел там почти целый день, перерисовывая с разных картин камни, море и деревья, которые, по его мнению, подходили для волшебного острова из «Бури». Вечером он уверенно заявил Люсинде:

– Ну, теперь у нас выйдут отличные декорации.

Мальчик и впрямь вложил в эту работу все вдохновение, чувство прекрасного и мастерство. Ибо впервые в жизни у него были подходящие инструменты и место для творчества, а о большем он и мечтать не мог.

Несколько раз Тони ходил на каретную фабрику возле реки. Он возвращался оттуда с обрезками дерева, которые

складывал до поры до времени у сестер Питерс в комнате для работы. Удивительная была эта комната! В ней лежало и стояло уже столько разных вещей, и все-таки она всегда, когда надо, могла вместить еще что-нибудь.

Крещение близилось. Теперь Люсинде и Тони нельзя было терять ни минуты. Тони рисовал и вырезал. Мисс Нетти с Люсиндой шили. А мисс Питерс была главным консультантом постановки. Сначала она помогла Люсинде сократить пьесу до объема, который требовался кукольному спектаклю. Затем Люсинда стала читать. Мисс Питерс внимательно слушала, останавливая девочку каждый раз, как она неправильно выговаривала слова или произносила их не с той интонацией. Однажды она вдруг сказала:

– Не части, Люсинда. Читай помедленнее. Если уж ты сочла, что пьеса стоит внимания публики, не надо жалеть на нее времени.

Люсинда начала читать медленней и тут же заметила, как выразительно зазвучали фразы Шекспира. Теперь она еще больше увлеклась спектаклем. Задолго до представления она знала текст наизусть и говорила языком персонажей Шекспира столь же естественно, как на голуэйском диалекте с мистером Гиллиганом.

Накануне Крещения все было готово к премьере. Последним Тони сделал корабль, который должен был потерпеть крушение. Все было как на настоящем морском судне – и мачты, и поручни на палубе, и даже парус, который сшила

мисс Нетти. Не хуже получился и Калибан. Тони вырезал его из мягкого дерева. Это было отталкивающее существо с шишковатой головой, зверской физиономией и, в довершение ко всему, скрюченное. Тони попросил у своего друга-чистильщика темно-коричневый крем для обуви и покрасил им Калибана. Образ получился настолько законченный, что, по мнению Люсинды и Тони, любая одежда его только испортила бы. Однако у мисс Нетти оказались на этот счет иные взгляды. Она сказала, что показывать публике «Калибана дезабилье» не очень прилично.

– Но если его одеть, вся дикая нагота пропадет! – решительно воспротивилась Люсинда, и Тони ее поддержал.

В конце концов стороны достигли компромисса. Мисс Нетти выкроила из старой замшевой перчатки накидку. Тони по всему фону бежевой замши нанес кисточкой темные пятна. Получилась почти настоящая шкура леопарда. Калибан в накидке устраивал всех троих. Он был во что-то одет, а «дикий наготы» оставалось достаточно много.

Для Ариэля сшили крошечные крылья зеленого цвета, и он походил в них на ночную бабочку из какой-нибудь сказки. Нимфы щеголяли в голубых нарядах, а Миранда – в платье из розового бархата, очень удачно отделанном елочной мишурой. Куклам-мужчинам Люсинда собственноручно наклеила бороды. Когда она ходила стричься, парикмахер дал ей сверток с обрезками волос. Вернувшись домой, Люсинда намазала подбородки у кукол клеем и налепила волосы под-

ходящей длины. Когда клей высох, мисс Нетти подровняла бороды маникюрными ножницами и вышло просто отлично.

Новый занавес для театра придумала и сшила из куска золотистого плюша тоже мисс Нетти. Его можно было раздвигать, потянув за тесемку – совсем как занавесы в настоящих театрах. Пещеру Просперо Люсинда и Тони соорудили из плоских камешков и гипса. А из чашки кукурузной муки, которую Люсинда выпросила на кухне у Черной Сары, получился замечательный желтый песок.

Словом, все вышло прекрасно, что дало повод мистеру Ночной Сове, поздравляя Люсинду с премьерой, заметить:
– Чисто сработано.

В семь тридцать зрители собрались на первом этаже в большой гостиной мисс Люси-милочки. Коробку со сценой водрузили на самый большой стол. Потом стол задрапировали широкой портьерой, которую мисс Люси-милочка целых полдня разыскивала в сундуках на чердаке. Этого потребовала Люсинда. Задрапировать, по ее мнению, стол было просто необходимо, иначе, объясняла она, все увидят их с Тони ноги, и «Буря» произведет совсем не то впечатление.

Театр высился над столом на пьедестале из книг, а чуть впереди, как раз перед тем, что Люсинда упорно именовала «аркой авансцены», выстроились в ряд новые маленькие фонари. Несмотря на то что они немилосердно воняли керосином, рампа получилась великолепная и сцена была всем отлично видна.

Все постояльцы мисс Люси-милочки пришли на спектакль. Кроме них, Люсинда в благодарность за прекрасные конфеты на Рождество пригласила мистера Гидеона из церкви. Мистера Коллиера-священника она позвала тоже. Как-никак он ее крестил, должен же он был увидеть теперь, как она поставила «Бурю»! Правда, в глубине души Люсинда испытывала по поводу мистера Коллиера кое-какие сомнения. Она не знала, должны ли ходить священники на спектакли и не помешает ли им это думать о Боге?

Тетя Элен Дуглас и дядя Том Маккорд тоже были среди приглашенных. Они принесли с собой корзину цветов, чтобы вручить Люсинде, когда спектакль окончится. А дядю Эрла Люсинда уговорила тайно похитить у тети Эмили из гостиной швейцарскую музыкальную шкатулку.

– Надеюсь, тетя Эмили ее сегодня не хватится, – бережно принимая шкатулку из рук дяди, сказала Люсинда, – мне она необходима для музыкальных пауз, когда надо менять декорации!

Люсинда очень волновалась и от этого была необычайно серьезна. Есть за ужином она совсем не могла. Наконец, можно было начинать спектакль. Тони исполнял роли Просперо, Фердинанда, короля, Гонзало, Боцмана, Калибана, нимф и моряков. А Люсинде достались капитан, Миранда, Ариэль, Церера и незаконный герцог Милана. Тони еще заводил, когда надо, музыкальную шкатулку, а Люсинда играла на гитаре, пела песни Ариэля и читала за сценой весь

текст. Славу оба исполнителя поделили поровну. Вернувшись домой, Люсинда записала в дневник, что, когда Тони раздвинул занавес, она испытала в душе что-то невероятное. Кроме того, она поняла, что сравнивать «Бурю» с ее прежними постановками просто нельзя. Этот спектакль отличался от старых, как королевская корона от медного кольца из хлопушки.

Конечно, спектакль изобиловал весьма значительными паузами. Когда наступало время для песен, Люсинде надо было доставать гитару и пересаживаться на пуфик. Лишь после этого она могла петь. Но, если не слишком придираешься к таким мелочам, нужно признать, что в целом представление удалось.

Был, правда, один ужасный момент, когда из-за несдержанности публики едва не сорвалось представление. Люсинда не могла и вообразить, что эти странные взрослые начнут так потешаться над песней пьяного дворецкого. Сама она не видела в ней ничего особенного. Просто ритм ее легко лег на музыку, вот она и спела, аккомпанируя себе на гитаре:

Матрос с капитаном и боцман со мной,
Комендор и помощник Билли
Любили Молл, Марджори, Мэриэн, Мэг,
Но к Кэтти не подходили.
Как сунешься к девке с таким языком?
Смеется над каждым она моряком!
Не нравится Кэтти запах морской,

Зато ей по нраву портной городской.
Пусть ночи проводит с портным до утра,
А нам отваливать в море пора.

Тишину гостиной прорезал громкий смех мистера Ночной Совы. Правда, длилось это совсем недолго. Молодой человек опустил голову и умолк. Дядя Эрл тоже вдруг низко склонился в кресле и плечи его затряслись, словно он плачет. Дамы, присутствовавшие в гостиной, тихо охнули и отвернулись.

С полминуты спустя все сумели взять себя в руки, и представление благополучно дошло до конца.

Люсинда решила обойтись без эпилога, и ее «Буря» заканчивалась монологом Просперо. Когда же дух Ариэль и Просперо прощались, Люсинда не столько декламировала строки Шекспира, сколько напутствовала друзей, которые сейчас собрались в гостиной мисс Люси-милочки:

Я вас доставлю всех
И обещаю, что море будет тихо, в парусах же
Такой стремительный заплещет ветер,
Что вы нагоните свой королевский флот.
Когда, мой Ариэль, покончишь с этим,
Вернись к своим стихиям. Ты свободен,
И пусть с тобой все будет хорошо!

Аплодисменты показались Люсинде оглушительными.

Потом все подошли, чтобы получше разглядеть театр. Куклы и реквизит привели зрителей в полный восторг. Люсинда по малости лет не могла догадаться, что спектаклем своим воплотила давнюю мечту каждого из присутствующих. Все они в ее годы мечтали о таком театре и о таких представлениях, и сейчас умиление в их душах смешивалось с тоской о навсегда ушедшем собственном детстве.

Тут Люсинда торжественно объявила, что завтра они с Тони вновь дают «Бурю» в гостинице «Геднихаус». Услыхав это, дядя Эрл властно отвел ее в сторону.

– Совсем не хочу показаться тебе похожим на тетю Эмили, но эти куплеты дворецкого ты петь завтра не смей, – шепнул он племяннице в самое ухо.

– Как вы так можете, дядя Эрл! – отчаянным шепотом отвечала Люсинда. – Это же моя лучшая песня!

– Для пьяного дворецкого она и впрямь хороша, но для тебя... – И не в силах более сдерживаться дядя Эрл стал от души хохотать. – Дорого бы я дал, – справившись с приступом смеха, добавил он, – чтобы твоя тетя Эмили оказалась сегодня здесь. Ручаюсь, Люсинда, песня дворецкого в твоём исполнении оставила бы в ее душе неизгладимый след.

Днем позже кукольный театр был доставлен на кэбе мистера Гиллигана в гостиницу «Геднихаус». Люсинда особенно волновалась о музыкальных паузах, ведь швейцарскую шкатулку тети Эмили пришлось сразу вернуть. Но у Спидлеров оказалась почти такая же, и девочка облегченно

вздохнула.

Публику на спектакль у Спиндлеров Люсинда тщательно отобрала сама. Среди приглашенных, конечно же, были миссис Колдуэлл, Эледа с дедушкой и бабушкой и Принцесса Саида с Синей Бородой, которых тут все называли мистер и миссис Исаак Гроуз.

– Понимаете, – обратилась Люсинда перед спектаклем к присутствующим, – мы с Тони будем очень стараться. Только не знаю, выйдет ли так, как вчера. Первый раз всегда выходит по-настоящему, а потом начинаешь задумываться.

– Ну, а что бы ты делала, если бы стала актрисой, – возразила ей миссис Соломон. – Ведь тогда тебе пришлось бы играть одно и то же не дважды, а сто раз подряд.

– А я бы так не смогла, – ничуть не смутилась Люсинда. – Я каждый вечер играла бы новую роль.

– И вскоре у тебя в голове все слова перепутались бы, – засмеялась бабушка Эледы.

– А я бы другие придумала, – весело отвечала Люсинда.

После спектакля устроили настоящее торжество. Официанты разносили мороженое и пирожные. Присутствующие наперебой хвалили не только спектакль, но и декорации. Особенно всем понравились корабль и Калибан. Никогда еще Тони Коппино не слышал в свой адрес столько лестных слов.

Уловив общее настроение, Люсинда отвела в сторону мистера Спиндлера и тихо сказала:

– Я очень хочу, чтобы Тони работал у вас в гостинице. Тут дело такое, мистер Спидлер. В семействе Коппино полно детей – Лиза, Пьетро, Джемма, Тесса, и еще – даже имен не помню. Каждый раз, как я прихожу, Тони меня знакомит с каким-нибудь новым братом или сестрой. Не может же он из-за этого всю жизнь провести за фруктовым лотком! Вы же видите, какие он делает вещи своими руками! Я вас прошу, мистер Спидлер, подумайте о Тони Коппино!

А на следующий день пошел снег, такой снег, что гулять было совсем нельзя, и Люсинде сразу после школы приходилось возвращаться домой. Замкнутое пространство квартиры плохо на нее действовало. Люсинда чувствовала, как на нее что-то давит, и сковывает, и затягивает... Ну как же, как же ей из этого вырваться? А на улице все мело и мело. И конечно же, наступил момент, когда Люсинда словно с цепи сорвалась.

Все началось с того, что Люсинда однажды утром, до школы, отправилась в магазин к своему другу Луи Шерри. Самого его на месте не оказалось, но девушка, стоявшая за прилавком, уже достаточно изучила вкусы мисс Люсинды Уаймен. Вскоре Люсинда вышла на улицу с пакетом своих любимых конфет.

В классе пакет был тщательно убран в парту. Люсинда решила, что до конца занятий к нему даже притрагиваться не будет. Но когда во время урока мисс Бентон, самая молодая из всех учительниц в этой школе, вдруг вышла из класса,

Люсинда вытащила пакетик и пустила его по рядам. К тому времени, как дверь класса открылась, все девочки сидели с полными ртами. И самое ужасное было в том, что вышла из класса мисс Бентон, а вошла грозная мисс Брекетт.

Девочки в панике склонились над партами. Все, кроме Альберты. Альберта была слишком глупа и медлительна и слишком уж смаковала конфету. Лениво разглядывая мисс Брекетт, она жевала.

– Альберта! – тут же сурово окликнула ее директриса.

Девочка встала.

– Подойди, будь любезна, ко мне.

Альберта спокойно пошла. Люсинда с ненавистью следила за ней и от всего сердца желала, чтобы эта тупица поперхнулась конфетой, прежде чем успеет выдать ее мисс Брекетт. Но, увы, Альберта благополучно добралась до доски.

– Что ты жуешь? – последовал новый вопрос.

Альберта решила не тратить слов. Она просто широко разинула рот, предоставив мисс Брекетт полюбоваться остатками шоколадной нуги.

– Где ты это взяла?

Услужливая Альберта снова решила не прибегать к помощи слов. Она просто кинула выразительный взгляд на Люсинду и, во избежание каких бы то ни было недоразумений, несколько раз кивнула головой.

Мисс Брекетт прошла вдоль по ряду до парты Люсинды. К этому времени наблюдательная директриса уже поняла, что

рты абсолютно всех учениц этого класса набиты конфетами.

– Откуда у тебя конфеты, Люсинда?

Люсинда улыбнулась и радушно протянула пакетик с конфетами директорше.

– Берите, мисс Брекетт! Они очень вкусные. Это от моего друга Луи Шерри.

Конфискация сладостей последовала немедленно, и конфеты от мистера Луи Шерри переключались в карман муслинового передника, который мисс Брекетт всегда надевала в школе поверх сине-белого платья.

– Ты впервые нарушила правила поведения в нашей школе, Люсинда, – назидательно проговорила мисс Брекетт. – На этот раз я прощаю тебя. Надеюсь, больше такого не повторится.

Правил Люсинда больше не нарушала. Потому что ужасный поступок, который она совершила всего несколько дней спустя, выходил за рамки каких бы то ни было правил вообще. Мисс Брекетт и в голову не могло прийти, что кто-нибудь из ее учениц на такое отважится. Позже Люсинда и сама не могла объяснить, зачем ей это понадобилось.

– Просто придумала, – пожимала плечами она, – я же не знала тогда, что поступаю коварно.

А дело было вот в чем. На парте у каждой из учениц с обратной стороны крышки кнопками было приколото расписание. Выглядело оно примерно так:

9 часов – арифметика, комната «Г»,

10 часов – французский, комната «А»,

11 часов – самостоятельные занятия, комната «В», и так далее.

Когда из холла первого этажа слышался удар гонга, девочки выстраивались с учебниками в руках. По второму удару они покидали в образцовом порядке класс, чтобы занять отведенную расписанием комнату. И вот в один из снежных дней Люсинда подумала: «Интересно, что будет, если хоть разок все пойдут не в свои комнаты?»

На другой день она явилась в школу двадцатью минутами раньше обычного и сумела заблаговременно поменять бумажки с расписанием на всех партах. Школа начала заполняться детьми, а Люсинда выжидала, что из этого выйдет?

После второго удара гонга образцовое учебное заведение погрузилось в совершеннейший хаос. Ряды старших и младших девочек смешались. Никто сейчас не помнил о правилах, которые предписывали при переходе из класса в класс соблюдать полнейшую тишину, и школа огласилась криками. Словно стадо овец заблелю, почуяв опасность.

Лишь полчаса спустя удалось восстановить кое-какой порядок. Это случилось после того, как смятые ряды учениц возглавила сама мисс Брекетт. О, ей можно было бы смело доверить знамя полка, она бы сохранила его на поле боя!

Разведя вверенное ей воинство по классам, мисс Брекетт напрямик устремилась к Люсинде. Та открыла учебник и сделала вид, что старательно переводит французский текст.

Но с мисс Брекетт такие трюки не проходили. Она все-все видела.

– Твоих рук дело, Люсинда? – спросила она.

И Люсинда ответила:

– Да, мисс Брекетт.

– Тогда спустись вниз, оденься и уходи из школы. Ты не имеешь права сюда приходить, пока я не пришлю за тобой.

Люсинда была готова ко всему, кроме этого. Всю свою жизнь до «временного сиротства» она, казалось, только и делала, что училась стоически переносить разнообразные наказания. Нотации ей читали с тех пор, как она научилась слышать. Она за плохое поведение дома, когда другие шли в гости. Шла спать без ужина. Бывало, ей даже вешали на шею дощечку с перечнем прегрешений, и она была обязана с ней ходить. Но даже ту, прежнюю Люсинду, у которой еще не было ни роликовых коньков, ни стольких друзей, ни разу не выгоняли из школы!

Девочка была потрясена и унижена. Ее охватила такая тоска, что даже живот заболел. Ноги сами вынесли ее в раздевалку, а потом – вон из школы. Очнулась она только от голоса мистера М'Гонегала, полицейского, который окликнул ее на углу Брайант-парка.

– Ну, как дела, мисс Люсинда? Прекрасный сегодня день, правда?

– День – да, а дела – ужасно, – мрачно отвечала Люсинда. – По-моему, вам надо меня посадить в тюрьму, мистер

М'Гонегал.

– В тюрьму? – переспросил тот. – Неужели это ты украла значок у мэра?

Люсинда от стыда опускала голову все ниже и ниже. Казалось, еще чуть-чуть, и она стукнется носом о собственные ботинки.

– Нет, мистер М'Гонегал, – так и не решаясь поднять глаза, объяснила девочка, – значка я не трогала. Но я поступила не лучше. Что, например, полагается ученице, которую директор выгнал из школы?

– Ну-у, – в замешательстве протянул полицейский, – вообще-то у нас в участке никогда еще не случилось такого кошмарного происшествия. В тюрьму-то я тебя на денек посадить могу. Но в таком случае судья сам меня посадит туда. Мы с тобой сделаем по-другому. У тебя нет здесь случайно какого-нибудь друга поблизости?

– Есть! – неожиданно повеселела Люсинда. – «Геднихаус» всего в двух кварталах отсюда, и у меня там полно друзей!

– Тогда отправляйся сейчас же к тому из них, кого тебе больше всех хочется видеть. Можешь считать там себя под арестом до двенадцати дня.

Приказ мистера М'Гонегала пришелся девочке по душе, и она с легким сердцем зашагала к гостинице. Больше всех остальных она хотела видеть дорогую свою Принцессу Саиду и миссис Колдуэлл с Пигмалионом. Люсинда уже все рассчитала. Сперва она забежит ненадолго к Принцессе. Потом

очень честно признается миссис Колдуэлл, что натворила сегодня в школе. А когда старая леди посоветует, как с этим быть, погуляет с Пигмалионом. Своим прекрасным подарком на Рождество он вполне заслужил хорошей прогулки.

У двести седьмого номера Люсинда в раздумье остановилась. Она никак не могла решить, что лучше: постучать или просто тихонько войти? Постучать, конечно, гораздо воспитаннее. Зато если войти неожиданно, Принцесса сначала перепугается, а потом начнет радоваться. И Люсинда избрала второй путь.

Дверь отворилась без малейшего шума. Переступив порог, Люсинда снова ее плотно прикрыла. Никогда еще не оказывалась она тут в столь ранний час. Больше всего ее удивило, что в комнату не проникает ни единого луча дневного света. «Наверное, Принцесса Саида еще спит», – решила сперва Люсинда. Но тогда почему зажжены все висячие лампы? Как-то странно. Люсинда прислушалась. В комнате стояла полная тишина. Как будто никого. Но если дверь открыта, значит, кто-то есть. Если не сама Принцесса и не Синяя Борода, то хотя бы служанка...

Тихо прокравшись по коридору, Люсинда остановилась возле портьеры и заглянула в гостиную. Принцесса была там. Она лежала на помосте, и тело ее как-то странно скрючилось. «Принцесса плачет», – решила Люсинда. Постояв еще немного, она снова задумалась: «Если она плачет, почему ничего не слышно? Скорее всего, она просто спит. Навер-

ное, азиатские леди не привыкли вставать так рано, как мы. Ну, ничего. Принцесса Саида, сейчас мы тебя разбудим!» И, резко шагнув в гостиную, Люсинда крикнула:

– Бу-у-у!

Принцесса даже не шевельнулась. Правда, и голос Люсинды прозвучал не слишком уж громко. В этой странной комнате все звуки гасли, едва родившись на свет. Девочка повторила попытку, и новое «Бу-у-у» отчетливо разнеслось по номеру. Принцесса неподвижно лежала на помосте. Последовала целая серия устрашающих звуков, которые были в силах разбудить всех постояльцев на этаже. Так как Принцесса и после этого не проснулась, Люсинда подошла ближе. Теперь все показалось ей еще более странным. Японская кукла, которую Люсинда назвала Нэнки-Пу, валялась на полу у помоста. Принцесса была в самом прекрасном платье из всех, которые Люсинда на ней видела. Оно переливалось пурпуром и золотом, а из складок, как раз посередине спины Принцессы, торчала украшенная драгоценными камнями рукоятка кинжала. Этот кинжал Люсинда раньше видела на стене. Она перевела взгляд туда, где он всегда висел среди другого оружия. Место кинжала пустовало. Интересно, мистер Исаак Гроуз знает об этом? Вдруг Люсинда поняла, что надо скорее, как можно скорее позвать кого-то на помощь!

Она повернулась и пошла к выходу. Дойдя до середины комнаты, она внезапно остановилась. Нет, она просто не может, чтобы Нэнки-Пу так и остался лежать на полу. Девочка

подняла куклу, бережно положила ее рядом с Принцессой и покинула двести седьмой номер так же тихо, как и проникла в него.

Стоило ей вновь попасть в гостиничный коридор, как она стремглав понеслась к лестничной клетке, оттуда наверх. Наконец она достигла дверей мистера Спиндлера и забарабанила что было силы. Больше всего ей сейчас хотелось кричать, но она чувствовала, что этого ни в коем случае делать не надо. Открыла ей миссис Спиндлер. Едва увидев Люсинду, она вздрогнула. Люсинда обхватила ее за талию и уволокла в номер.

За мистером Спиндлером немедленно было послано. Когда же он появился, Люсинда с удивлением обнаружила, что не может ничего ему рассказать. Она сидела на коленях у миссис Спиндлер и всхлипывала. Слезы все больше душили ее, и наконец она разревелась. Она не плакала так с тех пор, как была совсем маленькой девочкой. Постепенно плач снова сменился тихим всхлипыванием. Тогда мистер Спиндлер подсел поближе и, ласково глядя девочку по голове, ждал, пока она успокоится.

Еще немного спустя Люсинда смогла говорить. Когда она закончила свой рассказ, мистер Спиндлер попросил повторить все сначала и как можно медленней. Потом он принялся подробно расспрашивать, видела ли она кого-нибудь?

– Только старого Чарли у входа в гостиницу и еще каких-то совсем незнакомых людей в вестибюле, – уверенно

отвечала Люсинда. – Лифтер меня не видал, потому что я поднималась по лестнице, а не на лифте. А на втором этаже вообще никого не было.

Услыхав это, управляющий облегченно вздохнул, и девочка поняла, что он за нее беспокоится. Хотя при чем тут она? И почему мистер Спиндлер совсем не тревожится о Принцессе?

Словно прочтя ее мысли, мистер Спиндлер взял ее руки в свои и так крепко сжал, что она едва не закричала от боли.

– Слушай меня внимательно, – очень серьезно проговорил он. – В номере двести семь случилось что-то страшное, и нельзя, чтобы ты оказалась в этом замешана. Миссис Исаак Гроуз уже все равно ничем не поможешь. Если я отправлюсь туда сейчас, полиция непременно станет допытываться, от кого я узнал о несчастье. И тогда я просто вынужден буду сказать, что ко мне прибежала Люсинда Уаймен, которая побывала там до меня. А этого я никак не могу допустить. Ты меня понимаешь?

– Не очень, – честно призналась Люсинда.

– Тогда просто поверь мне на слово. Я желаю тебе только добра. Если бы я мог хоть чуть-чуть сомневаться... Но ты очень точно мне все описала. Миссис Гроуз явно убили. Побегим мы с тобой туда или нет, мы уже не вернем ее к жизни. А миссис Гроуз ни за что не захотела бы причинять тебе неприятности. Скоро служанка пойдет убирать постели. Она все увидит и, конечно же, прибежит ко мне. И тогда я сразу

же позвоню в полицию.

Мистер Спиндлер поднялся со стула, надел пальто и шляпу.

– Пошли, Люсинда. Если тебя будут что-нибудь спрашивать, скажешь, что зашла ко мне поговорить по поводу своего друга-итальянца. Кстати, думаю, я смогу взять его.

Но объяснять никому ничего не пришлось. Они спустились на лифте вниз и вышли к Бродвею. Только оказавшись на улице, мистер Спиндлер наконец удивился, почему Люсинда не в школе. Когда он спросил об этом, Люсинда честно во всем призналась.

– Тем более тебе сейчас нечего возвращаться одной в пансион, – тут же решил мистер Спиндлер. – Давай-ка вместе сообразим, к кому тебе сейчас лучше отправиться.

Люсинда сообразила быстро. Ей стоило только представить себе пухлую уютную миссис Гиллиган, которая в молодости наверняка была вылитая Джоанна, и ирландские лепешки, и сияющую чистотой кухню с цветами герани на столе...

– Я хочу отправиться к миссис Гиллиган, – уверенно заявила она. – И доехать мне туда будет просто. Мы с вами сейчас чуть-чуть подождем. Мистер Гиллиган обязательно проедет мимо на кэбе. Он и отвезет меня к миссис Гиллиган. Вы согласны чуть-чуть подождать, мистер Спиндлер?

Управляющий кивнул головой. Потом он принялся объяснять, что Люсинда никому не должна рассказывать о сего-

дняшнем происшествии в «Геднихаусе». Надо постараться забыть. Будто этого просто никогда не было.

– Вспоминай о Принцессе так, будто она навсегда вернулась к себе на родину, – посоветовал в заключение мистер Спиндлер. – Надеюсь, у тебя получится, Люсинда.

Как раз в этот момент перед ними остановился кэб мистера Гиллигана.

– Я попробую, мистер Спиндлер, – залезая в экипаж, пообещала девочка. – Я буду очень стараться.

Несмотря на протесты кэбмена, мистер Спиндлер щедро оплатил проезд Люсинды. Потом он объяснил, что девочка сегодня плохо вела себя в школе. Теперь ей очень одиноко и стыдно, и мистер Спиндлер хочет, чтобы Гиллиганы приглядели за ней до вечера.

Гиллиганы с радостью исполнили его просьбу. Добрая женщина возилась с девочкой, словно курица с единственным цыпленком. Под ее руководством Люсинда сделала ирландскую лепешку с изюмом. Мистер Гиллиган сказал, что такой вкусной лепешки еще никогда не пробовал. Потом он поехал куда-то на своем кэбе, а миссис Гиллиган усадила Люсинду к себе на колени. Еще миг – и они обе перенеслись в Ирландию. Они блуждали по графству Керри и графству Уиклоу, заглядывали в волшебные форты, к волшебным дудочникам, к феям и храбрецам. Люсинде стало так хорошо и спокойно, что она заснула прямо посреди одной из сказок. Разбудил ее голос мистера Гиллигана, который заехал, что-

бы отвезти гостью домой. Люсинда очень смутилась. Она не засыпала ни у кого на коленях с тех самых пор, как перестала быть маленькой девочкой.

По пути к пансиону Люсинда со страхом думала, что скажет ей мисс Питерс? Как же она удивилась, когда мисс Питерс вообще ничего не сказала. А лицо у нее не возмущенное, как в таких случаях было у гувернантки-француженки. И даже губы учительница не поджала, как мама. Будто Люсинда сегодня не вела себя так ужасно.

Оставшись одна, Люсинда склонилась над дневником. Писала она сегодня совсем недолго. Но никогда еще она с такой тщательностью не запирала конторку. Ключ от замка она повесила на шею и дала себе слово, что будет теперь носить его так день и ночь, пока не приедет мама.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

14 января 189... года

Жуткий, ужасный день! Когда я читала в «Тысяча и одной ночи», как Фатима всадила кинжал в Али-Бабу, мне почему-то совсем не было страшно. Но теперь я никогда не стану читать ни одной книги, где есть кинжалы! И в «Геднихаус» не хочу возвращаться! И в школу мисс Брекетт – тоже. Скорее бы началась весна. Тогда мне опять будет можно кататься на роликах, и я поеду куда-нибудь, где еще не была.

До свидания, Принцесса! До свидания, милая моя, дорогая Принцесса Саида! Я верю, ты теперь снова в башне, и твой Принц обязательно тебя там найдет!

РОЛИКОВЫЕ КОНЬКИ

Снег держался весь февраль и даже начало марта. Не успевали дворники очистить тротуары, как снова начинало мети. Каждый день Люсинда возила Тринкет на красных санках, и каждый вечер они вместе ужинали за маленьким столиком, на котором стояла кукольная посуда. Люсинда столько говорила Тринкет о прелестях весны и лета, набросала такие великолепные перспективы, что девочка просто не могла дождаться конца зимы.

– Представь себе, Тринкет, кусты японской айвы, – говорила Люсинда. – У нее цветы красные, как огонь. А лодки... Они скользят по пруду, прямо как лебеди. Мы с тобой обязательно на них покатаемся. А на ужин нам вместо слив будут давать ревеня и клубнику. И я наконец-то снова стану кататься на роликовых коньках!

Перед тем как отвести Тринкет домой, Люсинда пела. И так как обе они ждали лета, чаще всего в гостиную звучала песня о фермере и пчеле.

Жужжит пчела: «Жу-жу, жу-жу!»

Под солнцем фермер пашет.

Устав, садится на межу,

А пчелка рядом пляшет

Все лето напролет. «Жу-жу!»

Этот куплет Тринкет всегда пела хором с Люсиндой, и больше всего ей нравилось, что надо долго жужжать.

А зима все не кончалась и не кончалась. И вот однажды ночью, когда Люсинда очень долго не могла заснуть и ворочалась с боку на бок в постели, из открытой форточки вдруг подул ветер. Удивительный ветер! Он был полон весенних запахов. Никогда еще Люсинде не удавалось заметить весны, прежде чем она наступала. Девочка от волнения зашевелила пальцами ног. Будь у нее волшебная уздечка Беллерофонта, она сейчас бы неслась на Пегасе туда, откуда дует весенний ветер. Там она бы схватила весну и, зажав в руке, словно цветущую ветвь, воротилась в город. Впрочем, Люсинду не слишком расстраивало, что у нее нет ни коня, ни уздечки. Ведь она может завтра же надеть роликовые коньки. Да, да, она завтра обязательно понесется на них в школу. И теперь она скажет мисс Брекетт:

– Можете больше за меня не тревожиться, мэм. Потому что я снова катаюсь на роликах, всюду поют малиновки и жить мне совсем не трудно.

Наутро выяснилось, что весь снег за ночь стаял. Разумеется, роликовые коньки были немедленно извлечены из шкафа. Люсинде казалось, что с того злосчастливого утра, когда ее выгнали из школы, прошел целый год. И уж никак не меньше ста лет она не ездила в школу на роликах. Вот почему, распрощавшись в это первое весеннее утро с мисс Питерс,

Люсинда не просто покатила на роликах, а унеслась в какой-то совершенно особый мир. Она размахивала руками, и зимний капор из фетра все время съезжал у нее с головы, а ролики отбивали о мостовую какой-то захватывающий ритм. Этот ритм нельзя было упустить, и Люсинда принялась громко петь. На каждый квартал пути как раз приходилось по песне. Люсинда никого не замечала вокруг. Прохожие оборачивались, провожали ее изумленными взглядами, усмехались, а она летела все вперед и вперед.

Под солнцем на очень уютной кочке
Жила мама-жаба с жабенком в песочке.
Тревожилась мама о милом сыночке —
Моргать заставляла, сидя на кочке.

Этой песенки Люсинде хватило до самой Тридцать девятой улицы. А завернув за угол, она принялась услаждать уши случайных встречных историей о «Мудрой маме-муравьихе и двенадцати муравьишках».

Вдохновение не оставило Люсинду и в школе. Неправильные дроби в ее тетради исполняли испанский танец фанданго, исторические даты кувыркалились, как клоуны, строки из «Без семьи», которые нужно было перевести с французского, прыгали из стороны в сторону словно козы. На исходе учебного дня в класс вошла мисс Брекетт.

– Интересно, что это за молодой человек ожидает тебя внизу, Люсинда? – спросила она.

– Мне и самой интересно, – выпалила в ответ девочка, но директриса так на нее взглянула, что она поспешно добавила: – Я правда не знаю. Ни один молодой человек мне просто в голову не приходит. Если только Эдвард Макдоуэлл? Но я ему совсем не нужна.

– Тогда пойдем вместе вниз и посмотрим, – сказала мисс Брекетт.

Они спустились на первый этаж. Там сидел мистер Ночная Сова. Он пришел за Люсиндой, чтобы с ней вместе отправиться на цирковой парад Барнума и Бейли. Люсинда тут же стала его упрашивать, чтобы он взял с собою Тринкет.

– Вы только подумайте, мистер Ночная Сова! – с жаром говорила она. – Это, наверное, будет первый цирковой парад в ее жизни! Прямо как Рождество, когда у нее в этом году была первая елка!

Против столь сильного довода молодой человек не сумел устоять. Они вместе зашли за Тринкет, взяли ее и направились к Медисон-авеню. Взобравшись на высокий сугроб, который тут почему-то еще не стаял, девочки наблюдали за представлением. Некоторое время спустя у них очень устали ноги, и Тринкет сказала, что хочет сесть. Мистер Ночная Сова положил на сугроб газеты и усадил девочек.

Хотя устроители парада обошлись без слонов, верблюдов и прочих редких животных, вроде «настоящих священных коров из Индии», представление вышло отличное. Тут были платформы на колесах, где изображались самые лучшие

сказки – «Спящая красавица», «Красная Шапочка», «Али-Баба и сорок разбойников», «Золушка» и «Волшебная лампа Аладдина». Люсинда была в восторге. А Тринкет едва дышала от счастья. И мистер Ночная Сова весело смеялся. И они втроем старались хлопать как можно громче.

В субботу мистер Ночная Сова достал три билета для прессы в цирк на Медисон-сквер. Узнав об этом, Люсинда помчалась к Бродовски «одолжить на весь вечер Тринкет». Дверь открыла миссис Бродовски. Вид у нее был очень встревоженный.

– Тринкет простудилась, Люсинда, – тихо сказала она. – Я уложила ее в постель. Так что идите в цирк без нее.

Вместо Тринкет на субботнее представление отправился Тони Коппино.

– Может, так даже и лучше, – сказал Ночная Сова. – Вдруг Тринкет испугалась бы в этом цирке? Она же еще очень маленькая.

Перед цирком они зашли пообедать к Перселлу. Люсинде там давно нравилось. Главный официант Густав был ее старым знакомым, а из еды она предпочитала булочки с цукатами и изюмом.

– Мы сюда с мамой приходили, – объяснила Люсинда. – Это мне было вроде награды за долгие магазины, если я все-таки вела себя хорошо.

– Ну, сегодня мы обойдемся без магазинов, – улыбнулся Ночная Сова.

Они уселись на высокие табуретки, стоявшие вдоль прилавка овальной формы. Несмотря на то что Люсинда довольно долго сюда не приходила, Густав сразу ее узнал. Он осведомился о здоровье ее «уважаемой матушки», а Люсинда, спросив, каковы сегодня булки с цукатами и изюмом, весьма подробно посвятила мистера Густава в обстоятельства жизни своей семьи, а мистер Густав заверил ее, что булочки так же хороши, как всегда. Тогда Люсинда заказала булочку, пирожок с курицей и чашку горячего шоколада со взбитыми сливками.

– Это мой обычный набор, – с видом завсегдатая проговорила она. – По-моему, нет ничего вкуснее. Конечно, от мороженого я бы тоже не отказалась, но булочка с цукатами и изюмом такая сытная! Она переполняет мой организм до краев!

Тони заказал то же самое, что Люсинда, и тщательно копировал во время еды каждое ее движение. После обеда все трое крепко взялись за руки и зашагали к Медисон-сквер. Люсинда несколько раз спотыкалась и непременно упала бы, если бы с одной стороны ее не удерживал Тони, а с другой – мистер Ночная Сова. А спотыкалась она потому, что шла, задрав голову вверх. Да и как она могла идти по-другому, когда прямо перед ней на Медисон-сквер красовалась великолепная новая башня! Вершину ее увенчивала статуя Дианы-охотницы. Прекрасная Диана, стоя на цыпочках, натягивала тетиву лука. Казалось, еще миг – и над городом взлетит

сияющая стрела.

– По-моему, я просто обожаю эту Диану, – выдохнула Люсинда и снова споткнулась. – Она как будто защищает наш город. Хорошо бы она всегда тут стояла!

В цирке пахло свежими опилками, животными, горячим арахисом и воздушной кукурузой. Ночная Сова сказал, что этот запах с детства составляет для него добрую половину очарования от походов в цирк. Обдумав его слова, Люсинда и Тони серьезно кивнули. В их жизни запах цирка тоже играл важную роль.

Когда они искали места, к ним подошел мужчина в цилиндре.

– Места для прессы? – почтительно осведомился он. – Ваше имя, сэр?

– Хью Маршалл, – отозвался мистер Ночная Сова.

– А газета какая? – последовал новый вопрос человека в цилиндре.

– «Нью-Йорк Сан».

– А как зовут эту юную леди?

– Это моя юная леди Люсинда, – улыбнулся Ночная Сова.

– Ну, тогда я вам, пожалуй, скажу, – решил мужчина в цилиндре. – Нам надо кого-нибудь посадить верхом на слона Джумбо. Вы, наверное, знаете, сэр. В паланкине. Не соизволили бы вы прокатиться?

Люсинда крепко сжала руку Ночной Совы. Не успел молодой человек рта раскрыть, как она выпалила:

– Большое спасибо! Только можно мы все втроем?

– Почему бы и нет, – без колебаний ответил мужчина. – Вот этот проход выведет вас напрямиком в костюмерную. Скажете, что согласны ехать на Джумбо. Вам дадут накидки и тюрбаны для создания атмосферы восточного великолепия.

– Ура! Восточные великолепия! – вне себя от радости закричала Люсинда. – Пошли, Тони! Идемте скорее, мистер Ночная Сова!

И, волоча за собою друзей, Люсинда устремилась вперед по проходу. Позже молодой журналист уверял, что, если бы не она, ни за какие деньги не согласился бы на такое.

В костюмерной Люсинде выдали шаровары из красного атласа, которые нужно было натянуть прямо поверх одежды, золотую тунику и красный тюрбан с золотым полумесяцем. Водрузив это все на себя, она с тревогой окинула взглядом друзей и спросила:

– Ну как? Получается у меня восточное великолепие? А за леди из гарема меня можно принять, когда они едут на слоне убить ягуара или кого-то еще?

Годы спустя, читая Киплинга, Люсинда поневоле связывала картины восточной роскоши с этими нарядами из цирковой костюмерной. И тогда поездка на Джумбо воскресала у нее в памяти.

Тони надел желтую мантию и желтый тюрбан. А мистеру Ночной Совы достался костюм голубого цвета. Пока Джумбо степенно шел по проходу, Люсинда задержала дыхание и

не дышала так долго, словно ей этого вовсе не требовалось. Слон показался ей прекрасным. Она не сомневалась, что такого слона больше не найдешь в целом свете.

На спине Джумбо покачивался золотой паланкин. Огромные ноги слона были украшены красно-золотыми манжетами. Обширная бархатная попона с золотыми кистями свешивалась до середины ног. А в руках у погонщика, который сидел у слона на шее, сиял позолоченный жезл.

– По-моему, на таком слоне имеет право кататься только сама Диана-охотница, – тихо проговорила Люсинда. – Для нас он слишком прекрасен.

Тут к боку слона приставили лестницу, и Люсинда, забыв о своих сомнениях, первой вскарабкалась на спину Джумбо. Следом поднялся Тони. Последним – Ночная Сова. В паланкине они крепко сцепили руки, и погонщик направил слона на арену. Всадники на черных лошадях уже были там. Стоило показаться Джумбо, как всадники задули в длинные трубы. Зазвучали фанфары. Их подхватили музыканты в красно-золотых мундирах, и оркестр грянул такой дивный марш, какого, по мнению Люсинды, никогда не слышали даже роскошные леди из гарема в «Тысяча и одной ночи».

Паланкин раскачивался, как корабль в штормящем море. «Хорошо, что у меня нету морской болезни, – отметила про себя Люсинда, – иначе я могла бы испортить всем праздник и сама не получила бы удовольствия». И еще ее не покидало ощущение, что они едут очень высоко над ареной. Казалось,

вытяни руку – и коснешься Луны. До конца парада никто из троих не произнес ни слова. Джумбо шествовал во главе процессии. За ним следовали артисты, изображавшие арабов и египтян, жирафы, обезьяны верхом на пони, всадники на лошадях без седел, клоуны, клетки со львами и, наконец, заклинатели змей. Люсинда чувствовала себя чуть ли не полководцем этого великолепного войска. Она раскланивалась в ответ на аплодисменты публики, а когда видела детей, махала веером из перьев, который вручили ей в костюмерной.

За ареной к Джумбо снова приставили лестницу. Спустившись, Люсинда скормила слону целый пакетик арахиса. После этого они с благодарностями вернули костюмерам «изыски Востока» и отправились на свои места. Усевшись, Люсинда очень серьезно сказала:

– Мистер Ночная Сова! Когда у меня будут дети и мы с их отцом приведем их первый раз в цирк, я обязательно расскажу им о сегодняшнем вечере. Они мне, скорее всего, не поверят, но это не важно.

После представления Ночная Сова, Люсинда и Тони навестили животных, полюбовались на карликов и поболтали с клоуном Томом Тамбом. Когда они вышли на улицу, фонарщики зажигали огни, и вскоре весь город стал походить на светящуюся шахматную доску.

– Воображаю, как потрясающе выглядит Диана-охотница при свете фонарей, – мечтательно проговорила Люсинда. – Вы, наверное, очень хотели бы стоять, как она, правда ведь,

мистер Ночная Сова?

– Да, в общем-то, нет, – в изумлении отозвался молодой человек. – Ночью, в Нью-Йорке на такой высоте... Тут и по земле-то нелегко ходить. А потом, ты разве забыла? Я ведь ночной репортер. Как бы я писал о пожарах и ночных преступлениях, если бы все время стоял на вершине башни?

– Да, – серьезно подтвердила девочка. – Конечно, видно вам с высоты было бы очень хорошо, а вот ходить трудно-ва-то.

Не проходило дня, чтобы Люсинда, постучавшись к Бродовски, не осведомилась о здоровье Тринкет. И каждый раз миссис Бродовски закрывала собой дверной проем. Или мистер Бродовски выскакивал на лестничную площадку и, плотно затворив за собою дверь, передавал Люсинде устные послания от Тринкет. И каждый день мама и папа Тринкет отвечали Люсинде одно и то же:

– Не волнуйся. Она просто слегка простудилась. Но мы еще хотим подержать ее немного в постели.

– А доктор к вам приходил? – спросила однажды Люсинда.

– Она не настолько больна, чтобы вызывать доктора, – немного рассеянно отозвалась миссис Бродовски.

– Я бы все-таки вызвала, – настаивала Люсинда.

Она верила докторам, а в особенности, доктору Хичкоку. Он был такой хороший и добрый, и всегда ото всего вылечивал. Лишь одна сторона деятельности доктора Хичкока оста-

валась для Люсинды тайной. Она и не подозревала, что врачам за визиты надо платить.

В четверг вечером Люсинда вновь поднялась этажом выше. Ей открыл папа Тринкет. Волосы его торчали в разные стороны, словно он долгое время старательно растрепывал их. И лицо у него сегодня было совсем не мужественным. Он растерянно поглядел на девочку.

– Тринкет не лучше, Люсинда. Но в твоём обществе могут, по-моему, пройти все болезни. Если бы ты зашла к ней ненадолго...

Люсинда, конечно, зашла. Она уселась на край большой кровати совсем рядом с кроваткой Тринкет и стала рассказывать, как они были в цирке. Люсинда изображала клоуна, а Тринкет хрипло смеялась.

– Она и на больную-то совсем не похожа, – уверенно заявила Люсинда. – Никогда еще у нее не было таких румяных щек, и глаза так никогда не блестели. Может быть, вы разрешите мне одолжить ее сегодня на ужин? Можете даже не переодевать. Пусть у меня она тоже лежит в постели.

Мама и папа Тринкет переглянулись.

– Почему бы и нет, – сказал мистер Бродовски.

А миссис Бродовски добавила:

– Может, хоть ты сумеешь ее накормить. За эти дни она съела не больше, чем канарейка.

– Тогда подождите минутку, – ринулась к двери Люсинда. – Надо разложить все для Тринкет. Ведь кровать у меня

складная.

К тому времени, как мистер Бродовски принес на руках Тринкет, у Люсинды все было готово. Скоро домой вернулась мисс Нетти. Они вместе с Люсиндой перетащили к складной кровати маленький столик из комнаты для работы и накрыли его. А пока мисс Нетти готовила гренки, какао и нарезала толстыми ломтями бисквитный торт, Люсинда снова принялась рассказывать Тринкет о цирке.

Во время ужина Люсинда села на постель рядом с Тринкет, и та хоть неохотно, но поела. Вдруг Люсинде пришло в голову попытать счастья в игре. «Слон Джумбо проголодался, – говорила она. – Если ты не съешь за него этот кусочек гренка, он совсем зачахнет». Тринкет, разумеется, было жаль Джумбо, и она съела гренок. «А вот обезьяна, – ободренная успехом, продолжала Люсинда. – Она так забавно трещит и прыгает! Ты обязательно должна выпить для нее немного какао!» Потом в ход пошел жираф, потом – лошади, потом – клоуны и даже оркестранты и под конец – сами владельцы цирка мистер Барнум и мистер Бейли. Два достойных джентльмена заявили устами Люсинды, что просто не выживут, если маленькая Тринкет сейчас же не съест за них бисквитного торта и парочку слив. К концу вечера Люсинде было чем похвалиться. Когда она перечисляла мистеру Бродовски, сколько Тринкет съела кусочков разной еды и сколько выпила кукольных чашек какао, тот только диву давался.

На другой день Люсинда покатила на роликах в гости к

Коппино. У нее было для них очень важное сообщение. Мама и папа писали, что возвращаются из Италии на пароходе в июне и привезут много подарков. Узнав об этом, Люсинда подумала, что родители с радостью захватят что-нибудь и для Коппино. Теперь ей надо было выяснить, какой подарок хотел бы каждый получить из Италии.

В квартиру Коппино Люсинда не заходила довольно давно. Как же она удивилась, когда нашла в корзине на кухне «еще одно совсем новое бамбино». Ребенок был крепко спеленут и походил на только что испеченный батон итальянского хлеба.

– Вот это да! – всплеснула руками Люсинда. – Где же вы взяли это бамбино? Аист принес или в капусте нашли?

Эта речь была слишком длинна для скромных познаний миссис Коппино в английском, и она не поняла смысла. Тони прекрасно понял, но так как имел о новорожденных куда более фундаментальные представления, чем Люсинда, предпочел сделать вид, что засмотрелся в окно и глубоко погружен в свои мысли.

– А зовут его как? – задала новый вопрос Люсинда.

Тони немедленно отвернулся от окна и перевел вопрос матери.

– Чезаре, – отвечала миссис Коппино.

– Чезаре, – задумалась девочка. – А-а, Цезарь! – мгновение спустя закричала она. – Гай Юлий Цезарь! Мы будем проходить его только на будущий год, а вы уже сейчас назва-

ли в его честь это совершенно новое бамбино. Наверное, вы хотите, чтобы оно когда-нибудь выросло и тоже разделило Галлию на три части?

На этот раз никто из семейства Коппино не понял смысла. Побыв еще немного в гостях, Люсинда пришла к кое-каким выводам, которые изложила на следующий день мистериу Спидлеру. Она специально поехала для этого в «Геднихаус».

– Прошу вас как можно скорее подумать о Тони, – убеждала она управляющего. – В квартире для него просто нет никакого места. Я вообще не понимаю, как они могут там жить? По-моему, они скоро будут укладывать своих новых бамбино в ящики с апельсинами. А Тони подвешат, как гроздь бананов, под потолком.

– Я очень серьезно подумаю, – пообещал управляющий.

После этого Люсинда сразу уехала. Она не приезжала в гостиницу с тех самых пор, как навсегда попрощалась с Принцессой в своем дневнике. Но даже сейчас у нее просто не хватило бы смелости подняться наверх.

В субботу ролики были оставлены дома, и Люсинда пошла на своих двоих к тете Эмили. Она сразу же поднялась в библиотеку. Прошлую субботу они с дядей Эрлом из-за Люсиндиного похода в цирк пропустили. Сегодня им предстояло дочитать «Как вам это понравится». Люсинде жаль было расставаться с ее героями. Но ведь как только пьеса закончится, они начнут что-то другое. Интересно, что из Шекспи-

ра на этот раз выберет дядя Эрл?

Дочитав и поставив томик на полку, дядя довольно долго стоял в задумчивости. Наконец он выхватил со стеллажа новый том, полистал его и, заложив страницу пальцем, снова уселся в кресло.

– Пока мы читали с тобой у Шекспира только сказки или комедии, – медленно проговорил он и с таким любопытством взглянул на Люсинду, словно она была самой захватывающей пьесой из всех. – Не попробовать ли нам теперь трагедии? Как тебе кажется, ты достаточно до них доросла?

– А что, эти трагедии другие, чем комедии или сказки? – спросила племянница.

Дядя Эрл принялся объяснять разницу. В комедиях, говорил он, много смешного и всегда счастливый конец. А трагедии кончаются катастрофами и смертями. Там часты конфликты между персонажами. Герои совершают ошибки, за которые потом расплачиваются до конца жизни. Тут дядя Эрл наклонился поближе к племяннице и добавил:

– Понимаешь, Люсинда, в настоящей трагедии все события неотвратимы. Когда читаешь великих греков или Шекспира, просто не сомневаешься, что иначе быть не могло. Там все подчинено законам гармонии и красоты. Без них трагедия просто теряет смысл.

– Неотвратимо... – с удовольствием произнесла Люсинда. – Какое отличное новое слово!

– Ты хочешь знать, что оно означает? – подхватил дядя

Эрл. -Один из героев этой пьесы, – постучал он пальцами по томику Шекспира, который держал в руках, – очень хорошо объяснил его смысл: «Чему быть, того не миновать, уж это вы мне поверьте!»

– Вроде я поняла, – кивнула девочка.

– Могу и по-другому тебе объяснить, Снуди, – решил дядя внести полную ясность. – Представь себе, что перед тобой несколько цифр, которые в сумме составляют тринадцать. Сколько ни переставляй их местами, ответ все равно не изменится. То же происходит и в настоящей трагедии. Все события неизбежно приводят героев к гибели.

– Ну, теперь совсем ясно, – уверенно проговорила Люсинда. – А как называется трагедия, которую мы будем читать?

– «Ромео и Джульетта». Вот, слушай.

И дядя Эрл прочитал Люсинде знаменитый пролог.

Он уже давно закрыл книгу, а Люсинда все повторяла и повторяла про себя слова о влюбленных, которых благословляют звезды. Она снова подумала о своей бедной Принцессе. Может, и у нее все цифры сложились в тринадцать? Тогда это тоже трагедия. Только вот как тут быть с красотой? Хотя... Люсинда начала вспоминать. Пурпурно-золотое платье, в котором лежала Принцесса, было просто прекрасно. И рукоятка кинжала красиво переливалась под светом ламп. Кинжал тоже был очень красивый, пока висел на стене. В чувствах Принцессы Люсинда и вовсе не сомневалась. Они наверняка чисты и возвышенны. В особенности теперь, ко-

гда она навсегда избавилась от мистера Исаака Гроуза...

Люсинда настолько была погружена в размышления, что Кэти трижды пришлось звать ее к ужину. Пока она спускалась по лестнице, очарование старой Вероны преследовало ее. И вдруг она поняла. Ведь Верона не выдумана, как остров Просперо из «Бури». Верона – в Италии, где сейчас ее папа с мамой. Они могут поехать в Верону. И сама она, когда вырастет, обязательно съездит туда.

Ужин с газелями на этот раз прошел довольно приятно. Тетя Эмили спешила в какие-то гости, и за столом вместе с ними сидеть не могла. Гувернантка тоже была занята. Она помогала тете Эмили одеваться. Пятеро девочек получили возможность ужинать так, как им хочется. А вскоре Агата с Сибиллой тоже ушли. Им было скучно с младшими сестрами, и они предпочли подняться наверх в свои комнаты.

Оставшись в обществе Фрэнсис и Вирджинии, Люсинда почувствовала себя совсем хорошо. Сперва они просто болтали. И вдруг Люсинда подумала, что может принести какую-то пользу этим несчастным девочкам. Роликовые коньки наверняка заставят их по-другому относиться к жизни. А вечер без мамашиных поучений еще больше пойдет им на пользу.

– Сходим все вместе в театр Проктора? – предложила она. – Но только втроем, без старших.

– В театр Проктора? – дрожащими голосами переспросили сестры. Предложи им Люсинда экскурсию в преиспод-

нюю, их лица не больше бы исказились от ужаса.

Люсинда ничуть не удивилась. Она сама несколько раз слышала, как тетя Эмили твердила на все лады, что театр Проктора «вульгарный и низкопробный». Однако Люсинда куда больше доверяла мистеру и миссис Соломон, которые были о театре Проктора совершенно иного мнения. А Эледа совсем недавно там посмотрела спектакль «Английская роза» и осталась в полном восторге.

– А чего тут такого? – начала уговаривать Люсинда кузин. – Сходим, и все. Билет на галерку у Проктора стоит только двадцать пять центов.

– Вообще-то у нас есть карманные деньги, – растерянно отвечала Вирджиния. – Но каждый раз, как мы захотим их потратить, надо посоветоваться с гувернанткой и с мамой. Они никогда не позволят, чтобы мы пошли к Проктору.

– Тогда вы можете что-нибудь заложить, – вспомнила внезапно Люсинда.

Однажды Тони Коппино показал ей на углу Восьмой авеню ломбард с тремя золотистыми шарами на вывеске. «Когда у человека совсем нет денег, он может отнести сюда какую-нибудь ценную вещь, – принялся объяснять мальчик, – и получить под залог денег до определенного дня. Если человек вернет деньги вовремя, его вещь вернется к нему. А если не отдаст, вещь заберет ломбард».

– Но мы даже не знаем, что это такое, – с тревогой признались газели. В самом слове «заложить» для них таилась

какая-то скрытая опасность.

Люсинда повторила им то, что рассказывал Тони.

– Мы могли бы пойти к Проктору в день Святого Патрика, – продолжала она. – А после спектакля я отвела бы вас ужинать к мисс Питерс и мисс Нетти. Но это только в том случае, если получится с театром. Иначе затевать ужин нет смысла. Придумали, что сможете заложить?

Предложение Люсинды показалось газелям таким заманчивым, что они начали думать. Единственной безопасной вещью из всех оказались детские книги с картинками. Фрэнсис с Вирджинией из них давно выросли. Если бы Люсинда могла...

Люсинда могла. Взяв с собой шесть книжек, она по дороге домой зашла к Тони и попросила отнести их в ломбард. У мальчика эта просьба восторга не вызвала. Однако, узнав, в чем дело, он согласился. До Святого Патрика оставался всего один день, и времени на раздумья попросту не было.

Тони удалось выручить за книжки газелей целых семьдесят пять центов. Узнав об этом, Люсинда немедленно приняла решение.

– Эти книги все равно никто никогда выкупать не будет, – сказала она. – Значит, пятьдесят центов мы отдадим газелям, а на оставшиеся двадцать пять ты. Тони, купишь себе билет и посмотришь спектакль с нами вместе.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

17 марта 189... года

Удалось! Мы ходили туда. Только не втроем, а вчетвером, вместе с Тони Коппино. Так даже лучше. Тетя Эмили ничего не знает. Вернее, пока не знает. Спектакль у Проктора произвел на нас абсолютно потрясающее впечатление. И совсем ничего вульгарного! И «ни одного нудного места», – так говорит дядя Эрл, когда представление ему нравится. Они устроили такие шикарные скачки на лошадях! Только у них все делалось наоборот. Лошади были деревянные и стояли на месте, а декорации двигались. Но когда смотришь со сцены, кажется, что все скачут.

Там кто-то кого-то убил около места, которое называлось Дьявольский мост. Все джентльмены в спектакле разговаривали так же учтиво, как дядя Эрл, а у женщин манеры были не хуже, чем у тети Эмили. А на главного злодея публика все время свистела. Оказывается, это полагается делать сквозь зубы. Тони нас быстренько научил, и мы стали свистеть со всеми вместе.

После театра Фрэнсис и Вирджиния пошли ко мне

ужинать, и Тони – тоже. Газелям он жутко понравился. Они так жалели, что никак не смогут позвать его к себе в гости! На ужин было куриное пюре, английские булочки, мороженое и маленькие кексы с глазурью.

Если Фрэнсис и Вирджиния не проболтаются старшим газелям, все будет спокойно. А если проболтаются, Сибилла с Агатой тут же накапают мамочке. Мне кажется, «накапают» – это все-таки вульгарное выражение. В спектакле у Проктора часто так говорили. «Накапать» – это значит «пожаловаться».

Ох, чуть не забыла записать! Кто-то за городом у реки строит гробницу для генерала Гранта, и все должны пожертвовать деньги на это. Мне обо всем рассказал папин друг Сет Миллиган, и я ему дала для генерала Гранта пять центов. Тринкет еще не очень хорошо себя чувствует.

ЧАЙКА ЛЕТИТ К МОРЮ

На следующее утро Люсинда поднялась узнать, как чувствует себя Тринкет. Дверь открыла миссис Бродовски.

– Тринкет совсем плохо, – тихо проговорила она.

– Но теперь-то вы врача вызвали? – осведомилась Люсинда.

– Нет, – покачала головой миссис Бродовски.

– А будете вызывать?

– Не знаю, – почему-то отвела глаза женщина.

По дороге в школу Люсинде преградил путь мистер М'Гонегал, полицейский.

– Тебя случайно не надо опять посадить в тюрьму? – улыбнулся он.

– Нет, мистер М'Гонегал, – грустно отвечала Люсинда. – Но лучше у меня сегодня были бы неприятности. Вот что бы вы сделали, мистер М'Гонегал, если бы у вас была самая дорогая подруга, которая ростом чуть выше стула, и она бы целую неделю и даже больше болела, а ее папа и мама так и не вызвали доктора? Что бы вы сделали в этом случае, мистер М'Гонегал?

Полицейский снял шлем и потер ладонью затылок.

– Ну, наверное, если бы у меня был маленький друг и с ним бы такое стряслось, я в первую очередь вызвал бы доктора сам.

– Мистер М'Гонегал, а докторам случайно не надо платить? – вдруг осенило Люсинду.

– Конечно, надо, – ответил полицейский.

– Ну, тогда все понятно. Они же бедные и ужасно честные! Они ни за что не позовут доктора, если не могут ему заплатить.

– И что же ты предлагаешь? – чувствуя, что у Люсинды есть какой-то план действий, спросил мистер М'Гонегал.

– Знаете, у нас просто замечательный врач. Он вылечил всех, кто живет в нашем доме, а это никак не меньше десяти человек. И я никогда не видала, чтобы папа ему платил. Может, он это делает потихоньку? Вот я и думаю: если он только узнает все про Бродовских, то пойдет к ним даже без всяких денег.

– Тебе и правда надо поговорить с ним, Люсинда, – одобрил мистер М'Гонегал, – а пойдет он к твоим друзьям или нет, это уж ему самому решать.

Едва дотерпев до конца уроков, Люсинда поспешила к доктору Хичкоку. Он жил в одном квартале с тетей Элен Дуглас. Когда Люсинда вошла, мистер Хичкок обедал.

– Ну-ка, садись вон в то кресло напротив, – велел он девочке. – Сейчас мы будем есть вместе бараньи котлеты с печеной картошкой.

Пока они ели, доктор внимательно оглядел ее.

– Наверняка ни дня не болела с тех пор, как родители уехали за границу?

– Ни одного, – подтвердила девочка.

– Если бы все родители девяти или десятилетних детей надолго оставляли своих чад в одиночестве, я бы вконец обнищал! – засмеялся доктор.

– Но я ведь пришла совсем по другому поводу, – взялась за дело Люсинда. – Вы такой добрый, доктор Хичкок! Наверное, вы самый добрый на свете. И дядя Эрл тоже всегда так про вас говорит.

Доктор жевал в это время баранью котлету и был просто не в состоянии ничего ответить.

– Вы понимаете, – тем временем продолжала Люсинда, – на третьем этаже дома, где я живу сейчас на втором этаже с мисс Питерс и мисс Нетти, есть маленькая девочка. Это совсем особая девочка, и она сейчас очень сильно болеет. А родители у нее такие бедные... Но они не всегда будут бедными, потому что он, то есть папа Тринкет, когда-нибудь станет очень известным. А пока у них нет никакого своего доктора. Наверное, это потому, что они не могут ему платить. О, мистер, Хичкок, если бы вы хоть раз в жизни увидели Тринкет, вы бы забеспокоились о ней не меньше меня. Вот и все. Не очень-то складно я вам объяснила.

Положив нож и вилку на стол, доктор Хичкок легонько подергал себя за бороду.

– Просто удивляюсь, Люсинда, откуда ты столько узнала об этих людях? Наверное, твоей маме не очень понравится, что ты общаешься с кем попало. Вдруг они больны чем-то

заразным?

– Нет, что вы! Это совсем не заразно. И потом, они ведь не «кто попало», а мои самые большие друзья.

– Я мог бы пойти с тобой сию же минуту. Но все не так просто, как тебе кажется. Представь себе, я приду, пропишу твоей Тринкет какое-нибудь лекарство, а ей станет хуже.

– Не станет! Не станет ей хуже! Никому из ваших больных никогда в жизни не становилось хуже!

– Блажен, кто верует, – невесело усмехнувшись в бороду, пробормотал доктор Хичкок. – Всех я не могу спасти. Запомни это, Люсинда.

– Не буду я этого помнить! – решительно заявила девочка. – Я лучше вспомню, как мы втроем заболели дифтерией! И вы, и мама, и сиделка Мэри О'Брайан так хорошо нас лечили, что мы не умерли, а поправились.

– На все воля Божья, Люсинда.

– А мама сказала, мы должны быть вам благодарны, что выжили. Ну, пожалуйста, доктор Хичкок! Должен же кто-нибудь вылечить Тринкет! И, по-моему, нам с вами нельзя больше медлить.

Доктор снова схватился за бороду, и вид у него при этом был точно такой же, как у мистера М'Гонегала, полицейского, когда тот старательно чесал затылок. Дело в том, что осталось еще препятствие. Врачебная этика не позволяла докторам, завоевавшим себе репутацию, отпраиваться к больному без вызова. Но разве можно было объяснить такое Лю-

синде?

А она не сводила глаз с доктора. Ей вдруг показалось, что она все поняла. Просто чем старше становится человек, тем труднее ему что-то решать. Если это действительно так, тут же подумала девочка, она хотела бы навсегда остаться десятилетней. Расправившись с остатком бараньей котлеты, она тут же потеряла всяческий интерес к печеной картошке, которая так и остыла нетронутой на тарелке.

– А что будет с Тринкет, если вы совсем не придете? Вы об этом подумали, мистер Хичкок? – спросила она.

– Сдаюсь! – развел доктор руками. – Когда мне прийти?

– Прямо сейчас.

Люсинда взяла доктора за руку и потащила на улицу. Боясь, как бы он случайно не передумал, девочка по дороге не закрывала рта. Перекинутые через плечо ролики позвякивали в такт шагам, а Люсинда рассказывала все новые и новые подробности из жизни Бродовски. К тому времени, как они поравнялись с пансионом мисс Люси, доктор был посвящен во все, что было известно самой Люсинде.

– Ну вот, – открывая подъезд, проговорила она, – теперь вам, наверное, кажется, будто вы сами дружите с Бродовски.

Они зашли в квартиру мисс Питерс. Доктор остался в гостиной, а Люсинду отправил предупредить Бродовски. Уже выходя на лестничную площадку, девочка обернулась. Лицо ее просто сияло от радости.

– Спорим, доктор Хичкок, что Тринкет уже завтра станет

получше? – спросила она. – Можно даже на деньги поспорить. Я целых две недели свои карманные расходы копила.

Выпалив это, она взлетела на третий этаж и принялась колотить изо всех сил в дверь Бродовски. Она уже все обдумала. Сначала надо подробно расспросить о здоровье Тринкет, а потом неожиданно сообщить про доктора.

– Ну, как там сегодня Тринкет? – весело осведомилась она, когда мистер Бродовски приоткрыл дверь.

Тот ничего не ответил. Лишь скорбно качал головой и разводил руками. Похоже, он вообще сейчас не мог говорить. Поняв, что с Тринкет совсем плохо, Люсинда выпалила:

– Я привела там внизу доктора! Это наш семейный мистер Хичкок! Он самый лучший во всем Нью-Йорке. Только не отказывайтесь, пожалуйста! Меня он вылечивает от каждой болезни! Умоляю, разрешите ему полечить вашу Тринкет!

– Я сдаюсь, – сдавленным голосом произнес мистер Бродовски.

Люсинда ушам своим не поверила. Ведь те же слова она совсем недавно услышала от доктора Хичкока. Но размышлять над этим сейчас просто не было времени, и она опрометью кинулась вниз.

Вместе с доктором они вошли в маленькую нищую комнату. Мистер Хичкок подошел к кровати Тринкет, миссис Бродовски помогала ему, а мистер Бродовски с Люсиндой остались стоять у двери. Вдруг Люсинда повела себя так, словно рядом стоял дядя Эрл. Она крепко обвила папу Трин-

кет за талию и прижалась головой к его животу. Мистер Бродовски положил руку ей на голову и легонько провел по ее коротким волосам. Люсинда немедленно вспомнила первый свой разговор с Бродовски. Какими ослепительно золотистыми показались ей тогда в полутьме лестничной клетки волосы Тринкет! И как она была счастлива, когда мистер Бродовски похвалил ее собственные черные волосы! Люсинда посмотрела в глаза папе Тринкет и ободряюще улыбнулась. Мистер Бродовски едва заметно улыбнулся в ответ.

Остаток дня (впрочем, от дня уже почти ничего не осталось) Люсинда запомнила очень смутно. Сначала вроде бы зашел разговор о ванне и горячей воде. На третьем этаже ни того ни другого не оказалось. Поэтому Тринкет перенесли вниз и положили в кровать Люсинды. Оказавшись снова в квартире мисс Питерс, доктор Хичкок снял пиджак, жилетку, галстук, расстегнул ворот рубашки и закатал рукава.

– Вы как будто к битве готовитесь, – сказала Люсинда.

– Да, милая, – кивнул головой тот, – и, признаюсь тебе, враг очень силен.

Потом мистер Бродовски о чем-то спросил доктора. Тот ответил. Лица у обоих мужчин словно окаменели, и каждый занялся своим делом.

Доктор то и дело бегал за чайниками с кипятком, которые стояли в комнате для работы, смачивал горячей водой простыни, отжимал и заворачивал в них Тринкет. Люсинда подумала, что, наверное, терпеть такое не очень приятно. Во

всяком случае, сама она явно не смогла бы вынести это так же невозмутимо, как Тринкет. Глаза ее были закрыты, и она казалась совершенно спокойной. Только вот дышала хрипло и тяжело.

Люсинде разрешили давать Тринкет лекарства. Каждые полчаса она приближалась к кровати со стаканом и, пропихнув ложку больной между губ, говорила:

– Ты должна это выпить за прекрасного жирафа из цирка.

Тринкет послушно пила лекарство. Вскоре Люсинда так наловчилась, что даже не проливала ни капли.

Возвратившись с работы, сестры Питерс занялись чайниками и простынями. Доктор Хичкок оделся и сказал, что вернется тотчас же после ужина. Возвратился он и впрямь очень быстро и больше не уходил.

Люсинду положили на маленьком диване в гостиной. Раздеваться она не стала, просто свернулась под одеялом, однако заснуть никак не могла. Заметив через некоторое время, что Люсинда не спит, мисс Питерс сказала:

– Спускайся к мисс Люси. Она тебя уложит в своей квартире.

И тут Люсинда не выдержала:

– Нет! – истошно закричала она. – Не пойду! Не пойду!

– Пусть останется, – пришел ей на помощь доктор Хичкок, – так будет лучше, мисс Питерс.

Мисс Питерс покорилась. Люсинда лежала, поджав ноги под одеялом. Глаза ее были открыты, но она все видела как

во сне. Люди вокруг суетились, сновали туда-сюда, шептались что-то совсем неразборчивое друг другу. Кто-то положил подушки и одеяло на полу, рядом с ее диваном. Сперва на них прилегла мама Тринкет, затем – папа. Но доктор Хичкок не ложился ни разу.

Никогда еще у Люсинды не было такой длинной ночи. Казалось, с тех пор как ее уложили на этот диван, прошло часов сто, а сон все еще не шел к ней и утро не наступало. Наконец она почувствовала, что так больше не может. Она встала и подошла узнать, не стало ли Тринкет лучше? Доктор Хичкок мрачно покачал головой. Люсинда снова легла. Некоторое время спустя она провалилась в сон, но, казалось, только затем, чтобы через четверть часа голова ее скатилась с подушки. Люсинда вновь открыла глаза, а потом снова заснула, и на этот раз достаточно крепко. Доктору пришлось изрядно потрясти ее за плечо, прежде чем она вернулась к действительности.

– Что? – спросила она мистера Хичкока, который склонился над ней.

– Девочка говорит, что ты ей очень нужна.

Люсинда попыталась подняться, но ноги спросонья ее не слушались. Доктор Хичкок обнял ее и помог дойти до кровати. Там Люсинда опустилась на колени, а голову положила на подушку совсем рядом с Тринкет.

– Ну, маленькая, что сделать Люсинде? – тихо спросила она.

Тринкет улыбнулась, открыла глаза и прошептала:

– Про лягушонка.

– Она меня просит спеть, – в замешательстве взглянула Люсинда на доктора. – Как вы думаете, это не повредит ей?

Мистер Хичкок с силой дернул себя за бороду.

– Пой, – одними губами ответил он и отвернулся к окну.

Люсинда начала совсем тихо. А потом ей вдруг показалось, будто они с Тринкет вновь сидят на качалке в гостиной, и песня зазвучала столь же громко и весело, как всегда. На мгновение Люсинда вроде даже услышала смех девочки. Она посмотрела на Тринкет. Та ответила ей внимательным взглядом, потом закрыла глаза, открыла и снова закрыла.

– Видите, как она хорошо засыпает, – поделилась Люсинда с миссис Бродовски и запела последний куплет.

Доктор Хичкок снова поднял ее с колен и препроводил к маленькому дивану.

– Ты очень помогла нам, Люсинда, – заботливо укрывая ее одеялом, проговорил он. – А теперь тебе обязательно нужно поспать.

Когда Люсинда очнулась в следующий раз, в квартире стояла полная тишина. Она огляделась. Никого. И кровать, где еще недавно лежала Тринкет, была пуста. Люсинду это сперва удивило, но потом она все поняла. Наверное, после того как Тринкет уснула, ее отнесли домой. Люсинда потянулась всем телом, рывком встала на ноги, подошла к окну и прижалась к нему носом. Она никогда еще не вставала в столь

ранний час, и то, что увидела, показалось ей настоящим волшебством. Фонарщик приставил лесенку к фонарю на углу улицы. Миг – и огонь потух.

Кто-то положил ей руки на плечи. Она от неожиданности вздрогнула и обернулась.

– О, доктор Хичкок, вы только поглядите, что там! – ткнула Люсинда пальцем в стекло. – Фонари гаснут, и просыпается утро! Как хорошо, что Тринкет, наверное, лучше! Мне так хочется сейчас выйти на улицу и увидеть, как город просыпается!

– Тогда скорей одевайся, – отвечал доктор.

Спустя несколько мгновений Люсинда была готова. Доктор повязал галстук, потом облачился в жилет и сюртук. Вытащив блокнот из кармана, он написал несколько слов, вырвал страницу и оставил ее на полке камина.

– Они должны знать, куда мы пошли, – сказал он Люсинде. Девочка потянулась за роликовыми коньками. Как хорошо было бы пронестись по городу в такую рань! Но доктор сказал:

– Сжался, Люсинда! Если ты помчишься на этих штуковинах, моим старым ногам не успеть за тобой!

Так роликовые коньки остались в этот раз дома. Правда, кое-что необычное Люсинда все-таки с собой захватила. Это было перо из подушки, на которое надо подуть, как только покажется перекресток. Именно так сделал мальчик в ирландской сказке, который искал судьбу.

Перо Люсинды полетело напрямиком на восток.

– За ним, за ним, доктор Хичкок! – крикнула девочка и вдруг почувствовала себя такой бодрой, будто не провела ночи почти без сна.

– Согласен, – ответил доктор, – только давай воспользуемся еще любезностью вот того кэбмена.

Они пересекли Бродвей, уселись в кэб, стоявший у тротуара, и сонные лошади медленно повезли их к реке. Они вылезли на Ист-Ривер. Тут Люсинда еще никогда не бывала. Навстречу им ехали подводы, уставленные бидонами с молоком, и подводы с кипами утренних газет. Прячась в тени старых зданий, пробирались куда-то бродяги. Ночные полицейские сдавали дежурство дневным. Пугая надтреснутым звоном зазевавшихся пешеходов, мимо пронесся черный фургон с зарешеченными окошками.

– Что это? – спросила Люсинда.

– «Черная Мария», в ней арестованных возят, – объяснил доктор.

– И я бы могла прокатиться в такой, если бы не мой друг, мистер МГонегал, – отозвалась с многозначительным видом Люсинда.

Доктор ошеломленно поглядел на нее, но в детали решил не вдаваться. Они спустились к реке и зашагали вдоль берега. На черной воде, словно огромные светлячки, сияли огнями паромы. А на востоке уже краснела заря. Еще немного – и небо стало светлеть. Люсинде тут же пришло на память

великолепное описание из «Ромео и Джульетты», которое ей прочитал дядя Эрл. Сейчас она сама видела, как «тают ночные свечи и веселый день легкой поступью бежит на вершину горы».

– Вам тоже нравится, когда день бежит на вершину горы? – спросила Люсинда доктора и запихнула замерзшую руку к нему в карман.

Рассвет поднял белых и серых чаек с воды, на которой они продремали всю ночь. Шумя крыльями, птицы взмыли ввысь, и окрестности огласились их криками. Они парили в воздухе, затем вновь набирали высоту и улетали к морю.

Доктор и девочка, задрав головы, следили за птицами.

– У эскимосов есть одно очень красивое поверье, – медленно проговорил мистер Хичкок.

– Какое? – заинтересовалась Люсинда.

– Они считают, что человек после смерти становится белой чайкой. Понимаешь, душа обретает крылья.

– Научиться летать, как они! – по-прежнему глядя вверх, отвечала девочка. – Да, это прекрасно, доктор Хичкок!

Стая чаек все удалялась и вдруг словно исчезла в ярких лучах солнца. Но тут в небе появилась еще одна чайка. Она почему-то дремала на темной глади реки, пока все остальные не улетели. И вот теперь она одна поднялась высоко в воздух и пролетела прямо над Люсиндой и доктором. Девочка заметила, какие у этой чайки белоснежные крылья.

– А она попадет в рай, когда устанет летать на земле? –

очень серьезно спросила Люсинда.

– Думаю, да, – отозвался доктор.

Люсинда посмотрела ему в глаза и вдруг отчетливо осознала то, чего он никак не мог решиться произнести вслух. Это открытие пронзило ее до физической боли. Тщетно она искала во взгляде доктора хоть намек на надежду. Глаза его говорили больше, чем тысяча самых ужасных слов.

Он крепко обнял Люсинду.

– Сейчас мы пойдем ко мне и вместе позавтракаем, – не допускающим возражений тоном произнес он. – А потом тебе надо побыть с папой и мамой Тринкет. Уверен, ты им сейчас очень нужна.

Они долго шли молча. А потом Люсинда убежденно сказала:

– Я должна рассказать папе и маме Тринкет про чайку. Это красиво. Дядя Эрл говорит: трагедии нужно очень много красоты и неизбежности, и тогда она будет великой.

Они снова умолкли. Лишь перед самым домом мистера Хичкока Люсинда сказала:

– Надеюсь, и мне удастся после смерти стать чайкой. Летать на крыльях еще интереснее, чем кататься на роликовых коньках.

Родителей Тринкет Люсинда застала в гостиной сестер Питерс. Мисс Нетти поила их кофе. Девочка села в качалку и начала рассказывать о новом дне, темной глади реки и белой чайке, которая одиноко летела прямо над ее головой.

Глаза Люсинды были совершенно сухие, и голос ее звучал то громко, то понижался до шепота, и она чувствовала себя так, будто тоже летела на восток, к морю.

– Спасибо тебе, Люсинда, – глухо проговорил мистер Бродовски. – Думаю, ты права. Тринкет теперь белая чайка. Только вот... как нам похоронить то, что осталось от нее на земле? У меня нет ни цента.

Стоило Бродовским подняться наверх, как Люсинда принялась выяснять у мисс Нетти все, что имело отношение к похоронам. Узнав, что за место на кладбище и за погребение надо платить, девочка возмутилась до глубины души. Именно в этот момент она почувствовала, как в ней вдруг прорезалась тетя Эмили. «Если у Бродовски нет денег, – твердо сказала себе Люсинда, – значит, я немедленно должна их достать».

Сделав вид, что отправляется в школу, она понеслась на роликах к дяде Эрлу. Но ей не повезло: служанка сказала, что дядя сейчас на работе. Его офис был на Бродвее – в доме возле Энн-стрит. «Ничего страшного, – подумала девочка. – Поеду на роликах по Бродвею, пока не увижу этот дом».

И она поехала. Сначала она неслась что было силы, потом сильно замедлила ход, потом уже едва поднимала ноги от усталости, а Энн-стрит все не появлялась. Ролики сейчас казались Люсинде тяжелыми, как утюги, и только мешали идти. Последние десять кварталов она ковыляла словно испорченная игрушка. Она уже почти не видела ничего вокруг

и двигалась по дороге зигзагами. Наконец ее остановил какой-то рабочий.

– Что с тобой, девочка? – участливо осведомился он.

– Мне к дяде Эрлу! Мне очень надо к нему попасть! – выдохнула она из последних сил.

С трудом выпросив адрес, рабочий взял ее за плечи и вскоре ввез в двери офиса дяди Эрла.

– Снуди! – пулей выскочил из крутящегося кресла дядя. – Как ты попала сюда?

Он тут же спровадил из кабинета двух клерков, которым давал какие-то распоряжения, и, посадив девочку к себе на колени, отстегнул роликовые коньки.

– Подождите минуточку, дядя Эрл, – пролепетала Люсинда. – Мне надо только чуть-чуть отдохнуть, а потом я снова смогу говорить и думать.

И, положив голову ему на плечо, она закрыла глаза.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮСИНДЫ УАЙМЕН

30 марта 189... года

Как я давно ничего не записывала! У меня в памяти дни совершенно перемешались. Дядя Эрл взял на себя все похороны. Цветов для Тринкет принесли очень много. А я ей купила белые босоножки. Мне удалось найти точно такие же, как у ее любимой куклы, которая так ей понравилась, когда мы впервые ходили в игрушечный магазин.

Сколько же всего я узнала с тех пор, как превратилась во временную сироту! И про ростовщиков, и про театр Проктора, и про смерть. Взрослые почему-то скрывают ее от детей, но я считаю, что это глупо. И дядя Эрл точно так же считает. Только мне пока очень трудно понять, что смерть делит всех нас словно бы на две части: одно уходит, а другое навсегда остается. Я сказала дяде Эрлу, что, когда вырасту, мне, может быть, станет понятнее. А он ответил:

– Даже и не пытайся, Снуди. Пока живешь тут, в этом трудно до конца разобраться.

10 апреля 189... года

В последнее время я как-то совсем разлюбила писать. Все в пансионате заботятся о папе и маме Тринкет. А мистер Ночная Сова сделал просто замечательное вмешательство в их судьбу. Он отвел мистера Бродовски поиграть для каких-то людей, а в особенности для одного важного человека по имени Томас. И теперь папа Тринкет играет в симфоническом оркестре на настоящих концертах.

Мисс Люси-милочка дала папе и маме Тринкет очень хорошую квартиру в соседнем доме, и теперь в их старой комнате никто не живет. Только я, когда после школы идет дождь и гулять совершенно нельзя, выхожу на лестницу и поднимаюсь на третий этаж. Я сажусь на самой верхней ступеньке, закрываю глаза и играю, как будто сейчас снова постучу в дверь и мне одолжат ненадолго Тринкет. Моя мама, наверное, сказала бы, что эта игра – очень глупая. Но я все равно, наверное, еще долго так буду играть.

Вечером я укладываюсь в свою складную постель. А потом встаю, стучусь в спальню мисс Нетти и спрашиваю, можно ли мне к ней забраться? Она всегда отвечает, что уже давно меня ждет. И тогда мы говорим, говорим обо всем на свете, а потом я незаметно для самой себя засыпаю. Я очень люблю мисс Нетти!

ВРЕМЕННОЕ СИРОТСТВО КОНЧАЕТСЯ

Уход Принцессы Саиды и маленькой Тринкет опустошили Люсинду. Теперь пустое пространство в душе обязательно надо было заполнить, и Люсинда с готовностью бежала на любой зов. Родители Тринкет очень ей помогали, потому что она была им нужна все время. Никогда раньше Люсинда не думала, что какой-нибудь взрослый не может прожить без нее и дня.

Папа и мама в ней никогда особенно не нуждались. Четверо братьев, которые были старше Люсинды на четыре, девять, двенадцать и восемнадцать лет, отняли у папы и мамы все молодые годы, и на ее долю почти ничего не осталось. В семье с ее существованием как бы смирились. Ее считали некрасивой, капризной, упрямой и снисходительно терпели ее выходки. Люсинда к такому отношению привыкла и воспринимала его как должное. И все-таки она всегда верила, что где-то в огромном мире найдутся другие люди, которым она понравится. Первым таким человеком стала Джоанна. А теперь вот – папа и мама Тринкет. Иногда Люсинде казалось, что им даже дышать без нее трудно. Мистер Бродовски стал водить ее на репетиции симфонического оркестра. Там ей предоставлялась полная свобода действий, и она без конца

елозила на своей низенькой табуретке, придвигаясь поближе то к скрипкам, то к альтам, то к контрабасам, фаготам и флейтам. На обратном пути она, не переставая, расспрашивала папу Тринкет о музыке и вскоре почерпнула множество сведений о симфониях, концертах, хорах и различных инструментальных партиях. Именно этой весной она познакомилась с великой музыкой.

А вскоре настал вечер, когда папа Тринкет первый раз выступал с оркестром в концерте. Люсинда и миссис Бродовски сидели рядом в партере. Девочку так захватил Бетховен, что, пока все не кончилось, она не произнесла ни слова. А потом она шепнула на ухо маме Тринкет:

– Я закрывала глаза, когда слушала, и мне показалось, что это звезды на небе хором поют. Ну, прямо как в Библии! А еще Джоанна мне говорила про одного ирландского мальчика. Он заснул возле волшебной крепости, и в сердце ему попала самая красивая мелодия в мире. Может быть, мистер Бетховен тоже заснул возле звезд, когда они пели на небе? Как вы думаете, миссис Бродовски?

Остальные друзья Люсинды тоже старались по мере сил излечить ее от тоски. Самый весомый вклад внес мистер Коппино. Он купил Тони ролики. Теперь они могли вместе с Люсиндой разезжать по всему Нью-Йорку. Сначала они освоили парк. Через ворота и калитки они устремлялись в нижнюю его половину к пруду, вокруг которого было так замечательно кататься наперегонки. Когда ноги от усталости

уже не хотели стоять прямо, ребята для отдыха кормили рыбок в пруду. Потом они шли в обезьяний питомник, где жил их любимый ручной шимпанзе по имени Мистер Кроули. А оттуда вел прямой путь к музыкальной карусели. Заплатив по пять центов, Тони с Люсиндой усаживались верхом на деревянных коней. Тони всегда выбирал белого, а Люсинде нравился черный, которого она в первый же раз прозвала Пегасом. Тому, кто сумел на ходу карусели схватить золотое кольцо, полагалась бесплатная поездка. Иногда кольцо ловила Люсинда, иногда Тони. Однажды Тони поймал кольцо три раза подряд. Люсинда так разволновалась, что бежала за каруселью, пока Тони не слез на землю.

Когда развлечения в парке им немного приелись, они стали ездить в музей естествознания. Тони приводило в отчаяние, что они ни разу не обошли его целиком.

– Этот музей слишком велик для нас! – воскликнул однажды он. – Наверное, нам никогда не удастся увидеть тут все.

– Так это же хорошо, – возразила Люсинда. – В мире, по моему, и так чересчур много вещей, которые можно разглядеть целиком за одну минуту. А в этом музее сколько ни ходишь, всегда что-нибудь останется на следующий раз.

Особенно Люсинде нравился индейский зал. Она проводила в нем много времени и очень страдала, что не родилась индейцем.

– Вот было бы здорово жить, как они, – поделилась она однажды с Тони.

Но тот ее восторгов не разделил.

– Жить как индейцы? – с сомнением покачал он головой. – Нет, Люсинда, не думаю, что мне захочется ходить голым да еще с какими-то перьями на голове. По-моему, ты мечтаешь совсем не о том, о чем надо.

– Знаю, – разочарованно вздыхала девочка, – но мне все равно хотелось бы стать как индейцы и ездить верхом на бизоне.

В первую же теплую субботу Люсинда наделала сэндвичей, Тони захватил все, что требовалось для печеной картошки, и они покатали к пустырю, который прошлой осенью облюбовали для пикников. Когда картошка была готова, мальчик и девочка разложили еду и принялись с нетерпением озираться по сторонам. Каждый хотел первым увидеть, как к ним приближается повозка Старьевщика. Но время шло, а Старьевщик не ехал. Люсинда и Тони не обменялись ни единым словом по этому поводу, но оба были очень разочарованы.

Справившись со своими порциями, Люсинда и Тони подождали еще и засобирались домой. Судьба старого искателя приключений не на шутку их взволновала. В особенности Люсинду, которая даже думать боялась, что могло помешать Старьевщику и его замечательной лошади Минни приехать сегодня к ним. Больше Люсинда и Тони сюда не ходили.

Зато в следующую субботу тетя Элен Дуглас и дядя Том Маккорд взяли с собой Люсинду на музыкальную комедию

«Робин Гуд». Опера показалась девочке просто чудом и разделила в ее сознании первое место со спектаклем «Микадо». Ну, смогла ли она позволить себе скрыть подобный шедевр от Тони? Две недели Люсинда откладывала карманные деньги и купила два билета на галерку для себя и для друга. Во второй раз музыка захватила ее еще больше, чем в первый. Люсинде хотелось снова и снова слушать ее, пока не запомнит все арии. Она даже подумала, что могла бы поставить оперу в своем кукольном театре. А декорации можно использовать старые, от прежнего «Робин Гуда».

На следующий день Люсинда поделилась своими планами с мистером Ночной Совой. Мелодии арий она запомнила, а слова – не очень. Не может же она ставить оперу без слов. Ночная Сова кивнул головой и вечером откуда-то принес ей либретто музыкальной комедии. Теперь она могла выучить все слова, которые требовались для кукольного спектакля. А мистер Бродовски, несмотря на то что уже начал становиться известным, аккомпанировал Люсинде на скрипке до тех пор, пока она полностью не освоила арии.

Люсинда надеялась, что будет ставить «Робин Гуда» вместе с Эледой, но из этого ничего не вышло. Соломоны вдруг попрятали свои многочисленные костюмы в чемоданы и сундуки и собрались куда-то на Запад. «Прямо как настоящие кочевники», – думала, провожая подругу, Люсинда. Гастроли у Соломонов продлятся все лето, а зимой они опять будут играть в каком-нибудь большом городе, только пока неиз-

вестно в каком. Девочки пообещали помнить друг друга всю жизнь. Впрочем, они не сомневались, что скоро увидятся.

– Когда я вырасту, я обязательно стану актрисой, – сказала Эледа. – И ты тоже. И как-нибудь мы столкнемся с тобой на Бродвее.

– Мне кажется, будет чуть-чуть по-другому, – улыбнулась Люсинда. – Мне, знаешь, не очень-то нравится повторять все время одно и то же. По-моему, я стану все-таки не актрисой, а буду сама писать пьесы. А ты станешь играть в них главные роли. Вот мы с тобой на Бродвее и встретимся.

Но, как ни старалась Люсинда заполнить жизнь, иногда на нее накатывала тоска. И тогда она говорила мисс Нетти:

– Если мне не удастся кого-нибудь одолжить, я, по-моему, просто умру.

Однажды ее осенило: можно ведь одолжить бамбино у родителей Тони! Только не последнего, а девочку Джемму. Она кинулась к Тони и заставила его объяснить миссис Коппино, что ей понадобилось. Когда согласие было получено, Люсинда сказала, что Джемму они с Тони повезут в тачке, на которой мистер Коппино доставляет овощи с рынка. Тачку застелили одеялом, и Джемма очень быстро и весело доехала на этом сооружении до дома сестер Питерс.

Мисс Нетти в тот день была дома и шила в комнате для работы.

– Вот! – ворвавшись к ней с девочкой на руках, выпалила Люсинда. – То самое бамбино, о которой я вам сегодня ска-

зала. Недавно она была самой младшей бамбиной. А теперь у них самое младшее бамбино – Юлий Цезарь, и вот этой бамбине Джемме очень обидно. О, мисс Нетти! Я так замечательно все придумала! У Джеммы нет ничего особенного в смысле одежды. Может быть, нам с вами сшить для нее?

Мисс Нетти бережно взяла Джемму у Люсинды из рук и усадила к себе на колени. Ребенок очаровал ее. На голове у Джеммы пружинками торчали густые черные кудри. Глаза, тоже черные, кокетливо блестели из-под длинных ресниц. А щеки были пухлыми, словно у херувима.

– Много ли такой крошке нужно для платья, – ласково проговорила мисс Нетти.

Она поставила Джемму на ноги, открыла один из многочисленных ящиков и вынула оттуда небольшой кусок белой хлопчатобумажной ткани с бледно-красными бутонами роз по всему полотну.

– Это вполне подойдет, – удовлетворенно сказала она.

Так было положено начало тому, что Люсинда впоследствии назвала «Швейный клуб для бамбин». Шили в основном вечерами. Иногда к Люсинде и мисс Нетти присоединялась миссис Бродовски. Она шила для Джеммы какую-то загадочную часть платья, которая именовалась гертрудой. Люсинда никогда о таком не слышала, но мисс Нетти утверждала, что без гертруды ничего не получится. Леди Росс тоже внесла свою лепту. Она пожертвовала швейному клубу немного поношенную нижнюю юбку из светлой фланели, ко-

торой хватило как раз на подкладку для платья. А мисс Люси-милочка преподнесла Джемме розовую ленточку для волос. Вскоре «Швейный клуб для бамбин» наделал Джемме столько всякой одежды, что ей хватило до самых трех лет. А когда она выросла из всех этих платьев, юбок и блузок, их доносил бамбино Чезаре, которого Люсинда называла всегда не иначе как Юлием Цезарем.

Джемма была теперь частой гостьей в квартире сестер Питерс. Люсинда очень к ней привязалась, и они играли часами. Но кукольная посуда ни разу не покидала шкафа с тех пор, как не стало Тринкет, и сборник песен тоже не открывался.

Двадцать третьего апреля, в день рождения Шекспира, театр Дали давал представление «Как вам это понравится», и дядя Эрл повел на него Люсинду. Были заняты самые лучшие актеры труппы. Воодушевление на сцене и в публике царило такое, что у Люсинды мурашки по коже забегали.

– Конечно же, куклы не могут сыграть так, как люди, – говорила она после спектакля. – Я сегодня сама как будто очутилась в Шекспире. Только, жаль, неожиданностей там никаких не было. Я знала почти все слова и все, что должно случиться. У меня сегодня с этим спектаклем было немножко как с тетей Эмили. Я всегда наперед знаю, что она сделает или скажет.

Тут дядя Эрл разразился таким громким хохотом, что прохожие стали оглядываться. Люсинда почувствовала, что

щеки ее запылали, но было уже темно, и никто ничего не заметил.

На исходе апреля мисс Нетти велела Люсинде встать к косяку двери, на котором отметила ее рост прошлой осенью. За время «сиротства» девочка выросла на целых два дюйма. Мисс Питерс тут же подвергла тщательному осмотру ее гардероб. Куртка и платья стали чересчур коротки. На другой день Люсинда с мисс Питерс отправились в магазин и купили все новое. В особенности восхитила Люсинду шляпа с искусственными цветами яблони на полях. Это был ее собственный выбор, и она не сомневалась, что еще ни один человек в мире не надевал на голову ничего прекраснее.

После магазина они с мисс Питерс зашли в аптеку. Люсинда заказала большой стакан шоколадной соды. Сидя у стойки, она медленно пила и любовалась на кусок льда, в котором была заморожена алая роза. Люсинда уже множество раз видела эту льдину, но отчего-то всегда волновалась. Она вспоминала о Белоснежке, которая спала в стеклянном гробу, и о других прекрасных героях, которые вроде на время и умерли, но оставались столь же прекрасными, как эта вот роза, а потом оживали.

Май ознаменовался свадьбой мисс Клер Бентон – самой молодой и хорошенькой учительницы из всей школы мисс Брекетт. Люсинду, вместе с тремя одноклассницами, пригласили в свиту невесты. Она уже имела кое-какой опыт на этот счет. Когда выходила замуж ее кузина – тоже Люсинда Уай-

мен, – она тоже была среди свиты. Именно в тот день ей и рассказали, что Люсинды они с кузиной в честь бабушки – очень достойной леди, которая родилась почти сто лет назад и давно умерла. Вот почему Люсинда прекрасно знала, что девочек из свиты невесты одевают в пышные платья из белой кисеи, подпоясанные широкими розовыми лентами, а в руках у каждой должна быть золотая корзиночка с розами под цвет поясов.

Венчалась Клер Бентон в церкви Мессии. А свадебное торжество богатая тетя невесты устраивала у мистера Луи Шерри. Люсинда очень ждала этого события. Однако по поводу свиты невесты у нее возникли сомнения, которыми она и поспешила поделиться с мисс Бентон прямо на перемене.

– Наверное, вы меня все-таки зря пригласили. Ну, подумайте сами, мисс Бентон. В свите невесты полагается стоять только очень хорошеньким девочкам. Трех остальных вы совершенно правильно выбрали. У Беатрисы Кудерт потрясающий цвет лица и такие золотистые кудри! У Лауры – тоже. Вирджиния со своими каштановыми локонами выглядит еще лучше. А про меня тетя Эмили говорит, что я безобразна, как целых две жабы. Да я вам просто испорчу всю красоту.

– Что ты, что ты, Люсинда! – пылко возразила мисс Бентон.

– Вы только поглядите как следует на меня, – не сдавалась девочка. – Вот дядя Эрл меня очень любит, но он тоже

всегда говорит: «Из тебя, Снуди, получился бы замечательный папуас или мальчишка из итальянской семьи, но на роль барышни из американского общества ты совсем не годишься». И Джоанна сказала про мои волосы, что они прямо как у мальчишки. Нет, я совсем не такая, как должна быть девочка в свите.

– Ничего ты не понимаешь, – окинула Люсинду любящим взглядом учительница. – Во-первых, ты умная, а во-вторых, у тебя очень выразительное лицо. По-моему, это гораздо лучше, чем быть просто хорошенькой.

– Смотря для чего, – с сомнением покачала головой девочка. – Когда участвуешь в свадебной свите, просто хорошенькой быть, наверное, лучше.

– Можешь считать все, что угодно, но я хочу видеть тебя в свите. Ты мне нужна больше всех остальных, – твердо проговорила мисс Бентон, и вопрос был решен.

Свадьбу праздновали на следующий день. Невеста в атласном платье, длинной вуали из тюля и с букетиком ландышей выглядела обворожительно. Жених Люсинду не особенно восхитил, но она тут же решила, что это не важно. Все равно на него, кроме священника, почти никто не обращает внимания.

Перед самым венчанием мисс Клер шепнула Люсинде:

– Думаю, когда ты вырастешь, ты станешь очень известной. И тогда я всем с гордостью стану рассказывать, что ты была в моей свите на свадьбе.

Свадьба получилась торжественной и очень красивой. Орган звучал так замечательно, что Люсинда из-за него сбилась с шага. Правда, она вовремя спохватилась, и Вирджиния, шедшая сзади, не успела даже на нее налететь. Когда свита остановилась, Люсинда с радостью обнаружила, что находится почти у самого алтаря. Ей было прекрасно видно, как жених надел кольцо на палец невесты. Потом настал самый волнующий миг. Люсинда с подружками помогли молодой поднять вуаль, и новоиспеченный муж поцеловал ее. Люсинда, не отрываясь, глядела и поняла, что жених очень счастлив.

Когда вновь зазвучал орган и все шли к выходу, Люсинда чуть дольше других задержалась в церкви. Она вознесла молитву, в которой просила такой же шлейф и точно такую же вуаль для собственной свадьбы, и чтобы она была хоть в половину такой же красивой, как сегодняшняя невеста, и чтобы девочки в свите, как только посмотрят на жениха, когда он будет ее целовать, сразу же поняли, что он счастлив.

У мистера Луи Шерри было, как и всегда, потрясающе вкусно. Особенно Люсинде понравились мороженое и торт, потому что и то и другое сегодня позволили есть сколько хочешь. А когда торжество кончилось, каждому выдали по золоченой коробочке с фирменным знаком Луи Шерри, в которой лежал кусок свадебного пирога.

Приехав домой, Люсинда сразу же положила коробочку с пирогом под подушку. Теперь оставалось ждать исполнения

желаний, и девочка спокойно заснула. Во сне она превратилась в белую чайку и выпорхнула из окна. Летать, оказывается, было совсем не трудно – гораздо легче, чем прыгать сверху в складную кровать. Люсинда взяла курс на Ист-Ривер. Долетев до места, где они стояли с доктором Хичкоком, она повстречала другую белую чайку. Это была, конечно же, Тринкет, которая давно ее дожидалась. Они вместе пронеслись над рекой, а потом, взмыв в поднебесье, полетели к морю. И чайка Люсинда, пристально глядя на чайку Тринкет, сказала:

– Видишь, там, далеко, корабль? На нем мои родители возвращаются из Италии. Давай полетим навстречу.

...На другой день пришло письмо от родителей. Они сообщали, что корабль их выходит из Италии завтра, а домой они, скорее всего, придут одновременно с письмом.

Но до встречи с родителями было еще тридцатое мая – День памяти погибших в войнах. В «Геднихаусе» устроили по этому поводу пышный вечер, и Люсинду тоже позвали. Мисс Нетти сшила ей платье из гофрированного китайского шелка. Люсинда уже давно о таком мечтала. Но мама всегда была уверена, что лучше знает, какая одежда нужна ее дочери. Гофрированные платья маме не нравились, и Люсинда ничего не могла с ней поделать. К новому платью очень пошел ирландский кружевной воротничок с вышивкой – подарок Джоанны. Поглядевшись в зеркало, Люсинда осталась в полном восторге и побежала на улицу, где ее уже ждал кэб

мистера Гиллигана.

А потом поздно вечером мистер Гиллиган вез Люсинду обратно. Глаза у нее от усталости слипались, но, борясь со сном, она рассказывала кэбмену о том, что творилось на балу в «Геднихаусе»:

– Я почти со всеми успела потанцевать. Мы танцевали кадрили, лансье, экосез и еще всякие другие танцы. Теперь-то я понимаю, зачем мистер Додуорт так со мной мучился в танцевальном классе! Вы, наверное, тоже в детстве ходили в танцевальную школу, да, мистер Гиллиган?

– Нет, милая. Просто я был из тех удальцов, которые и без учения выдадут тебе любой танец. Назови наугад, и я станцюю тебе прямо на мостовой.

– Давайте все-таки подождем, пока доедем до пансиона, – рассудительно проговорила Люсинда. – А помните, как мы первый раз ехали с вами из «Геднихауса»?

– Спросила бы еще, помню ли я свою маму! – захохотал кэбмен.

– Тогда я почти вас не знала. А теперь вы мой потрясающий друг. И миссис Гиллиган – тоже. Давайте будем друзьями всегда.

– Что ж, – многозначительно произнес мистер Гиллиган. – У нас в Ирландии говорят: если загадал что-то при полной луне, это уж точно сбудется. А теперь погляди-ка на небо, мисс Уаймен.

Люсинда высунула голову из окна. Прямо над ними сиял

круглый оранжевый диск.

– Ну, раз все так хорошо, знаете, что я подумала? – прокричала она сквозь люк. – Нам обязательно надо всем вместе поехать в Ирландию. Поедете вы с миссис Гиллиган, я, Джоанна, ну и, конечно же, кэб и лошадь.

– О, только не лошадь! – издал театральное восклицание мистер Гиллиган. – Она у меня не охотница до морских путешествий.

Люсинда ничего не ответила. Она крепко спала. Доехав до места, мистер Гиллиган вынес ее на руках из кэба и со всеми предосторожностями доставил на второй этаж.

– Ох, мэм, – шепнул он мисс Нетти. – Если бы Господь услышал мои молитвы, эта девочка навсегда бы осталась такой, как сейчас. Дай Бог тебе счастья, Люсинда Уаймен. – И, нехотя повернувшись, мистер Гиллиган пошел вниз по лестнице.

Уже несколько дней Люсинда знала, когда приезжают папа и мама. И все-таки последний день «временного сиротства» застал ее совершенно врасплох. Просто как землетрясение или гибель Помпеи. Люсинда надела ролики и отправилась к фруктовому лотку на Восьмой авеню. Но оказалось, что Тони не сможет сегодня с ней покататься. Витторе заболел, и мальчику придется до самого вечера стоять у лотка. Люсинда очень расстроилась. Она села на ящик, который придвинул ей Тони, но говорить им стало вдруг как будто бы не о чем, и они с трудом выдавливали из себя слова.

– Будешь приходить ко мне, Тони?

– Да прямо не знаю...

– Если не хочешь ко мне домой, давай будем встречаться в парке. Мы же всегда с тобой там катаемся.

– Да уж, – с сомнением протянул Тони, – покатаешься с этой твоей гувернанткой. Сама ведь рассказывала, что она всюду таскается за тобой.

– А может, она не вернется.

– А если вернется?

Люсинда наконец поняла: Тони думает, что гувернантка вообще не позволит ему подойти.

– Пусть возвращается, – решительно отвечала она. – Нам-то с тобой какое до нее дело?

– Да, в общем-то, да. Только, боюсь, не очень-то мы весело катаемся, если она станет за нами все время следить.

– Тогда, Тони, мы будем встречаться у тебя дома.

– Если мама тебе разрешит, – с еще большим сомнением отозвался мальчик. – Но если и впрямь соберешься, то только одна. Не хочу, чтобы всякие модники совали нос к нам в подвал.

Подняв голову, Люсинда внимательно глядела на Тони. А тот хмуро взирал на нее сверху вниз. Они по-прежнему очень нуждались друг в друге. Только были уже другими.

– Ну, я пойду, – поднялась девочка с ящика.

– Пока, – попрощался Тони.

Она покатила вверх по Восьмой авеню. Вот наконец и

парк. Она свернула в ворота. Японская айва и апельсиновые деревья цвели вовсю, и Люсинда вдыхала их аромат. На спортивных площадках еще никого не было. Она выехала на лужайку и полюбовалась немного на овец. Овцы щипали молодую весеннюю траву, оставляя за собой коротко выстриженный газон. Словно садовник прошелся косилкой.

– Милый мой парк, – прошептала Люсинда и улыбнулась.

Она вспомнила историю, которую рассказал дядя Эрл. На месте этого парка чуть не построили ипподром. Но дядя Эрл и дядя Том Маккорд подписали прошение, и теперь парк навсегда останется детям. И тут Люсинда поняла. Ведь если тут все навсегда, значит, она сможет хоть до конца жизни сюда приезжать на роликах.

На карусели крепко держались за гривы деревянных коней мальчик и девочка. Девочка с веснушчатым круглым лицом и мальчик, который манерами и одеждой очень напоминал маленького лорда Фаунтлероя – на Люсиндином любимом Пегасе. Люсинда хотела было показать язык этой парочке, но в последний момент раздумала.

«Тр-р! Тр-р!» – неслась она на роликах к пруду, и на этот раз звук получался какой-то печальный. Завтра приезжают папа и мама. Встречать их придется вместе с тетей Эмили, тут уж ничего не поделаешь. А как только наступит лето, родители увезут Люсинду на море. Там, разумеется, будет прекрасно, но вот потом... Люсинда не испытывала на сей счет никаких иллюзий. Такой свободы, как в этом году, ей уже

не видать. Наверное, в следующий раз она сможет принадлежать самой себе только после того, как у нее появится муж. А что, если... Внезапно Люсинда подумала, как было бы хорошо просто не уезжать сегодня отсюда. Вот так не вернуться в гостиную сестер Питерс, и вообще никуда не вернуться. И не надо будет ехать вместе с тетей Эмили завтра в порт. Люсинда останется здесь частью парка. Она будет свободной, как эти ягнята или как ветер, который так чудно тут шелестит листвой. О, она бы смогла. И никогда больше ей не понадобилась бы гувернантка-француженка. Люсинда сама бы стала нянчить детей, которых сюда привозят в колясках. И свой день рождения Люсинда, не задумываясь, подарила бы кому-то другому. Он уже очень скоро. Но ей абсолютно не нужен. Потому что если уж имеет смысл тут остаться, то пусть ей всегда будет десять лет.

Доехав до озера, Люсинда перегнулась через ограду.

– Итак, Люсинда Уаймен, – пристально глядя на свое отражение в зеркальной глади воды, спросила она, – ты хочешь, чтобы тебе осталось навсегда десять лет? Хочешь зимой спать в пещерах вместе с медведями из зоологического сада, а весной просыпаться, и чтобы тебе по-прежнему было десять? Ты действительно этого хочешь, Люсинда? И даже могла бы подтвердить в присутствии дяди Эрла, Тони Коппино и мистера Гиллигана?

Люсинда, стоявшая возле ограды, умолкла. А отражение Люсинды в воде одними губами ответило:

– Да!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Речь Рут Сойер на торжественном вручении премии Ньюберри за повесть «Одна в Нью-Йорке»

Если бы не Люсинда Уаймен, повесть «Одна в Нью-Йорке» никогда не была бы написана. Нас с Люсиндой связывает общее детство, но даже я смогла полюбить эту девочку лишь на одиннадцатом году ее жизни. Думаю, каждому, кто прочтет книгу, станет ясно, отчего в раннем детстве Люсинда была столь странным ребенком. Чуть ли не с самого рождения она была вынуждена приспособливаться к миру и представлениям взрослых. Она искренне старалась, но, разумеется, у нее ничего не могло выйти.

Вот почему мама с папой, и старшие братья, и кузены, и кузины, и дяди, и тети считали Люсинду чем-то вроде стихийного бедствия, которое приходится поневоле терпеть.

Только, пожалуйста, не подумайте, что Люсинда росла в несчастливой семье. Напротив, все ее родственники были счастливы. Просто сама Люсинда имела несчастье появиться на свет гораздо позже, чем следовало, и братья оказались уже взрослыми, чтобы стать ей друзьями, а папа и мама на-

поминали скорее дедушку с бабушкой.

Я не хочу, чтобы в повести «Одна в Нью-Йорке» слишком настойчиво искали мораль. Но я буду счастлива, если мои читатели научатся хоть чуточку больше уважать стремление детей к самостоятельности и свободе. Оглянитесь вокруг повнимательней, и вы заметите множество мальчиков и девочек, которых в наше время стало модно называть «трудными». К счастью для Люсинды, она жила в другую эпоху. Тогда детьми вместо психологов и психоаналитиков занимались добрые няни. Вот почему именно Джоанна стала первым оазисом среди методичного и делового мира семьи. Люсинда ненавидела, когда ее жизнью пытались управлять посредством звонков, свистков и расписаний. Чувство протеста в ней зрело с самого раннего детства. И хотя в то время Уильям Йитс еще не написал «Земли, к которой тянется сердце», Люсинда вполне могла бы воскликнуть:

О, феи, возьмите из этого скучного дома меня,
И дайте свободу, которой мне так не хватает.
Не только работа, но даже безделье меня угнетает,
Когда не могу я решить, что мне делать, сама для себя.
О, феи, возьмите из мира, где то же все день ото дня,
И я полечу вместе с вами, куда захотите,
И там буду бегать на волнах штормящего моря
И на гору разом взлетев, я устрою там танец, как пламя.

Именно эту жажду чудесного было дано услышать Джо-

анне, и она то и дело увлекала Люсинду в мир ирландских сказок, чародеев и фей. И, конечно же, были книги. Без них Люсинда нипочем бы не выстояла первые десять лет жизни.

Если вы помните, несколько раз на протяжении книги я пыталась привлечь ваше внимание к звуку роликовых коньков. «Тр-р! Тр-р! Тр-р!» Этот звук на одиннадцатом году жизни Люсинды обретает глубочайший смысл. В нем – чувство сопричастности девочки этому году, городу, и всему существу. Иными словами, то, что столько лет безуспешно пытались навязать Люсинде извне родные, внезапно становится частью ее существа. Ибо, встав на ролики, она ринулась в жизнь, и все, что узнала, выстрадала на собственном опыте. Таков великий дар впитывать в себя окружающий мир. Почти все мы щедро наделены им в детстве, а к зрелым годам теряем и лишь изредка способны обрести вновь.

Став взрослыми, мы, по большей части, перестаем ценить то, что в детстве ставили превыше всего. Вот почему мне очень хотелось передать в своей книге «музыку детства». У Люсинды она родилась из треска роликов об асфальт, у других рождается из чего-то иного. Надо постараться сохранить эту музыку в себе навсегда, ибо она – самое лучшее, на что мы способны.

Конечно, предоставить ребенку свободу действий довольно страшно. Но, мне кажется, в детях столько врожденной мудрости! Как точно чувствуют они людей, самые разнообразные ситуации и происшествия, осмыслить которые им не

хватило бы ни образования, ни житейского опыта. И все потому, что вера им дана Свыше, глаза их и чувства открыты, а жажда узнать, увидеть и сделать – всепоглощающа. Зачем же подменять такое богатство? Зачем слишком рано навязывать наши, взрослые ценности? Мы наверняка нанесем этим ребенку огромный вред.

Одержимые самыми лучшими побуждениями, мы вклиниваем между детьми и миром взрослую скованность, взрослее страхи, а порой и безверие. Мы заражаем их тысячами заблуждений, которые, если вдуматься, и самим нам мешают. Уверяю вас: детский выбор пути куда удачнее нашего. Не мешайте ребенку самостоятельно мыслить и принимать решения, и он будет счастлив. И тогда даже те из детей, которых прозвали «трудными», раскроются столь же полно, как раскрылась на одиннадцатом году жизни Люсинда.

Сегодня, я поднялась очень рано. Прежде, чем появиться сейчас перед вами, мне было просто необходимо рассказать Люсинде о премии Ньюберри. Есть только одно место на свете, где ее можно застать. Это Центральный парк. Я прошла в него сквозь Ворота Торговцев, прогулялась взад-вперед по аллее, а потом дошла до тропинки, где рос куст японской айвы. Тут Люсинда с Джоанной играли когда-то в дом. Но я не нашла ни айвы, ни Люсинды. Внезапно я вспомнила, что недавно в парке сломали старое казино. Теперь на его месте детская площадка с песочницей. Где же еще быть Люсинде, если не там.

Я и впрямь нашла ее на детской площадке. Она что-то рисовала пальцем на влажном после ночного дождя песке.

– Ты? – удивленно взглянула она на меня.

Я рассказала ей о медали Ньюберри. Похоже, она обрадовалась.

– Это же потрясающе! – тут же закричала она. А потом улыбнулась и тихо добавила: – Только вот что ты с ней будешь делать? Наверное, тебе захочется ее носить. Но ведь тебя же тогда будут спрашивать, как ты ее заработала. Вот и придется тебе признаваться, что по правде, медаль заслужила не ты, а я.

Это было уже чересчур, и я почувствовала, что просто обязана сбить хоть немного спеси с Люсинды Уаймен.

– Некоторым читателям не все понравилось в книге, – назидательно проговорила я.

– А что же им не понравилось? – приготовилась защищаться Люсинда.

– Ну, им кажется, что смерть Тринкет в книге совсем не нужна.

– А это детям или взрослым так кажется? – немедленно спросила Люсинда.

– Взрослым, – ответила я.

– Тогда понятно, – успокоилась она. – Ты ведь сама знаешь: взрослые вечно придумывают для детей какие-то глупые сказки про смерть. Вроде истории о трех старухах. Одна держит веретено, вторая отмеряет нить жизни, а третья

режет своими кошмарными ножницами. Дети никогда не смогли бы такого придумать. В их сказке была бы всего одна-единственная старушка. Такая же добрая, как бабушка в «Принцессе и гоблине». Она сидела бы у огня и пряла нить жизни. И никто никогда эту нить бы не обрезал. Но что же поделаешь, если от смерти все равно никуда не уйти.

И я не смогла ничего возразить на это Люсинде. Я напомнила ей, что сегодня у нас знаменательный день.

– Скажи, что я могу передать от тебя тем, кто вручит мне медаль?

Люсинда повернула ко мне сияющее лицо.

– Скажи, пускай надевают роликовые коньки и едут ко мне в парк. Я им всегда буду рада.

Рут Сойер

22 июня 1937 года